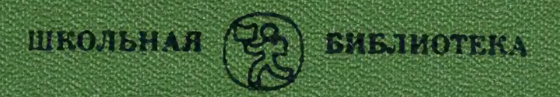


В. К. АРСЕНЬЕВ

ДЕРСУ УЗАЛА

Скан и обработка:
krestik

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

1872—1930

В. К. АРСЕНЬЕВ

ДЕРСУ УЗАЛА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ББК 84Р1
А85

Текст печатается по изданию:
Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края, ч. 2.
Хабаровск — Владивосток, Книжное дело, 1928.

Вступительная статья
Вс. Сысоева

Иллюстрации художника
Б. Ольшанского

А $\frac{4702010100-371}{028(01)-88}$ 64—88

ISBN 5—280—00100—7

В. К. АРСЕНЬЕВ И ГЕРОЙ ЕГО КНИГИ ДЕРСУ УЗАЛА

Книга «Дерсу Узала», прочитанная однажды, остается любимой на всю жизнь. Мир ее, необычный и правдивый, таежная жизнь участников экспедиции, исполненная больших трудностей и приключений, жизнь мужественных и отважных первопроходцев, изучающих прекрасный и своеобразный уголок земли — Уссурийский край — во всей его первозданной суровой прелести, наконец, необыкновенно обаятельные образы самого повествователя и его друга Дерсу Узала делают книгу привлекательной и незабываемой. Создана она на документальной основе: в походах В. К. Арсеньев вел дневники, где тщательно и систематически отмечал все события и открытия каждого дня, что придает его произведению особую ценность. А. М. Горький признавался Арсеньеву, что «влюбился в книгу». «Не говоря о ее научной ценности,— конечно, несомненной и крупной,— писал он,— я увлечен и очарован был ее изобразительной силою. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера... Гольд написан Вами отлично...»

Имя Владимира Клавдиевича Арсеньева неизменно возвращает меня к юношеским дням, к той поре, когда я, живя на берегу Черного моря, с упоением читал его книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»... И так неудержимо потянуло меня тогда на Амур и Уссури, в край, полный романтики и неизвестности... Впоследствии этот край стал моей второй родиной. Сила воздействия арсеньевского таланта была неотразима и, думаю, увлекла в далекие края не меня одного.

О «громадном воспитательном значении» таких людей, как Владимир Клавдиевич, писал в статье памяти Н. М. Пржевальского великий русский писатель А. П. Чехов: «Их идейность, благородное честолюбие, имеющие в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах

народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу». Эти слова, безусловно, приложимы и к В. К. Арсеньеву, человеку научного подвига и незыблемой нравственности в самом высоком ее понимании

В. К. Арсеньев родился в Петербурге 10 сентября 1872 года в семье железнодорожного служащего. Любимый писатель его детства — Жюль Верн, а настольная книга — «Путешествие в Уссурийском крае» Н. М. Пржевальского. В двадцатилетнем возрасте он поступил в Петербургское пехотное юнкерское училище. Выбор военного поприща не был случайным. Мечтая стать исследователем-путешественником, Арсеньев не без оснований полагал, что достижению этой цели будет способствовать военная служба (примеры тому он видел в русских офицерах-путешественниках Н. М. Пржевальском, П. К. Козлове, Г. И. Невельском).

В училище его интерес к географии, поощряемый преподавателем М. Е. Грум-Гржимайло, братом известного исследователя Центральной Азии, укрепился. Дальний Восток особенно приковал внимание юноши. Изучение его стало страстью Арсеньева на всю жизнь.

В 1896 году, окончив училище по первому разряду, он получает назначение в Польшу. Однако желание попасть на Дальний Восток не покидает его. Он неоднократно подает рапорты о переводе и наконец в 1899 году получает долгожданное направление в Уссурийский край. «Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое от радости замирало в груди»,— писал он.

Арсеньев приехал в небольшой деревянный городок на берегу чудесной бухты — Владивосток, где к домам подступала уссурийская тайга, в которой обитали тигры и леопарды. «...Я был молодой петербургский человек и захлебывался от впечатлений. Я как бы на другую планету попал»,— вспоминал позже Владимир Клавдиевич.

Вскоре Арсеньев становится начальником конно-охотничьей команды Владивостокской крепости и начинает исследование юго-восточной части Уссурийского края. В результате многочисленных, хотя и кратковременных, экспедиций и поездок он составляет обширный «Отчет о деятельности Владивостокского общества любителей охоты за пятилетие с 1901 по 1905 г. включительно». Это был его первый печатный труд, вызвавший большой интерес читателей.

Во время экспедиции 1902 года в район озера Ханка В. К. Арсеньев в истоках реки Лефу впервые встретился с Дерсу Узала. В книге «По Уссурийскому краю» Арсеньев пишет о первом впечатлении от Дерсу: «Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые, ноги немного кривые. Темное загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие темно-русые усы окаймляли его верхнюю губу, и маленькая рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза.

Темно-серые, но не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие». «Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, незаискивающе...» Из разговора с гольдом (так до революции звали нанайцев) Арсеньев узнал, что было ему «пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты», что была у него семья, дети, но все погибли от оспы, и остался Дерсу один на свете, ходил по лесам, промышляя охотой. Повстречав экспедицию Арсеньева, гольд остался в ней проводником. И с этой встречи молодой ученый Арсеньев и «лесной люди» Дерсу стали на всю жизнь большими и добрыми друзьями, вместе исколесив многие километры уссурийской тайги.

России, которая в начале нашего века активно взялась за освоение своей дальневосточной окраины, позарез нужны были смелые и знающие люди. В. К. Арсеньев, успевший зарекомендовать себя хорошим ученым и бесстрашным путешественником, безусловно, соответствовал этим целям. Его план исследования всего Уссурийского края путем трех последовательных экспедиций (1906—1910 годов) был поддержан правительством. Скудные средства для экспедиций выделялись сперва военным ведомством, затем приамурским генерал-губернатором и Русским Географическим обществом. А Арсеньев мечтал о комплексном изучении края от его древней истории до современности. И сумел сделать многое. Он был географом, топографом, этнографом, археологом, историком, ботаником, охотоведом... Все его научные задачи подчинялись главной цели — хозяйственному освоению Дальнего Востока, его заселению и обеспечению неприкосновенности границ России.

Первая большая Сихотэ-Алиньская экспедиция продолжалась с 20 мая по 17 ноября 1906 года. Она обследовала побережье Японского моря и восточные склоны Сихотэ-Алиня, хребет которого В. К. Арсеньев пересек тогда восемь раз. В этой экспедиции Арсеньев обнаружил многочисленные выходы руд цветных металлов, произвел топографическую съемку местности, определил пригодность земель для сельского хозяйства, что было необходимо в связи с переселенческими нуждами. Кроме того, он занялся раскопками старинных укреплений в Пади Широкой на реке Тадуши, собирал зоологические коллекции.

В этой экспедиции Дерсу второй раз сопровождал Арсеньева. Любопытно, что не покидавший тайгу гольд, прослышав об экспедиции, сам разыскал ее и явился к Арсеньеву, который постоянно вспоминал своего удивительного проводника. Как и в 1902 году, Дерсу примкнул к экспедиции без всяких приглашений, сам пошел. Его доброе и мудрое сердце подсказало ему, как будет необходим он этим городским людям в тайге, которую он превосходно знал и «читал», как грамотный человек читает книгу. Встреча была счастливой. Владимир Клавдиевич записал тогда: «Теперь я ничего не боялся. Мне не страшны были ни хунхузы, ни дикие

звери, ни глубокий снег, ни наводнения. Со мною был Дерсу». Надо понять всю значительность этого признания: ведь Арсеньев и сам был завзятый и умудренный путешественник. Один из его проводников, удэгеец Мивану Кимонко, который хорошо помнил «капитана», говорил мне, что Арсеньев знал тайгу не хуже любого удэге. Но Дерсу, выросшего и всю жизнь проведшего в тайге, отличало полное слияние с природой, он был плоть от плоти ее, он понимал и чувствовал каждый ее шорох, каждую травинку, он ориентировался в любых, самых сложных обстоятельствах и был не просто нужен экспедиции, но незаменим. Сколько раз он спасал Арсеньева и его спутников от опасностей, иногда смертельных! Многие тайны «северных джунглей» узнает Владимир Клавдиевич от своего друга, но нелегка будет эта наука, и не раз скажет ему Дерсу: «Тебе глаза есть, а посмотри — нету!» Сам он видел все. По мало приметным для неискушенного глаза следам он даже мог восстановить картину событий, происшедших задолго до его прихода, восстановить с абсолютной точностью, будто был их свидетелем.

Зоркость и своеобразная суровость подлинного хозяина тайги сочетаются у Дерсу с трогательной бережливостью: он никогда не берет у природы лишнего, только то, что необходимо ему для очень скромной и простой жизни. С какой-то детской, почти нежной добротой относится гольд к животным, в которых видит тех же людей, только «в другой рубашке». И обращается он с ними как с людьми, и удивительно, но звери чувствуют его отношение. В книге «По Уссурийскому краю» Арсеньев описывает их встречу в тайге с тигром. Потревоженный зверь грозно рычал. «Вдруг Дерсу быстро поднялся с места,— пишет Владимир Клавдиевич.— Я думал, он хочет стрелять. Но велико было мое удивление, когда я увидел, что в руках у него не было винтовки, и когда я услышал речь, с которой он обратился к тигру.

— Хорошо, хорошо, Амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твое место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге место много. Сердиться не надо!..

Гольд стоял, протянув руки к зверю. Вдруг он опустился на колени, дважды поклонился в землю и вполголоса что-то стал говорить на своем наречии. Мне почему-то стало жаль старика...

Наконец Дерсу медленно поднялся, подошел к пню и взял свою берданку.

— Пойдем, капитан! — сказал он решительно и, не дожидаясь моего ответа, быстро через заросли пошел на тропинку». Они ушли, и зверь не тронул их. А ведь Дерсу был отличным охотником, и ему ничего не стоило убить тигра. Но даже в такой критической ситуации он не мог изменить своим принципам миролюбия.

Как подлинное дитя природы, Дерсу был предельно честен, правдив, открыто доброжелателен к людям. Его и обманывали, и обирали, но это не озлобляло его, не рождало в нем недоверия к людям. В чистоте своей души он только удивлялся нечестным поступкам. Дерсу, как и самого Арсень-

ева, отличали удивительная цельность характера, нерушимость нравственных устоев, врожденная деликатность.

Закончив в 1906 году путешествие, Арсеньев и Дерсу в этот раз уже договорились, что следующий поход они проведут вместе. По целям своим экспедиция 1907 года явилась продолжением предыдущей: ученый опять обследовал восточные склоны Сихотэ-Алиня, а также долину реки Бикин. О событиях именно этого странствия и рассказал впоследствии В. К. Арсеньев в своей книге «Дерсу Узала».

После экспедиции 1907 года Арсеньев пригласил Дерсу пожить в его доме в Хабаровске. Дерсу очень любил своего «капитана», но жизнью в городе тяготился, весь ее уклад ему, вольному сыну лесов, был глубоко чужд. Весной 1908 года он распростился со своим добрым другом и пошел пешком в Приморский край, на свою родину, к истокам реки Уссури...

Его нашли убитым на Хехцире, близ станции Корфовская, совсем недалеко от Хабаровска.

Сумерки застали его в пути. Дерсу развел костер у самой дороги, чтобы скоротать у огня холодную весеннюю ночь. Это был последний его костер... Грабители не нашли у Дерсу ценных вещей, а память и любовь к этому душевно красивому человеку похитить было невозможно.

Сейчас в поселке Корфовский, недалеко от места гибели Дерсу, в память о нем поставлена огромная гранитная глыба, и школьники посадили вокруг нее сосны...

После гибели Дерсу В. К. Арсеньев совершил еще немало экспедиций по обширному дальневосточному краю. Самой, пожалуй, трудной была экспедиция на Северный Сихотэ-Алинь (1908—1910) по маршруту Хабаровск — река Анюй — Императорская (ныне Советская) Гавань — залив Де-Кастри.

Как уже говорилось, круг его интересов был необычайно широк: он собирал коллекции растений и животных, вел метеорологические наблюдения, составлял карты местности, интересовался вопросами археологии и геологии, изучал культуру аборигенов... Свои богатые коллекции впоследствии он подарил музеям этнографии Москвы, Ленинграда, Казани.

В своих походах по дальневосточной тайге Арсеньев постоянно сталкивался с аборигенами — нанайцами и удэге — и очень полюбил эти малые народности, стал их другом и покровителем, проникся добрым и деятельным сочувствием к ним. Н. И. Рудичева, бывшая горничной в доме Арсеньевых около десяти лет, вспоминала, что «лесные люди» очень часто обращались за помощью к Владимиру Клавдиевичу. «Мне было строго наказано,— говорила она,— заводить их в дом, кормить, устраивать на ночлег. И если рано утром Владимир Клавдиевич обнаруживал сидящего на бревнах возле дома в ожидании встречи с ним человека, то очень огорчался и делал мне замечание. Для этих людей дом Арсеньева был всегда открыт».

26 марта 1911 года В. К. Арсеньев «по высочайшему повелению» был уволен с военной службы. Вскоре он назначается в Переселенческое

управление, где проработал до октября 1916 года, занимаясь проблемами заселения края. Одновременно он руководил (с 1910 по 1926 год с перерывом) Хабаровским краеведческим музеем, читал лекции, путешествовал.

Когда пришла революция, у В. К. Арсеньева не возникало сомнения, с кем идти. Имя его как ученого было известно уже не только в России. И откатывавшиеся за пределы страны белогвардейцы пытались склонить его покинуть родину. Владимир Клавдиевич ответил: «Я — русский. Работал и работаю для своего народа. Незачем мне ехать за границу».

Он остался верен России, ее народу, Дальнему Востоку... После Октября Арсеньев становится профессором Педагогического института имени К. Д. Ушинского. Он был прекрасным популяризатором науки, много выступал с сообщениями, лекциями, был организатором научных кружков, краеведческих музеев. Основную задачу своей научной и служебной деятельности В. К. Арсеньев видел в стремлении как можно скорее поставить природные богатства края на службу человеку.

В это же время Владимир Клавдиевич начинает весьма активно заниматься литературой. Всего в течение жизни он опубликовал 62 работы научного, популярного и литературно-художественного характера. Зимними вечерами 1918—1920 годов, перечитывая свои многолетние походные дневники, заново переживая все увиденное и испытанное в таежных скитаниях, он пишет самые замечательные свои книги — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Книги эти, яркие, талантливые, давно перешагнули границы своей родины и стали мировой классикой. В них удивительно гармонично сочетаются глубокое научное исследование с художественной силой слова. Внимание читателя к ним всегда будет большим, а чувство к автору — любовным и благодарным.

В 1930 году В. К. Арсеньева не стало. Он умер как и жил — в пути: находясь в экспедиции на Нижнем Амуре, он простудился, заболел воспалением легких, которого не перенес.

В этом году исполняется восемьдесят лет со дня гибели Дерсу Узала. Книга, о нем написанная и ему посвященная, книга, сделавшая простого, скромного гольда любимым героем многих читателей во всем мире,— лучший ему памятник.

Всеволод Сысоев

ДЕРСУ УЗАЛА

I

ОТЪЕЗД

План экспедиции.— Состав отряда.— Мулы.— Питательные базы.— Прибытие Дерсу.— Помощь, оказанная моряками.— Плавание на миноносцах.— Прибытие в залив Ольги.— Высадка в бухте Джигит.— Горбуша.— Птицы

С января до апреля 1907 года я был занят составлением отчетов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие.

В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предрешен, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45° и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация этой экспедиции в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков [1], ботаника Н. А. Десулави, студента Киевского университета

---

[1] Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

П. П. Бордакова и моего помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаемного препаратора пошел брат последнего, Г. И. Мерзляков.

Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твердым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

За месяц вперед А. И. Мерзляков был командирован в город Владивосток за покупкой мулов для экспедиции. Важно было приобрести животных некованых, с крепкими копытами. А. И. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Джигит, где и оставить их под присмотром троих стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реках Такеме, Амагу, Кумуху и у мыса Кузнецова.

В апреле все было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было еще исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске еще недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. От села Осиновки он поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видал ли кто-нибудь старика-гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги, он застал какого-то туземного охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собой.

На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

— Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэхейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешел в урочище Анучино и здесь жил у знакомого

старика-гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленя, рога которого оставил в кредит у китайцев.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и, по своей наивной простоте, рассказал ему о том, что соболевал зимой на реке Ваку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало.

3-го мая я кончил все свои работы и на другой день распрощался с Хабаровском.

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, зафрахтовало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определенных рейсов еще не было, и сама администрация не знала, когда вернется пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня с командой в залив Джигит [1]. Миноносцы уходили в плавание только во второй половине июня. Пришлось с этим мириться. Во-первых, потому, что не было другого случая добраться до залива Джигит, а во-вторых, проезд по морю на военных судах позволял мне сэкономить значительную сумму денег. Кроме того, потеря времени во Владивостоке наполовину окупалась быстротой хода миноносцев.

22-го июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с морскими офицерами затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум — снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой

---

[1] Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозный», «Гремящий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий». *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре легкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал утихать.

Часов около десяти с половиной миноносцы были на линии острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит «Зеленый остров». Офицеры спустились вниз и принялись за чаепитие.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и касатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но касатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Один из спутников стрелял. Два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все касатки сразу исчезли.

В сумерки мы дошли до залива Америки и здесь заночевали.

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайшим к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на валы, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед.

Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Мы решили провести ночь на суше и потому съехали на берег и развели костер.

Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

— Моя хорошо понимай — его (он указал на миноносец «Грозный») сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно — ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже все было видно: тропу, кусты, камни, берег залива и опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец. Я разбудил его и велел везти нас к миноносцу.

На судах еще кое-где горели огни. У трапа меня встретил сонный вахтенный начальник. Я пошел к себе в каюту, разделся и лег в постель. Душа моя была спокойна: Дерсу был со мной, значит, успех обеспечен. Теперь я ничего не боялся. С этими мыслями я уснул.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

30-го числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мертвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твердую землю. Когда миноносцы стали сниматься с якоря, в рупор ветром донесло: «желаем успеха».

Минут через десять миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там, вследствие постоянного прибоя, нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из стрелков пошел за водой и, вернувшись, сообщил, что в устье реки бьется много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей.

Горбуша еще не имела того безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти ее и начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на нее внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за ней. В другом месте две вороны преследовали сорокопута. Последний

прятался от них в кусты, но вороны облетали куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника. Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветви деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында водятся пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-востока. Раньше их здесь было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода.

II

ПРЕБЫВАНИЕ В ЗАЛИВЕ ДЖИГИТ

Староверы.— Их взгляд на туземцев.— Первобытный коммунизм.— Таинственные следы.— Золотая лихорадка.— Туман.— Потерянный трофей.— Бессонная ночь.— Случайная находка.— Стрельба по утке.— Состязание.— Выстрелы гольда.— «Сказка о рыбаке и рыбке».— Мнение гольда

Дня через три (7 июля) пришел пароход «Эльдорадо», но ни А. И. Мерзлякова, ни мулов на нем не было. Приходилось, значит, ждать другой оказии. На этом пароходе в Джигит приехало две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошел к их огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собой. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

— Должно быть, вы раньше встречали друг друга? — спросил я старика.

— Как же, как же,— отвечал старовер,— я давно знаю Дерсу. Он был еще молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту. Жили мы в то время на реке Даубихе, в деревне Петропавловке, а на охоту ходили на реку Улахе, бывали на Фудзине и на Ното.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли «Косозубым», вспоминали переселенцев, которых называли странными прозвищами «Зеленый Змий» и «Деревянное Ботало». Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй — чрезмерной болтливостью. Гольд

отвечал и смеялся от души. Старик угощал его медом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят.

Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились. Естественно, что разговор перешел на тему об их переселении на новое место.

— Жили мы раньше,— говорил старовер,— около Петропавловского озера, на реке Амуре. Назвали мы так это озеро потому, что пришли к нему как раз в день Петра и Павла. Но недолго нам привелось сидеть на одном месте. Кругом болото, мошка... Тогда мы перешли на реку Даубихе и здесь основали деревню Петропавловку. Жилось там хорошо, пока не пошла «шуга».

— Какая шуга? — спросил я.

— Переселенцы,— просто отвечал он,— хохлы, «саратовские», запасные солдаты из Владивостока, мастеровые и прочие. Мы их шугой зовем.

— Отчего же вы их так не любите?

— Да, видишь ли, разврат они приносят, пьянство, кражи, ругань, ссоры, леность. Ну, крали бы друг у друга, дрались бы между собой. Так нет, начали и нас туда же втягивать. Пошли жалобы, волостные и мировые суды,— просто беда. Отродясь не было у нас завода, чтобы по судам таскаться. Вот старики и задумали уйти от греха подальше и переселились на реку Судзухе[1]. Там в вершине была фанза Юнбеши [2]. Там мы и поселились. Первый туда переехал Батюков, а за ним потянулись и остальные. Новая деревня тоже стала называться Юнбеши, а когда переселенческое начальство потребовало переименовать деревню по-русски, мы назвали ее Батюково, по фамилии первого засельщика. На Судзухе прожили мы хорошо лет пять. Смотрим — опять «шуга» идет. Начальство приказало не мешать им. Мы мешать-то не мешали, но и помогать не помогали. Так прожили мы с новыми соседями три года. Наконец невтерпеж стало. Поверишь ли, в поле ничего нельзя оставить: плуг оставишь — украдут, коня — уведут, корову — зарежут, сено из зародов и то стали воровать. А кроме того, с приходом людей начались лесные пожары, зверь отдалился; стали переселенцы перегораживать реку и не пропускать к нам рыбу. Терпели мы, терпели, да и ре-

---

[1] Су-цзы-хе — река, где растет маслянистое растение су-цзы. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

[2] Юн-бэй-ши — драгоценный камень. Юн, белый, с черными прожилками. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

шили искать новые места. Послали ходоков на север. Они обошли весь морской берег и облюбовали Джигит. Вот мы и переехали.

— Ну, а если и сюда придут эти переселенцы? — спросил я.

— Тогда мы дальше поедем. Из-за этого мы и хороших домов не строим. Мы уже вперед знаем, что более пяти лет нам не прожить на одном месте.

— Да ведь это разорение — переезжать с места на место?!

— Зачем разоряться?! Дома-то и все недвижимое у нас те же переселенцы скупают.

— Зато приходится каждый раз целину подымать для пашен,— это стоит и денег и труда.

— Мы земли-то мало пашем,— отвечал старовер,— только хватило бы хлеба до конца лета. Зато вдали от жилых мест мы охотничаем и знатно соболюем. Ну, есть и другие заработки.

— Какие же? — спросил я его.

— Да разные,— отвечал он,— смотря на что урожай будет. Жить здесь в краю можно хорошо, лишь бы подальше от людей: места привольные, земли много, рыбой хоть пруд пруди, зверя много, лесу много. Чего еще надо? Знай работай, не ленись. Надо присмотреться, что есть и что можно взять.

В самом деле, китайцы жили и богатели. На те же места приехали переселенцы из России и начали беднеть, несмотря на то что от казны они получали некоторое пособие. Старовер был прав. Надо не край к себе приспособить, а себя приспособить к краю.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушел, а я еще долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешел на Дерсу.

— Хороший он человек, правдивый,— говорил старовер.— Одно только плохо — нехристь он, азиат; в бога не верует, а вот, поди-ка, живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет? У него и души-то нет, а пар.

— Да то же, что со мной и с тобой,— ответил я ему.

Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня со стрелками сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

— Ты куда? — спросил я его.

— На охоту,— отвечал он.— Моя хочу один козуля

убей — надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал — шесть есть.

«Не душа, а пар»,— вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу не ходить на охоту, но этим я доставил бы ему только огорчение,— и я воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого из людей нашего отряда и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привез с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал стрелкам, другую — староверам, третью — китайцам соседних фанз. Стрелки стали протестовать.

— Нельзя,— возражал Дерсу.— Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего-чего один люди кушай — грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашел чьи-то следы. Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские — четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое свое заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банка из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продается в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное,— по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причем у одного из ночующих сгорело одеяло.

С тех пор все чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т. д. Это становилось подозрительным. Если бы это были

китайцы, вопрос решился бы не в их пользу. Мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам на бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее.

В г. Владивостоке в начале этого года разнесся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных, в надежде на скорое и легкое обогащение, бросилась на побережье моря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдорадо. Золотая лихорадка охватила всех — и старых и молодых. И в одиночку, и по двое, и по трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, измученные люди бродили по горам в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в тайге и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собой и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в Переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дождаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Это время я использовал на съемку заливов Джигит и Рында.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец был нанесен последний штрих и поставлена точка. Я взял ружье и пошел на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощей травой, кустарниками леспедецы и редколесьем из дуба, липы и белой березы.

Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я и направил свои стопы.

Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе.

Отойдя от бивака версты четыре, я нашел маленькую тропинку и пошел по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта звериная, и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил ее и пошел целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашел.

Большая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. Словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь все шире и шире и поглощая все, с чем приходил в соприкосновение.

Вдруг выбежали две козули. Я быстро поднял ружье и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Место, где лежал козел, я хорошо не запомнил, вероятно, прошел мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра прийти сюда с людьми и возобновить поиски. Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошел вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка или еще что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошел час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменил направление и пошел по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночевка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком. Я опять не захва-

тил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и идти дальше. Должно быть, взошла луна; сквозь туман ее не было видно, но на земле стало светлее. Часа два я еще бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле — все это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Так промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось мне знакомым. Я подошел к нему и узнал именно то, на котором сидел в первый раз.

Наконец стало светать. В воздухе разлился неясный, серовато-синий свет утра. Туман казался неподвижным и сонным; трава и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела наискось через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошел по краю оврага. Не успел я сделать и трех саженей от валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мертвого козла.

Оказалось, что я все время кружил около него. Досадно мне стало за бессонную ночь, но тотчас это досадное чувство сменилось радостью. Я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику.

Скоро стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всем чувствовалось его присутствие. Туман быстро начал рассеиваться. Кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили мокрую землю. Тогда все стало ясно, стало видно, где я нахожусь и куда надо идти. Странным мне показалось, как это я не мог взять правильного направления ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шагу.

Часа через два я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у китайцев. Напившись чаю, я лег в постель и уснул крепким сном.

Несколько дней спустя после этого мы занимались пристрелкой ружей. Людям были розданы патроны и ука-

зана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки у меня стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утеса.

Откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду недалеко от берега. Двое стрелков стали в нее целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолет, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от берега. Тогда в нее выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля ударилась в воду совсем в стороне. Утка опять нырнула. Стрелки бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берегу в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице, и чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь шагах в трехстах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палатке, он остановился и, прикрыв рукой глаза от солнца, стал смотреть, в кого так стреляют... Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолет, что даже не напугала утку. Узнав, что стрелки не могли попасть в нее тогда, когда она была близко, он подошел к ним и, смеясь, сказал:

— Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утка гонять.

Сказав это, он быстро поднял свое ружье и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу. Пуля ударила под самую птицу так, что обдала ее водою. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут она показалась на поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела на воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в нее. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть ее можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над стрелками. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать свое искусство. Дьяков сел на одно колено,

долго приспособлялся и долго целился, наконец спустил курок. Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на поверхности. Тогда Дерсу медленно поднял свое ружье, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой.

Вероятно, такое состязание в стрельбе длилось бы еще долго, если бы сама утка не положила ему конец. Она снялась с воды и полетела в открытое море.

На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

— Бедный старик! Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был — сделать лодку и перекочевать на другое место. Поздно вечером я подошел к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чем он думает.

— Мне шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи,— наверно, совсем стоптал унты.

Видно было, что сказка о рыбаке и рыбке произвела на него сильное впечатление. Поговорив с ним еще немного, я вернулся в свою палатку.

III

ПЕРВЫЙ ПОХОД

Выступление.— Дерсу находит отряд по следам.— Козули.— Лудева.— Тайга.— Затяжные дожди.— Горбатый таза и его семья.— Бегство их от китайцев.— Сон Дерсу и поминки по усопшим

Наконец, после долгого ожидания, в конце июня на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволившее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырехстах от устья реки. Мулы были спущены прямо в воду. Они тотчас же ориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам седла и налаживали вьюки и 1-го июля тронулись в путь.

На реке Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков с частью команды отправились на реку Синанцу, а А. И. Мерзляков с остальными людьми пошел вверх по реке Литянгоу. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошел Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра к вечеру он обещал нас догнать. Я высказал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко засмеялся и сказал:

— Тебе иголка нету, птица тоже нету,— летай не могу. Тебе земля ходи, ногой топчи, след делай. Моя глаза есть — посмотри.

На это у меня уже не было возражений. Я знал его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли дальше, а он остался на реке Иодзыхе. На второй день

утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал все, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте,— именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с кровью и клочок ваты, он заключил, что кто-то натер ногу, и т. д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда.

Река Иодзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего поселка.

Тропа от моря идет вверх по долине так, что все протоки Иодзыхе остаются от нее вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около китайских фанз, расположенных у подножья широкой террасы, состоящей из глины, песку и угловатых обломков.

Реку Иодзыхе было бы справедливо назвать «Козьей рекой». Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля крупнее европейской. Сжатое с боков тело ее имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров. Красивая, притупленная голова с большими подвижными округленными ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вилчатыми и имеющими не более шести отростков.

Общая окраска тела козули летом темно-ржавая, зимой — буро-серая. Сзади, на ляжках около хвоста, цвет шерсти белый. Охотники его называют «зеркалом». Когда козуля бежит, она сильно вскидывает задом. Защитная окраска делает ее совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой, и видно одно только мелькающее белое «зеркало».

Осенью, в октябре месяце, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочевывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторый процент животных остается в Приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывают через реку, казаки караулят их и избивают во множестве, не разбирая ни

пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Уссури, сибирская козуля перестала совершать такие перекочевки. Убой животных на переправах сошел на нет, и о таких ходах сохранились ныне только воспоминания.

В общем, дикая коза — пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком. Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намек на опасность при помощи слуха и обоняния.

Любимым местопребыванием козуль являются лиственные болотистые леса, и только вечером они выходят пастись на поляны. Даже и здесь, при полной тишине и спокойствии, козуля все время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, она может делать изумительно огромные прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса.

В Уссурийском крае козуля обитает повсеместно, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов.

Охотятся за ней ради ее мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох; рога продаются по полтора рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других животных и совершенно не выносит изюбра. В искусственных питомниках, при совместной жизни, она погибает. Это особенно заметно на солонцах. Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени.

Охотники неоднократно замечали, что как только на солонцах побывают изюбры, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина реки Иодзыхе, покрытая высокими тростниками и полынью,— весьма благоприятны для обитания диких коз.

Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрываться в зарослях, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свежевзрытая земля. Так как домашних свиней китайцы содержат в загонах, то оставалось допустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось. А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке

мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шел вдоль реки и прятался за валежником. Из этого можно было заключить, что страшный зверь приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями.

По рассказам тазов, месяца два тому назад один тигр унес ребенка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работающего в поле китайца и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума.

Среди тальниковых зарослей по старицам и протокам изредка попадались и рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья.

В воздухе кружилось несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой. Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали было обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошел в воду и, погрузив в нее брюхо, хвост и крылья, стал прыгать по воде. Не более как через минуту он поймал одну рыбину, вытащил ее на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся на воздух. Тотчас к нему присоединилось еще два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь все выше и выше в беспредельную синеву неба.

Скоро они превратились в маленькие, едва заметные точки, и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз.

В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Это спутники требовали моего возвращения. Минут через пять я присоединился к отряду.

Население окрестностей реки Иодзыхе смешанное и состоит из китайцев и тазов-удэхейцев. Китайские фанзы сосредоточены главным образом на левом берегу реки, а туземцы поселились выше, в долине около гор.

Здешние манзы очень скрытны; они не хотели указывать дорогу и даже, наоборот, всячески старались сбить нас с толку.

Все тазы находятся в неоплатном долгу у них и немилосердно эксплуатируются. Китайцы отняли у них женщин и разделили их между собой, как движимое имущество. На задаваемые по этому поводу вопросы тазы отмалчивались, а если и говорили что-нибудь, то украдкой, шепотом, озираясь по сторонам. У них еще живы были воспоминания о тазах, пробовавших было протестовать и мстить насильникам и за это заживо погребенных в земле.

В этот день мы дальше не пошли и, выбрав фанзу, которая была почище, расположились биваком на дворе ее, а седла и все имущество убрали под крышу.

На следующий день мы расстались с китайцами, которые этому, видимо, были очень рады. Хотя они и старались быть к нам внимательными, но в услугах их чувствовалась неискренность, я сказал бы даже — затаенная злоба.

Тропа опять перешла за реку и верст через пять привела нас к тому месту, где Иодзыхе принимает в себя реку Синанцу, которая течет по продольной долине между Сихотэ-Алинем и хребтом, идущим параллельно берегу моря. Она длиною 75 верст. От места слияния Синанцы с Иодзыхе тянутся сначала места открытые и заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и незаметно переходит в террасу, поросшую редким лиственным лесом. Спустившись с нее, мы прошли еще с полверсты и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину реки Синанцы.

Вверху ветви деревьев переплелись между собой так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражали своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкой порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из чертова дерева, виноградников и лиан, делает места эти труднопроходимыми, вследствие чего наш отряд продвигался довольно

медленно: приходилось часто останавливаться и высматривать, где меньше бурелома, и обводить мулов стороной.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа не приспособлена для передвижений с вьюками. Во избежание задержек вперед был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветви его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника обивали сучки, чтобы мулы не попортили ног и не накололись брюхом.

После полудня отряд дошел до лудевы. Она пересекала долину реки Синанцы и одним концом упиралась в скалистую сопку. Лудева была старая, и потому следовало внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около нее на сваях стоял амбар, предназначенный для хранения запасов продовольствия, зверовых шкур, пантов и прочего охотничьего имущества. Здесь мы и заночевали.

Утром спать нам долго не пришлось. На рассвете появилось много мошкары; воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к дымокурам. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

По мере приближения к водоразделу угрюмее становился лес и больше попадалось зверовых следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, и наконец мы потеряли ее совсем. Поэтому я решил оставить мулов на биваке и назавтра продолжать путь с котомками. Мы рассчитывали в два дня достигнуть водораздела, однако этот переход отнял у нас четверо суток. В довершение всего, погода испортилась — пошли дожди.

В верховьях река Синанца с левой стороны принимает в себя целый ряд мелких ручьев, стекающих с Сихотэ-Алиня.

Выбрав один из них, мы стали взбираться на хребет. По наблюдениям Дерсу, дождь должен быть затяжным. Тучи низко ползли над землей и наполовину окутывали горы. Следовательно, на вершине хребта мы увидели бы только то, что было в непосредственной от нас близости. К тому же взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Это принудило нас на другой день спуститься в долину.

Двое суток мы отсиживались в палатках. Наружу нельзя было показать носа. По хмурому небу низко, словно вперегонки, бежали тяжелые тучи и сыпали дождем.

Наконец терпение наше лопнуло, и, невзирая на непогоду, мы решили идти назад к морю. Не успели мы отойти от бивака на такое расстояние, с которого в тихую погоду слышен ружейный выстрел, как дождь сразу прекратился; выглянуло солнце, и тогда, словно по мановению волшебного жезла, все кругом приняло ликующий вид, только мутная вода в реке, прибитая к земле трава и клочья тумана в горах указывали на недавнее ненастье.

Утомленные непогодой, мы рано стали на бивак. Вечером около нашего табора с ревом ходил тигр. Ночью мы поддерживали усиленный огонь и несколько раз стреляли.

Дня через два мы дошли до того места, где оставили мулов и часть команды. Около устья реки Синанцы мы застали туземную семью, состоящую из горбатого тазы, его жены, двух малых детей и еще одного молодого удэхейца, по имени Чан Лин. Они стояли на галечниковой отмели и занимались ловлей рыбы. Невдалеке от их стойбища на гальке лежала опрокинутая вверх дном лодка. Белизна дерева и свежие подпалины на бортах ее свидетельствовали о том, что она только что выдолблена и еще не видела воды. Горбатый таза объяснил нам, что сам он лодок делать не умеет и для этого нарочно пригласил своего племянника с реки Такемы.

Поговорив немного с туземцами, мы пошли дальше, а Дерсу остался. На другой день он догнал нас и сообщил много интересного. Оказалось, что местные китайцы решили отобрать от горбатого таза его жену с детьми и увезти их на Иман. Таза решил бежать. Если бы он пошел сухопутьем, китайцы догнали бы его и убили. Чан Лин посоветовал ему сделать лодку и уйти морем.

25-го июля мы пошли к китайским фанзам, расположенным около реки Дунгоу, по долине которой идет путь на реку Санхобе.

Следующая ночь была темная и дождливая. Тазы решили воспользоваться ею для побега. Совпало так, что китайцы тоже в эту ночь решили сделать нападение и не только отобрать женщину, но и раз навсегда отделаться от обоих тазов. Дерсу как-то пронюхал об этом и сообщил удэхейцам о грозящей им опасности. Захватив с собой винтовку, он отправился в фанзу горбатого таза и разжег

в ней огонь, как будто бы все обитатели ее были дома. В это время тазы тихонько спустили лодку в воду и посадили в нее женщину и детей. Надо было проплыть мимо китайского селения. Ночь была ветреная, дождливая, и это способствовало успеху.

Чтобы лодку не было видно, Дерсу вымазал ее грязью и углем. Как ни старались оба охотника, но обмануть собак не удалось. Они учуяли тазов и подняли неистовый лай. Китайцы выскочили из фанзы, но лодка прошла опасное место раньше, чем они успели добежать до реки. Дерсу решил проводить тазов до самого моря. В своей жизни он много раз был свидетелем жестокой расправы китайцев с туземцами и потому всеми силами души ненавидел их. Приблизительно через час лодка дошла до моря. Здесь Дерсу распрощался с тазами и вышел на берег. Опасаясь встречи с китайцами, он не пошел назад по дороге, а спрятался в лесу и только под утро возвратился на бивак.

Целый день Дерсу был в каком-то мрачном настроении. Он все время уединялся и не хотел ни с кем разговаривать. Потом он попросил у меня три рубля и ушел куда-то. Часа в три дня Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли экскурсировать по окрестностям, а я занялся вычерчиванием маршрута по реке Синанце.

В это время пришел один из стрелков и стал рассказывать о том, что Дерсук (так всегда они его звали) сидит один у огня и поет песню.

Я спросил его, где он видел гольда.

— Далеко,— отвечал он мне,— в лесу около речки.

Стрелок объяснил мне, что надо идти по тропе до тех пор, пока справа я не увижу свет. Это и есть огонь Дерсу. Шагов триста я прошел в указанном направлении и ничего не видел. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг слабо сквозь туман в стороне действительно заметил отблеск костра. Не успел я отойти от тропы и пятидесяти шагов, как туман вдруг рассеялся.

То, что я увидел, было так для меня неожиданно и ново, что я замер на месте и не смел пошевельнуться. Дерсу сидел перед огнем лицом ко мне. Рядом с ним лежали топор и винтовка. В руках у него был нож. Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал ее и тихо пел какую-то песню. Пение его было однообразное, унылое и тоскливое. Он не дорезал стружек до конца. Они загибались одна за другую и образовывали султанчик. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то

в пространство с вопросом и слушал, слушал напряженно,— но ответа не было. Тогда он бросал стружку в огонь и принимался строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в нее водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросил на землю во все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне послышался крик какой-то ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь. На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костер листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские улы, коробок спичек и, наконец,— пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чем-то задумался.

Тогда я решил к нему подойти и нарочно спустился на прибрежную гальку, чтобы он слышал мои шаги. Старик поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых я прочел тоску. Я спросил его, почему он так далеко ушел от фанзы, и сказал, что беспокоился о нем. Дерсу ничего не ответил мне на это. Я сел против него у огня. Минут пять сидели мы молча. В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотку грусти, страха и радости. Затем все стихло.

Дерсу тихонько опустился на свое место и стал поправлять огонь. Накалившаяся докрасна бутылка растрескалась и стала плавиться.

Я не расспрашивал его, что все это значит; я знал, что он сам поделится со мною,— и не ошибся.

— Там люди много,— начал он,— китайцы, солдаты... Понимай нету, смеяться будут,— мешай...

Я не прерывал его. Тогда он рассказал мне, что прошлой ночью он видел тяжелый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и совершенно не имели чего есть. Они просили его принести им дров и прислать теплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом. Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

— Это «ханяла» [1],— ответил Дерсу.— Моя думай, это была жена. Теперь она все получила. Наша можно в фанзу ходи.

Дерсу встал и разбросал в сторону костер. Стало вдвое темнее. Через несколько минут мы шли назад по тропе. Дерсу молчал, и я молчал тоже.

Кругом было тихо. Сонный воздух точно застыл. Густой туман спустился в самую долину и начал моросить.

При нашем приближении к фанзам собаки подняли громкий лай.

Дерсу, по обыкновению, остался ночевать снаружи, а я вошел в фанзу, растянулся на теплом кане и начал дремать. Рядом за стеной слышно было, как мулы ели сено. Собаки долго не могли успокоиться.

---

[1] Тень, душа. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

IV
В ГОРАХ

Река Дунгоу.— Непогода.— Медведь, добывающий мед.— Встреча с Чжан Бао.— Фанза Дун-Тавайза.— Река Адимил.— Дикая кошка.— Нападение жуков

На другой день погода была пасмурная; по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и самый воздух казался потемневшим. Точно предрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке.

В 8 часов утра, расплатившись с китайцами, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки Дунгоу к бухте Терней.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю, и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа, лужи стоячей воды и, в особенности, царившая кругом тишина — все это свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы разразиться дождем с еще большей силой.

К полудню мы дошли до верховьев реки Дунгоу и сделали привал. В то время, когда мы сидели у костра и пили

чай, из-за горы показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налета, уселся на сухоствольной лиственнице и стал оглядываться. В это время Захаров выстрелил в него и промахнулся. Сильное эхо подхватило звук выстрела и разнесло его далеко во все стороны. Испуганная птица торопливо снялась с места и полетела к лесу.

— Худо,— сказал Дерсу,— будет большой дождь.

На задаваемые вопросы он объяснил, что если в тихую погоду туман подымается кверху и если при этом бывает сильное эхо — это верный признак затяжного дождя.

Около часу дня я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли вперед, а стрелки начали вьючить мулов. К трем часам мы взошли на перевал, откуда начинался сток воды в реку Каимбе. Надо было бы здесь стать на бивак, но я уступил просьбам своих товарищей, и мы пошли дальше. Не успели мы спуститься с водораздела, как начался дождь, скоро превратившийся в настоящий ливень. Мы развели большой огонь — мокли и сушились в одно и то же время. К сумеркам подошли мулы. Только тогда мы начали переодеваться и ставить палатки.

Часов в десять вечера дождь пошел еще сильнее, и так — до самого рассвета. Мы не спали всю ночь, зябли, подкладывали дрова в костер, несколько раз принимались пить чай и в промежутках между чаепитиями — дремали.

Утром Н. А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось. Вершина горы была окутана туманом, а в два часа дня опять пошел дождь, мелкий и частый. Днем мы успели как следует обсушиться, оправить палатки и хорошо выспаться.

На следующий день (29 июля) опять дождь. Нельзя разобраться, где кончается туман и где начинаются тучи. Этот маленький, частый дождь шел подряд трое суток с удивительным постоянством.

Наконец терпение наше лопнуло. Н. А. Десулави не мог больше ждать. Отпуск его кончался, и ему надлежало возвратиться в г. Хабаровск. Несмотря на непогоду, он решил ехать в залив Джигит и там дождаться парохода. Я дал ему двух мулов и двух провожатых. Часов в одиннадцать утра мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути и успехов.

В полдень погода не изменилась. Ее можно было бы описать в двух словах: туман и дождь. Мы опять просидели весь день в палатках. Я перечитывал свои дневники, а стрелки спали и пили чай. К вечеру поднялся сильный ветер. Царствовавшая дотоле тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришел в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию. Сорванная с деревьев листва закружилась в вихре и стала подниматься кверху. Порывы ветра были так сильны, что ломали сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

— Кончай есть,— сказал Дерсу довольным тоном.— Сегодня ночью наша звезды посмотри, завтра — посмотри солнце.

И действительно, часов в девять вечера небесный купол, усеянный звездами, совершенно освободился от туч. Сияющие ночные светила словно вымылись в дожде и приветливо смотрели на землю. К утру стало прохладнее.

Следующий день был последним днем июля. Когда занялась заря, стало видно, что погода будет хорошая. В горах еще кое-где клочьями держался туман. Он словно чувствовал, что доживает последние часы, и прятался в глубокие распадки. Природа ликовала: все живое приветствовало всесильное солнце, могущее прекратить ненастье.

Этот день мы употребили на переход к знакомой нам грибной фанзе, около озера Благодати. Опять нам пришлось мучиться в болотах, которые после дождей стали еще более непроходимыми. Чтобы миновать их, мы сделали большой обход, но и это не помогло. Мы рубили деревья, кусты, устраивали гати, и все-таки наши вьючные животные вязли на каждом шагу чуть не по брюхо. Большого труда стоило нам перейти через зыбуны и только к сумеркам удалось выбраться на твердую почву.

На другой день мы выступили рано. Путь предстоял длинный, и хотелось поскорее добраться до реки Санхобе, откуда, собственно, и должны были начаться мои работы. П. П. Бордаков взял ружье и пошел стороной, я с Дерсу, по обыкновению, отправился вперед, а А. И. Мерзляков с мулами остался сзади. Около второго распадка я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться.

Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки,

похожие не то на вой, не то на визг, не то на ворчание. Дерсу придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

— Медведь!

Мы встали и тихонько пошли вперед. Скоро мы увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около большой липы. Дерево росло почти вплотную около скалы. С лицевой стороны на нем была сделана заметка топором, что указывало на то, что пчелиный рой на этом дереве раньше нас и раньше медведя нашел кто-то из людей.

С первого взгляда я понял, в чем дело: медведь добывал мед. Он стоял на задних ногах и куда-то тянулся. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь был не из числа терпеливых. Он ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг улья вились пчелы и жалили его голову. Медведь тер морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле и затем вновь принимался за ту же работу. Его уловки были очень комичны. Наконец он утомился, сел на землю по-человечески и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, видимо что-то раздумывая. Так просидел он минуты две. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на ее вершину. Взобравшись наверх, он протиснулся между скалой и деревом и, упершись передними и задними лапами в камни, начал сильно давить спиной в дерево. Дерево подалось немного. Но, видимо, ему было больно спину. Тогда он переменил положение и, упершись спиной в скалу, стал лапами давить на дерево. Липа затрещала и рухнула на землю. Этого и надо было медведю. Теперь оставалось только разобрать заболонь и добыть соты.

— Его шибко хитрый люди,— сказал Дерсу.— Надо его гоняй, а то скоро весь мед кушай.— Говоря это, он крикнул: — Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи [1].

Медведь оглянулся. Увидев нас, он побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай,— сказал Дерсу и выстрелил в воздух.

В это время подошли кони. Услышав наш выстрел, А. И. Мерзляков остановил отряд и пришел узнать, в чем дело. Решено было для добычи меда оставить двух стрелков. Надо было сперва дать пчелам успокоиться, а затем

[1] Воровать. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

уморить их дымом и собрать мед. Если бы этого не сделали мы, то все равно весь мед съел бы медведь. Минут через пять мы тронулись дальше.

Дальнейшее путешествие наше до реки Санхобе прошло без всяких приключений. К бухте Терней мы прибыли в четыре часа дня, а через час прибыли и охотники за пчелами и принесли с собою 22 фунта хорошего сотового меду.

Здесь мы расстались с П. П. Бордаковым. Он тоже решил возвратиться в Джигит с намерением догнать Н. А. Десулави и с ним доехать до г. Владивостока. Жаль мне было потерять хорошего товарища, но ничего не поделаешь. Мы расстались искренними друзьями. На другой день П. П. Бордаков отправился обратно, а еще через сутки (3-го августа) «снялся с якоря» и я со своим отрядом.

На реке Санхобе мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан Бао и провели вместе целый день. Оказалось, что многое из того, что случилось с нами в прошлом году на Имане, ему было известно. От него я узнал, что зимой он ходил разбирать спорный земельный вопрос между тазами и китайцами, а весной был на реке Ното, где уничтожил большую шайку хунхузов.

Я чрезвычайно обрадовался, когда услышал, что он хочет идти со мной на север. Это было вдвойне выгодно. Во-первых, потому, что он хорошо знал географию прибрежного района, во-вторых, его авторитет среди китайцев и влияние на туземцев значительно способствовали выполнению моих заданий.

Расставшись с рекой Санхобе, я пошел по левому ближайшему к морю притоку ее — небольшой речке Бея. Поднявшись до истоков ее, мы перешли через два горных отрога, которые обрываются в море отвесными скалами, и затем попали в великолепную плодородную долину горной речки Адимил. При устье ее углубление береговой линии образовало небольшую, весьма живописную бухточку.

Верстах в двух от моря, на левом, возвышенном берегу реки мы нашли хорошенькую китайскую фанзу Дун-Тавайза. От бухты Терней до этого места 27 верст.

Из фанзы навстречу нам вышли два китайца. Они приняли мулов от людей, помогли нам раздеться и пригласили к себе в жилище. Более радушного приема я никогда

не встречал. У этих китайцев не было и тени раболепства — они просто были гостеприимны. Впоследствии от староверов я слыхал о них именно такие же отзывы. Где они теперь? Один из них был старик; быть может, его теперь уже нет в живых. Во всяком случае, у всех нас об этих людях сохранились самые хорошие воспоминания. Здесь было так хорошо и уютно, жизнь китайцев казалась такой тихой и мирной, что я решил остаться у них на дневку. Вечером, сидя у жаровни с угольями, я пил чай со слоеными лепешками и расспрашивал старика о путях, ведущих на север.

Я рассчитывал часть людей и мулов направить по тропе вдоль берега моря, а сам с Чжан Бао, Дерсу и с тремя стрелками пойти по реке Адимил к ее истокам, затем подняться по реке Билимбе до Сихотэ-Алиня и обратно спуститься по ней же к морю.

Утром 4-го августа мы стали собираться в путь. Китайцы не отпустили нас до тех пор, пока не накормили как следует. Мало того, они щедро снабдили нас на дорогу продовольствием. Я хотел было рассчитаться с ними, но они наотрез отказались от денег. Тогда я положил им деньги на стол. Они тихонько передали их стрелкам. Я тоже тихонько положил деньги под посуду. Китайцы заметили это и, когда мы выходили из фанзы, побросали их под ноги мулам. Пришлось уступить и взять деньги обратно.

Река Адимил в верховьях слагается из двух ручьев, текущих навстречу друг другу. Верстах в пяти от земледельческой фанзы находится другая, лудевая фанза, в которой живут три китайца-охотника, занимающиеся ловлей оленей ямами.

Так как отряд выступил от фанзы Дун-Тавайза довольно поздно, то пришлось идти почти до сумерек. К вечеру мы дошли до истоков реки Адимил и стали биваком близ перевала на реку Фату. В этот день погода стояла хотя пасмурная и туманная, но было душно и сильно парило. Я опасался дождя и спросил мнения Дерсу насчет погоды. Он сказал, что сейчас состояние погоды таково, что «туман сам еще не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться». Сказал он это по-своему и опять назвал туман — «люди». У него это вышло так, как будто туман рассуждал, превратиться ли ему в дождь или подождать немного.

Часов в 7 вечера вдруг туман быстро начал подниматься кверху. Одновременно с этим стал накрапывать

дождь, который минут через пятнадцать перестал, а вместе с ним рассеялся и туман. На небе выглянули звезды.

Наутро мы поднялись довольно рано, напились чаю и стали подыматься на гору Тигровую (1957 фут.), сплошь покрытую осыпями.

Поднявшись на хребет, мы повернули на север и некоторое время шли по гребню. Теперь слева от нас была лесистая долина Фату, а справа мелкая речка, текущая в море, в том числе и Адимил.

Часа в четыре дня пошел дождь. Мы спустились с хребта и, как только нашли в ручье воду, тотчас стали биваком.

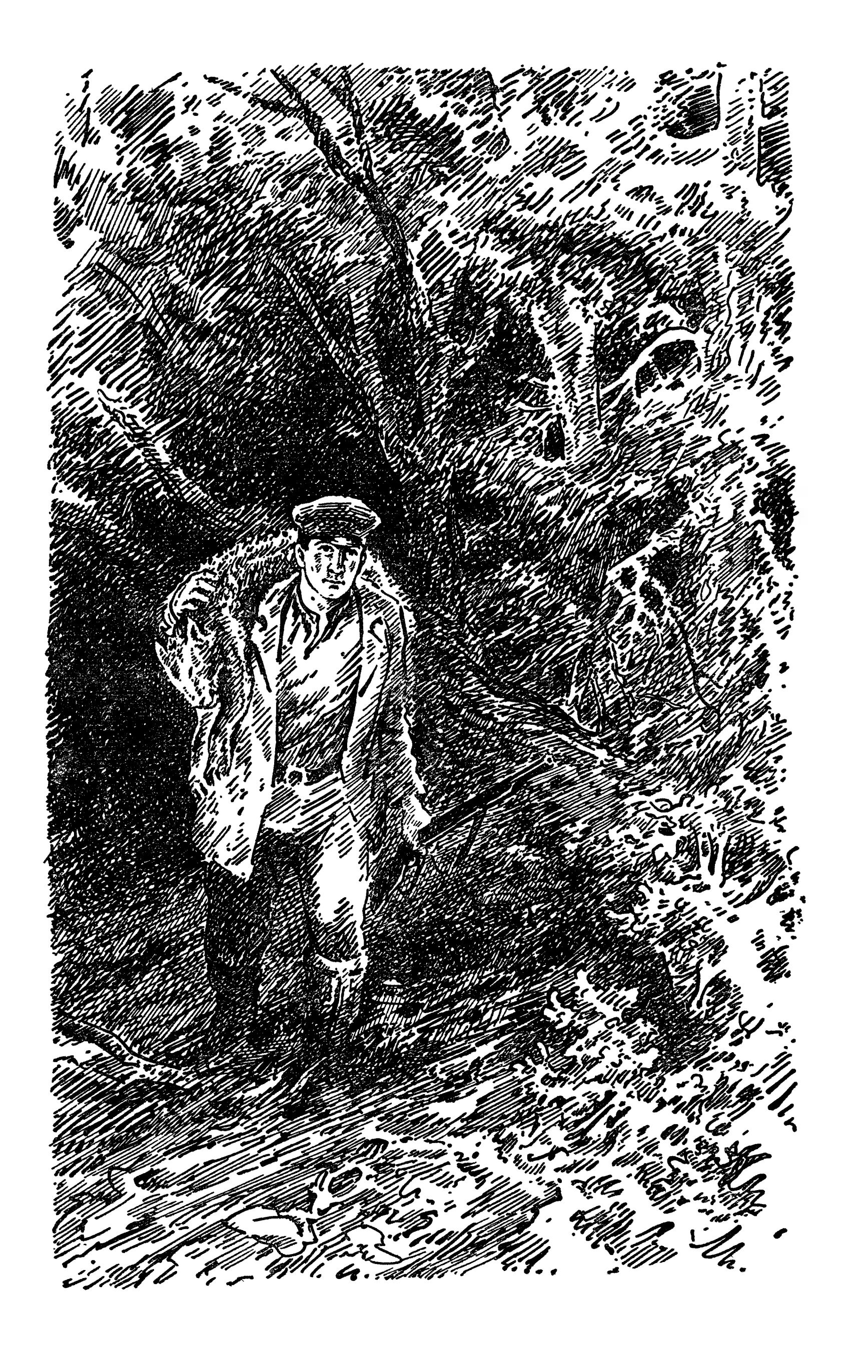
Стрелки принялись развьючивать мулов, а мы с Дерсу, по обыкновению, отправились на разведку. Я пошел вверх, а он — вниз по ключу.

Дождь в лесу — это двойной дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдают путника водой. В особенности много дождевой воды задерживается на листве леспедецы. Через пять минут я был таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку.

Я хотел было уже повернуть назад, как вдруг увидел какое-то странное животное. Оно спускалось с дерева на землю. Я прицелился и выстрелил. Животное стало биться на земле. Вторым выстрелом я прекратил его мучения. Это оказалась дикая кошка. Меня поразили ее размеры. Сначала я думал, что это рысь, но отсутствие кисточек на ушах и длинный хвост убедили меня, что это дикая кошка. Длина ее равнялась 1 метру 9 сантиметрам; окраска буровато-желтовато-серая с едва заметными пятнами по всему телу, брюхо и внутренняя сторона ног грязновато-белые. Хвост короче, чем у домашней кошки, и не имеет поперечных темных полос. От домашней кошки она отличается не только своими крупными размерами, но и другими признаками: более сильными зубами, длинными усами и густой шерстью.

Дикая кошка ведет одиночный образ жизни и держится в густых сумрачных лесах, где есть скалистые утесы и дуплистые деревья. Это весьма осторожное и трусливое животное становится способным на яростные нападения при самозащите.

Охотники делали опыты приручения молодых котят, но всегда неудачно. Удэхейцы говорят, что котята дикой



кошки, даже будучи взяты совсем малыми, никогда не ручнеют.

Специально за дикой кошкой никто не охотится, и убой ее — дело случайное. Местные китайцы из кошачьего меха делают зимние воротники и шапки.

В Уссурийском крае дикая кошка распространена повсеместно, но особенно часто встречается около Владивостока и на Русском острове.

Забрав свой трофей, я возвратился на бивак. Там все уже были в сборе, палатки поставлены, горели костры, варился ужин. Вскоре возвратился и Дерсу. Он сообщил, что видел несколько свежих тигровых следов и один из них — недалеко от нашего бивака.

Часов в 8 вечера дождь перестал, хотя небо было по-прежнему хмурое. До полуночи вызвался караулить Дерсу. Он надел унты, подправил костер и, став спиной к огню, стал что-то по-своему громко кричать в лес.

— Кому ты кричишь, с кем говоришь? — спросили его стрелки.

— Амба,— отвечал он,— моя говори ему, на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету.

И он опять принялся кричать протяжно и громко: «А-та-та-ай, а-та-та-ай!» Эхо подхватило и далеко разнесло по лесу его крики.

Вдруг какой-то сильный шум, похожий на стрекотание, окружил нас. Что-то больно ударило меня в лицо, и в то же время я почувствовал посторонний предмет у себя на шее. Я быстро поднял руку и схватил что-то жесткое, колючее и испуганно сбросил его на землю. Это был огромных размеров жук, похожий на жука-оленя, но только без рогов. Другого такого жука я смахнул с руки и вдруг увидел еще трех жуков у себя на рубашке и двух на одеяле. Их было много. Они ползали около костра и падали в горящие уголья. Особенно страшными казались те, что летали и старались сесть на голову. Я вскочил с постели и отбежал в сторону. Стрелки отмахивались руками и ругались.

Жуки долго еще попадались то на одеяле, то на шинели, то у кого-нибудь в сумке, то в головном уборе. Дерсу стоял на ногах и говорил:

— Моя раньше такой люди (он указал на жука) много посмотри нету; один-один каждый год найди. Как его так много собрался?

Я поймал одного жука. Это оказался очень редкий представитель фауны, оставшейся в Уссурийском крае в наследие от третичного периода. Он был коричневого цвета, с пушком на спине, с сильными челюстями, загнутыми кверху, и очень напоминал дровосека, только усы у него были покороче. Длина тела жука равнялась $9^1/_2$ сантиметрам, а ширина спиногруди — 3 сантиметрам. Небольшие глаза, треугольной формы, были расположены по сторонам головы; они были темного цвета и как бы прикрыты мелкой сеткой.

Долго мы провозились с жуками и успокоились только после полуночи.

V

НАВОДНЕНИЕ

Река Билимбе.— Плохие приметы.— Чертово место.— Непогода.— Зверовая фанза.— Тайфун.— Трехдневный ливень.— Разбушевавшиеся стихии.— Затопленный лес

На другой день мы продолжали наш путь далее на север по хребту и часов в десять утра дошли до горы Острой высотою в 578 метров. Осмотревшись, мы спустились в один из ключиков, который привел нас к реке Билимбе.

Погода все эти дни стояла хмурая; несколько раз начинал моросить дождь; отдаленные горы были задернуты не то туманом, не то какой-то мглой. По небу, покрытому тучами, на восточном горизонте протянулись светлые полосы, и это давало надежду, что погода разгуляется.

Выкормив мулов на подножном корму, мы пошли вверх по реке Билимбе. Она длиной около 90 верст и берет начало с Сихотэ-Алиня. Реку Билимбе можно назвать пустынной. По обоим берегам реки лес растет так густо, что кажется, будто река течет в коридоре. Наклонившиеся деревья во многих местах перепутались ветвями и образовали живописные арки.

Часа в четыре дня мы стали высматривать место для бивака. Здесь река делала большой изгиб. Наш берег был пологий, а противоположный — обрывистый. Тут мы и остановились. Стрелки принялись ставить палатки, а Дерсу взял котелок и пошел за водой. Через минуту он возвратился крайне недовольный.

— Что случилось? — спросил я гольда.

— Моя думай, это место худое,— отвечал он на мой вопрос.— Моя река ходи, хочу вода бери, рыба ругается.

— Как ругается? — изумились стрелки и покатились со смеху.

— Чего ваша смеется,— сердился Дерсу,— плакать скоро будете.

Наконец я узнал, в чем дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть котелком воды, из реки выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

— Рыба тоже люди,— закончил Дерсу свой рассказ.— Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

Только что чайник повесили над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул с такой силой, что разбросал угли во все стороны. Точно ружейный выстрел. Один уголь попал к Дерсу на колени.

— Тьфу! — сказал он в сердцах.— Моя хорошо понимай, это место худое.

Стрелки опять стали смеяться.

После ужина я взял ружье и пошел прогуляться вблизи бивака. Отойдя с полверсты, я сел на бурелом и стал слушать. Кругом царила тишина, только вверху на перекатах глухо шумела вода.

На противоположном берегу, как исполинские часовые, стояли могучие кедры. Они глядели сурово. Точно им известна была такая тайна, которую не следовало знать людям, и от этого становилось жутко и тоскливо.

После теплого дождя от земли стали подниматься тяжелые испарения. Они сгущались все более и более, и вскоре вся река утонула в тумане. Порой легкое дуновение ветерка приводило туман в движение, и тогда сквозь него неясно вырисовывались очертания противоположного берега, покрытого хвойным лесом.

В это время я увидел в тумане что-то громоздкое и большое. Оно двигалось по реке мне навстречу, медленно и совершенно бесшумно. Я замер на месте; сердце усиленно забилось. Но я еще больше изумился, когда увидел, что темный предмет остановился, потом начал подаваться назад и через несколько минут так же таинственно исчез, как и появился. Был ли это зверь какой-нибудь, или это плыл бурелом по реке — не знаю... Сумерки, угрюмый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина

создали картину бесконечно тоскливую. Мне стало страшно. Я встал и поспешно пошел назад. Минут через десять я подходил к биваку.

Люди двигались около огня и казались длинными привидениями. Они тянулись куда-то кверху, потом вдруг сокращались и припадали к земле. Я спросил Захарова, не проплывало ли мимо что-нибудь по реке. Он ответил отрицательно. Тогда я рассказал им о видении и пробовал объяснить это явление игрою тумана.

— Гм, какое худое место,— услышал я голос Дерсу.

Я обернулся. Он сидел у огня и качал головой.

— Надо его гоняй,— сказал он и вслед за тем взялся за топор.

— Кого? — спросил я.

— Черта,— отвечал гольд самым серьезным образом.

Затем он пошел в лес и принялся рубить сырую ель, осину, сирень и т. п., то есть такие породы, которые трещат в огне. Когда дров набралось много, он сложил их в большой костер и поджег. Яркое пламя взвилось кверху, тысячи искр закружились в воздухе. Когда дрова достаточно обуглились, Дерсу с криками стал разбрасывать их во все стороны. Стрелки обрадовались случаю и прибежали ему помогать. Они крутили горящими головешками и бросали их кверху. Красивую картину представляет из себя такая вертящаяся ракета, разбрасывающая во все стороны искры. Два полена упали в воду. Они сразу потухли, но долго еще дымились. Наконец костер был уничтожен. Разбросанные в лесу головешки медленно гасли одна за другой.

После этого мы принялись за чаепитие, а затем стали укладываться на ночь. Я хотел было почитать немного, но не мог бороться со сном. Незаметно для себя заснул.

Мне показалось, что я спал долго. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо.

— Вставайте скорее!

— Что случилось? — спросил я и открыл глаза.

Было темно, темнее, чем раньше. Густой туман, точно вата, лежал по всему лесу. Моросило...

— Какой-то зверь с того берега в воду прыгнул,— ответил испуганный караульный.

Я вскочил на ноги и взял ружье. Через минуту я услышал, что кто-то действительно вышел из воды на берег и сильно встряхнулся.

В это время ко мне подошли Дерсу и Чжан Бао. Мы стали спиной к огню и старались рассмотреть, что делается на реке; но туман был такой густой и ночь так темна, что в двух шагах решительно ничего не было видно.

— Ходи есть,— тихо сказал Дерсу.

Действительно, кто-то тихонько шел по гальке. Через минуту мы услышали, как зверь опять встряхнулся. Должно быть, животное услышало нас и остановилось. Оно простояло с минуту, но минута эта показалась нам целым часом. Я взглянул на мулов. Они жались друг к другу и, насторожив уши, смотрели по направлению к реке. Собаки тоже выражали беспокойство. Альпа забилась в самый угол палатки и дрожала, а Леший поджал хвост, прижал уши и боязливо поглядывал по сторонам. Но вот опять стала шуршать галька. Я велел разбудить остальных людей и выстрелил... Звук моего выстрела всколыхнул сонный воздух. Гулкое эхо подхватило его и далеко разнесло по лесу. Послышались быстрые шаги по гальке и всплеск воды в реке. Испуганные собаки сорвались со своих мест и подняли лай.

— Кто это был? — обратился я к гольду.— Изюбр?

Он отрицательно покачал головой.

— Может быть, медведь?

— Нет,— отвечал Дерсу.

— Так кто же? — спросил я нетерпеливо.

— Не знаю,— ответил он.— Ночь кончай, след посмотри, тогда понимай.

После переполоха сна как не бывало. Все говорили, все высказывали свои догадки и постоянно обращались к Дерсу с расспросами.

Гольд говорил, что это не мог быть изюбр, потому что он сильнее стучит копытами по гальке; это не мог быть и медведь, потому что он пыхтел бы.

Посидели мы еще немного и наконец стали дремать. Остаток ночи взялись окарауливать я и Чжан Бао. Через полчаса все уже опять спали крепким сном, как будто ничего и не случилось.

Наконец появились предрассветные сумерки. Туман сделался серовато-синим и хмурым. Свет от костра начал блекнуть. Деревья, кусты и трава на земле покрылись каплями росы. Угрюмый лес дремал. Река казалась неподвижной и сонной. Тогда я залез в свой комарник и крепко заснул.

Проснулся я в восемь часов утра. По-прежнему мороси-

ло... Дерсу ходил на разведки, но ничего не нашел. Животное, подходившее ночью к нашему биваку, после выстрела бросилось назад через реку. Если бы на отмели был песок, можно бы было увидеть его следы. Теперь остались для нас только одни предположения. Если это был не лось, не изюбр и не медведь, то, вероятно, тигр.

Но у Дерсу на этот счет были свои соображения.

— Рыба говори, камень стреляй, тебе, капитан, в тумане худо посмотри, ночью какой-то худой люди ходи... Моя думай, в этом месте черт живи. Другой раз тут моя спи не хочу!

Часов в 9 утра мы снялись с бивака и пошли вверх по реке Билимбе. Погода не изменилась к лучшему: было холодно, сыро. Деревья словно плакали: с ветвей их на землю все время падали крупные капли; даже стволы были мокрые...

Чем дальше, тем долина становилась все уже и уже. На пути нам встречалось несколько пустых зверовых фанз. Обстановка их говорила за то, что только зимой они навещаются китайскими соболевщиками. В фанзах я видел только то, что увидел бы и всякий другой наблюдатель, но Дерсу увидел еще многое другое. Так, например: осматривая кожи, он сказал, что у человека нож был тупой и что, когда он резал кожу, то за один край держал ее зубами. Беличья шкурка, брошенная звероловами, рассказала ему, что животное было задавлено бревном. В третьем месте Дерсу видел, что в фанзе было много мышей и хозяин ее вел немилосердную войну с ними, и т. д.

Мы немного задержались в последней фанзе и к полудню достигли верховьев реки. Тропа давно уже кончилась, и мы шли целиной, часто переходя с одного берега реки на другой.

По мере приближения к Сихотэ-Алиню лес становился гуще и больше был завален колодником. Дуб, тополь и липа остались позади, и место черной березы заняла белая.

Я хотел перевалить через Сихотэ-Алинь и спуститься по реке Кулумбе, но Дерсу и Чжан Бао не советовали уходить далеко от водораздела. Они говорили, что надо ждать сильных дождей, и в подтверждение своих слов указывали на небо. Теперь туман поднялся выше и имел вид дождевых туч. Оба мои проводника объяснили мне, что, если во время штиля туман вдруг перестает моросить и начинает подни-

маться кверху и если при этом раскатистое эхо исчезает, надо ждать весьма сильного дождя.

Действительно, все эти дни земля точно старалась покрыться туманом, спрятаться от чего-то угрожающего, и вдруг туман изменил ей и, как бы войдя в соглашение с небом, отошел в сторону, предоставляя небесным стихиям разделаться с землей, как они хотят.

Чжан Бао советовал постараться дойти до зверовых фанз. Совет его был весьма резонным, и потому мы в тот же день пошли обратно. Еще утром на перевале красовалось облако тумана. Теперь вместо него через хребет ползли тяжелые тучи. Дерсу и Чжан Бао шли впереди. Они часто поглядывали на небо и о чем-то говорили между собой. По опыту я знал, что Дерсу редко ошибается, и если он беспокоится, то, значит, тому были серьезные причины.

Часа в четыре дня мы дошли до первой зверовой фанзы. Вдруг опять появился туман, и такой густой, что, казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие. Дерсу выстрелил в воздух. Гулкое эхо с перекатами разнеслось по лесу. После этого я совсем запутался в метеорологии и попросил у Дерсу объяснений. Он остался доволен. По его словам выходило, что повторное появление тумана с изморосью и гулкое эхо указывали на то, что дождь отодвигается по крайней мере до рассвета. Значит, можно идти дальше. Мы прибавили шагу и к сумеркам добрались до второй фанзы. Она была уютнее и больше размерами.

В несколько минут фанза была приведена в жилой вид. Разбросанное имущество мы сложили в один угол, подмели пол и затопили печь. Вследствие тумана, а может быть, и оттого, что печь давно уже не топилась, в трубе не было тяги, и вся фанза наполнилась дымом. Пришлось прогревать печь горячими углями. Только вечером, когда было уже совсем темно, тяга установилась и каны стали нагреваться. Стрелки развели снаружи большой костер, варили чай и что-то со смехом рассказывали друг другу. У другого огня сидели Дерсу и Чжан Бао. Оба они молчали и курили трубки. Посоветовавшись с ними, я решил, что, если завтра большого дождя не будет, пойдем дальше. Надо было во что бы то ни стало пройти «щеки», иначе, если станет прибывать вода в реке, мы будем вынуждены совершить большое обходное движение через скалистые сопки Онку-Чжугдыни, что по-удэхейски значит «Чертово жилище».

Ночь прошла благополучно.

Было еще темно, когда всех нас разбудил Чжан Бао. Этот человек без часов ухитрялся точно угадывать время. Спешно мы напились чаю и, не дождавшись восхода солнца, тронулись в путь.

Судя по времени, солнце давно взошло, но небо было серое и пасмурное. Горы тоже были окутаны не то туманом, не то дождевой пылью. Скоро начал накрапывать дождь, а вслед за тем к шуму дождя стал примешиваться еще какой-то шум. Это был ветер.

— Начинай есть,— сказал Дерсу, указывая на небо.

Действительно, сквозь разорвавшуюся завесу тумана совершенно явственно обозначилось движение облаков. Они быстро бежали к северо-западу. Мы очень скоро вымокли до последней нитки. Теперь нам было все равно. Дождь не мог явиться помехой. Чтобы не обходить утесы, мы спустились в реку и пошли по галечниковой отмели. Все были в бодром настроении духа, стрелки смеялись и толкали друг друга в воду. Наконец в три часа дня мы прошли теснины. Опасные места остались позади.

В лесу мы не страдали от ветра, но каждый раз, как только выходили на реку, начинали зябнуть. В пять часов пополудни мы дошли до четвертой зверовой фанзы. Она была построена на берегу небольшой протоки с левой стороны реки.

Перейдя реку вброд, мы стали устраиваться на ночь. Развьючив мулов, стрелки принялись таскать дрова и приводить фанзу в жилой вид.

Кому приходилось странствовать по тайге, тот знает, что значит во время непогоды найти зверовую фанзу. Во-первых, не надо заготовлять много дров, а во-вторых — фанза все же теплее, суше и надежнее, чем палатка.

Пока стрелки возились около фанзы, я, вместе с Чжан Бао, поднялся на ближайшую сопку. Оттуда сверху можно было видеть, что делалось в долине реки Билимбе.

Сильный порывистый ветер клубами гнал с моря туман. Точно гигантские волны, катился он по земле и смешивался в горах с дождевыми тучами.

В сумерки мы возвратились назад. В фанзе уже горел огонь. Я лег на кан, но долго не мог уснуть. Дождь хлестал по окнам; вверху, должно быть на крыше, хлопало корье, где-то завывал ветер, и не разберешь, шумел ли то дождь, или стонали озябшие кусты и деревья. Буря бушевала всю ночь...

Наутро, 10-го августа, я проснулся от сильного шума. Не надо было выходить из фанзы, чтобы понять, в чем дело. Дождь лил как из ведра. Сильные порывы ветра потрясали фанзу до основания.

Я спешно оделся и вышел наружу. В природе творилось что-то невероятное. И дождь, и туман, и тучи — все это перемешалось между собой. Огромные кедры качались из стороны в сторону и имели такой вид, словно терпели муку и жаловались на свою судьбу. Лесной шум во время ненастья всегда нагоняет тоскливое чувство.

На берегу реки я заметил Дерсу. Он ходил и внимательно смотрел на воду.

— Ты что делаешь? — спросил я его.

— Камни смотрю — вода прибавляй,— отвечал он и стал ругать китайца, который построил фанзу так близко от реки. Тут только я обратил внимание, что фанза действительно стояла на низком берегу и, в случае наводнения, могла быть легко затоплена.

Около полудня Дерсу и Чжан Бао, поговорив о чем-то между собой, пошли в лес. Накинув на себя дождевик, я пошел следом за ними и увидел их около той сопки, на которую подымался накануне. Они таскали дрова и складывали их в кучу. Меня удивило, почему они складывают их так далеко от фанзы. Я не стал мешать им и поднялся на горку. Напрасно я рассчитывал увидеть долину Билимбе: я ничего не видел, кроме дождя и тумана. Выражение «разверзлись все хляби небесные» как нельзя более подходило к тому хаосу, который теперь царил в природе. Полосы дождя, точно волны, двигались по воздуху и проходили сквозь лес. Вслед за моментами затишья буря как будто хотела наверстать потерянное и неистовствовала еще сильнее.

Измокший и озябший я возвратился в фанзу и послал стрелков к Дерсу за дровами. Они возвратились и доложили, что Дерсу и Чжан Бао дров не дают. Зная, что Дерсу никогда ничего не делает зря, я пошел вместе со стрелками собирать дрова вверх по протоке.

Часа через два возвратились в фанзу Дерсу и Чжан Бао. На них не было сухой нитки. Они разделись и стали сушиться у огня.

Перед сумерками я еще раз сходил посмотреть на воду. Она прибывала медленно, и, по-видимому, до утра не было опасений, что река выйдет из берегов. Тем не менее я приказал уложить все имущество и заседлать мулов. Дерсу одобрил эту меру предосторожности. Вечером, когда стем-

нело, с сильным шумом хлынул страшный ливень. Стало жутко...

Вдруг в фанзе на мгновение все осветилось. Сверкнула яркая молния, и вслед за тем послышался резкий удар грома. Гулким эхом он широко прокатился по всему небу. Мулы стали рваться на привязи, собаки подняли вой.

Дерсу прислушивался к тому, что происходило снаружи. Чжан Бао сидел у дверей и время от времени перебрасывался с ним короткими фразами. Я что-то сказал, но Чжан Бао сделал мне знак молчать. Затаив дыхание, я тоже стал слушать. Ухо мое уловило за стеной слабый звук, похожий на журчание. Дерсу вскочил со своего места и быстро выбежал из фанзы. Через минуту он вернулся и сообщил, что надо скорее будить людей, так как река вышла из берегов и вода кругом обходит фанзу. Стрелки вскочили и быстро стали одеваться. При этом Туртыгин и Калиновский перепутались обувью и начали смеяться.

— Чего смеетесь? — закричал сердито Дерсу.— Скоро будете плакать.

Пока мы обувались, вода успела просочиться сквозь стену и залила очаг. Угли в нем зашипели и погасли. Чжан Бао зажег смолье. При свете его мы собрали свои постели и пошли к мулам. Они стояли уже по колено в воде и испуганно озирались по сторонам. При свете бересты и смолья мы стали вьючить мулов,— и было пора. За фанзой вода успела уже промыть глубокую протоку, и опоздай мы еще немного, то не переправились бы вовсе. Дерсу и Чжан Бао куда-то убежали, и я, признаться, испугался изрядно. Приказав людям держаться ближе друг к другу, я направился к той горке, на которую взбирался днем. Тьма, ветер и дождь встретили нас сразу, как только мы завернули за угол фанзы.

Ливень хлестал по лицу и не позволял открыть глаз. Не было видно ни зги. В абсолютной тьме казалось, будто вместе с ветром неслись в бездну деревья, сопки и вода в реке и все это вместе с дождем образовало одну сплошную, с чудовищной быстротой движущуюся массу.

Среди стрелков произошло замешательство.

В это время впереди я увидел небольшой огонек и догадался, что его разложили Дерсу и Чжан Бао. За фанзой образовалась глубокая протока. Я велел стрелкам держаться за мулов со стороны, противоположной течению. До того места, где Дерсу и Чжан Бао разводили огонь, было не больше полутораста шагов, но, чтобы пройти их, потребовалось много времени. В темноте мы залезли в бурелом,

запутались в кустах, потом опять попали в воду. Она быстро бежала вниз по долине, из чего я заключил, что к утру, вероятно, будет затоплен весь лес. Наконец мы добрались до сопки.

Тут только я увидел, до какой степени были предусмотрительны мои проводники. Теперь только мне стало ясно, зачем днем они собирали дрова. На жердях было укреплено два куска кедрового корья. Под этой-то защитой они и развели огонь.

Не теряя времени, мы стали ставить палатку. Высокая скала, у подножья которой мы расположились, защищала нас от ветра. О сне нечего было и думать. Долго мы сидели у огня и сушились, а погода бушевала все неистовее, шум реки становился все сильнее.

Наконец стало светать. При дневном свете мы не узнали того места, где была фанза; от нее не осталось и следа. Весь лес был в воде; вода подходила уже к нашему биваку, и пора было позаботиться перенести его выше. С одного слова люди поняли, что надо делать. Одни принялись переносить палатки, другие рубить хвою и устилать ею сырую землю. Дерсу и Чжан Бао опять принялись таскать дрова. Перенос бивака и заготовка дров длились часа полтора. В это время дождь как будто немного стих. Но это был только небольшой перерыв. Опять появился густой туман; он быстро поднялся кверху, и вслед за тем снова хлынул сильнейший ливень.

Такого дождя я не помню ни до, ни после этого. Ближайшие горы и лес скрылись за стеной воды. Мы снова забились в палатки.

Вдруг раздались крики. Опасность появилась с той стороны, откуда мы ее вовсе не ожидали. По ущелью, при устье которого мы расположились, шла вода. На наше счастье, одна сторона распадка была глубже. Вода устремилась туда и очень скоро промыла глубокую рытвину. Мы с Чжан Бао защищали огонь от дождя, а Дерсу и стрелки боролись с водой. Никто не думал о том, чтобы обсушиться,— хорошо, если только удавалось согреться.

Порой сквозь туман было видно темное небо, покрытое тучами. Они шли совсем не в ту сторону, куда дул ветер, а к юго-западу.

— Худо,— говорил Дерсу,— скоро кончай нету.

Перед сумерками мы все еще раз сбегали за дровами, дабы обеспечить себя на ночь.

Утром 12-го августа на рассвете подул сильный северо-восточный ветер, но скоро стих. Дождь лил по-прежнему

без перерыва. Все страшно измучились и от усталости еле стояли на ногах. То надо было держать палатку, чтобы ее не сорвало ветром, то укрывать огонь, то таскать дрова. Ручей, бегущий по ущелью, доставлял нам немало хлопот. Вода часто прорывалась к палаткам, надо было устраивать плотины и отводить ее в сторону.

Намокшие дрова горели плохо и сильно дымили. От бессонницы и от дыма у всех болели глаза. Ощущение было такое, как будто в них насыпали песку. Несчастные собаки лежали под скалой и не подымали голов.

На реку было страшно смотреть. От быстробегущей воды кружилась голова. Казалось, что берег с такой же быстротой двигался в противоположную сторону. Вся долина от гор и до гор была залита водой. Русло реки определялось только стремительным течением. По воде плыл мелкий мусор и крупные коряжины; они словно спасались бегством от того ничем не поправимого несчастья, которое случилось там, где-то в горах. Подмытые в корнях лесные великаны падали в реку, увлекая с собой большую глыбу земли и растущий на ней молодняк. Тотчас этот бурелом подхватывался водой и уносился дальше. Словно разъяренный зверь, река металась в своих берегах. Бешеными прыжками стремилась вода по долине. Там, где ее задерживал плавник, образовывались клубы желтой пены. По лужам прыгали пузыри. Они плыли по ветру, лопались и появлялись вновь.

Миновал еще один день. Вечером дождь пошел с новой силой. Вместе с тем усилился и ветер. Эту ночь мы провели в состоянии какой-то полудремоты. Я слышал шум дождя, говор людей, но не было сил пошевелиться. Один подымался, а другие валились с ног. Природа словно хотела показать, до какой степени она способна обессилить человека в борьбе со стихиями.

Так прошла четвертая бурная ночь.

На рассвете то же, что и вчера. Невозможно разобрать, отчего происходит такой шум: от ветра, от дождя или от воды в реке. Часов в девять утра ветер переменился еще раз и подул с юго-востока. Стрелки забились в палатки и, прикрывшись шинелями, лежали неподвижно. У огня оставались только Дерсу и Чжан Бао, но и они, видимо, начали уставать. Что же касается меня, то я чувствовал себя совершенно разбитым. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать — мне просто хотелось лежать, не шевелиться.

Около полудня небо как будто просветлело, но дождь не уменьшился.

Вдруг появились короткие, но сильные вихри. После каждого такого порыва наступал штиль. Вихри эти становились реже, но зато каждый последующий был сильнее предыдущего.

— Скоро кончай есть,— сказал Дерсу.

Слова старика сразу согнали с людей апатию. Все оживились и поднялись на ноги. Дождь утратил постоянство и шел порывами, переходя то в ливень, то в изморось. Это вносило уже некоторое разнообразие и давало надежду на перемену погоды.

В сумерки дождь начал заметно стихать и вечером прекратился совсем. Мало-помалу небо стало очищаться; кое-где проглянули звезды...

С каким удовольствием мы обсушились, напились чаю, легли на сухую подстилку и крепко, крепко уснули.

Это был настоящий отдых.

VI
ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Переправа через реку Билимбе.— Встреча с А. И. Мерзляковым.— Доставка продовольствия китайцами.— Олений хвост.— Тигр, убитый Дерсу

На следующий день мы проснулись поздно. Сквозь прорывы в облачках виднелось солнце. Оно пряталось в тучах, точно не желало смотреть на землю и видеть то, что натворила вчерашняя буря. Всюду мутная вода шумящими каскадами сбегала с гор; листва на деревьях и трава на земле еще не успели обсохнуть и блестели, как лакированные; в каплях воды отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги. Природа снова возвращалась к жизни. Тучи ушли к востоку. Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности острова Сахалина.

Весь этот день мы простояли на месте, сушили имущество и отдыхали. Человек скоро забывает невзгоды. Стрелки стали смеяться и подтрунивать друг над другом.

Вечерняя заря была багрово-красная и сумерки длинные. В этот день мы улеглись спать рано. Нужно было отоспаться и за прошедшее и для будущего.

Следующий день был 15 августа. Все поднялись рано, с зарей. На восточном горизонте темной полосой все еще лежали тучи. По моим расчетам, А. И. Мерзляков с другой частью отряда не мог уйти далеко. Наводнение должно было задержать его где-нибудь около реки Билимбе. Для того чтобы соединиться с ним, следовало переправиться на правый берег реки. Сделать это надо было как можно скорее, потому что ниже в реке воды будет больше и переправа труднее.

Для исполнения этого плана мы пошли сначала вниз по краю долины, но вскоре должны были остановиться: река подмывала скалы. Вода нанесла сюда много бурелома и сложила его в большую плотину. По ту сторону был небольшой холмик, не покрытый водой. Надо было обследовать это место. Первым перешел Чжан Бао. По пояс в воде, с палкой в руках он бродил около противоположного берега и ощупывал дно. Исследования показали, что река здесь разбивается на два рукава, находящиеся один от другого в расстоянии пятнадцати сажен. Второй рукав был шире и глубже первого и не был занесен плавником. Шестом достать дна нельзя было, потому что течение относило его в сторону. Дерсу и Чжан Бао принялись рубить большой тополь. Скоро на помощь им пришли стрелки с поперечной пилой. Стоя больше чем по колено в воде, они работали очень усердно. Минут через пятнадцать дерево затрещало и с грохотом упало в воду. Комель тополя сначала было подался вниз по течению, но вскоре за что-то зацепился, и дерево осталось на месте. По этому мосту мы перешли через вторую протоку. Оставалось пройти затопленным лесом еще сажен двадцать пять. Убедившись, что больше проток нет, мы вернулись назад.

Люди перейдут, имущество и седла тоже можно перенести, но как быть с мулами? Если их пустить вплавь, то силой течения их снесет под бурелом раньше, чем они достигнут противоположного берега. Тогда решено было переправить их на веревке. Выбрав самый крепкий недоуздок, мы привязали к нему веревку и перетащили конец ее через завалы. Когда все было готово, первого мула осторожно спустили в реку. В мутной воде он оступился и окунулся с головой. Сильное течение тотчас подхватило его и понесло к завалу. Вода пошла через голову мула. Бедное животное оскалило зубы и начало задыхаться. В этот момент его подтащили к берегу. Первый опыт был не совсем удачен. Тогда мы выбрали другое место, где спуск в реку был пологий. Тут дело пошло успешнее.

Немало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. В наносной илистой почве мулы вязли более чем по колено; они оступались в глубокие ямы, падали и выбивались из сил.

Только к сумеркам нам удалось подойти к горам с правой стороны долины. Мулы страшно измучились, но еще более устали люди. К усталости присоединился озноб, и мы долго не могли согреться. Но самое главное было сделано — мы переправились через реку.

Недолго нас баловала хорошая погода. Вечером 16 августа опять появился туман и опять начало моросить. Эта изморось продолжалась всю ночь и весь следующий день. Мы опять шли целый день чуть ли не по колено в воде. Наконец начало темнеть, и я уже терял надежду дойти сегодня до устья реки Билимбе, как вдруг мы услышали шум морского прибоя. Оказалось, что в тумане мы внезапно подошли к морю, и заметили это только тогда, когда у ног увидели морскую траву и белую пену прибоя.

Я хотел было идти налево, но Дерсу советовал повернуть направо. Свои соображения он основывал на том, что видел на песке человеческий след. Он шел от реки Шакиры к реке Билимбе и обратно. Поэтому гольд заключил, что бивак А. И. Мерзлякова был в правой стороне.

Я сделал два выстрела в воздух, и тотчас же со стороны реки Шакиры последовал ответ. Через несколько минут мы были у своих.

Начались обоюдные расспросы: с кем что случилось и кто что видел. Вечером мы долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Ночью было холодно. Стрелки часто вставали и грелись у огня. На рассвете термометр показывал 7 °С. Когда солнышко пригрело землю, все снова уснули и проспали до девяти часов утра.

Переправиться через реку Билимбе, пока не спадет вода, нечего было и думать. Нет худа без добра. Мы все нуждались в отдыхе: мулы имели измученный вид; надо было починить одежду и обувь, справить седла, почистить ружья. Кроме того, у нас начали иссякать запасы продовольствия. Я решил заняться охотой и послал двух стрелков к китайцам на реку Адимил за покупками.

За последние пять дней я запустил свою работу, и нужно было заполнить пробелы.

Стрелки Сабитов и Аринин стали собираться в дорогу, а я отправился на реку Билимбе, чтобы посмотреть, насколько спала вода за ночь. Не успел я отойти от своей палатки и ста шагов, как меня окликнули. Я возвратился назад и увидел подходящих к биваку двух китайцев с вьючными конями. Это были рабочие из фанзы Дун-Тавайза, куда я хотел посылать за продовольствием. Китайцы сказали, что хозяева их, зная, что перейти теперь через Билимбе нам не удастся, решили послать четыре кулька чумизы, 20 фунтов свиного сала, один пуд рису, 10 фунтов бобового

масла, 10 фунтов сахару и плитку кирпичного чаю. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги. Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять.

Китайцы остались у нас ночевать. От них я узнал, что большое наводнение было на реке Иодзыхе, где утонуло несколько человек. На реке Санхобе снесло водой несколько фанз, с людьми несчастий не было, но зато там погибло много лошадей и рогатого скота.

На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять не хватит продовольствия, то чтобы присылали к ним без стеснения.

Отпустив их, мы с А. И. Мерзляковым пошли к устью реки Билимбе. Море имело необыкновенный вид: на расстоянии двух или трех верст от берега оно было грязно-желтого цвета и по всему этому пространству плавало множество буреломного леса. Издали этот плавник казался лодками, парусами, шаландами и т. д. Некоторые деревья были еще с зеленой листвою. Как только переменился ветер, плавник обратно погнало к берегу. Море стало выбрасывать назад все лишнее, все мертвое, все, что чуждо было его свободной и живой стихии.

Вечером Дерсу угостил меня оленьим хвостом. Он насадил его на палочку и стал жарить на углях, не снимая кожи. Олений хвост (по-китайски «лу-иба») представляет из себя небольшой мешок, внутри которого проходит тонкий стержень. Все остальное пространство наполнено буровато-белой массой, по вкусу напоминающей не то мозги, не то печенку. Китайцы ценят олений хвост как гастрономическое лакомство.

Целые дни я проводил в палатке, вычерчивал маршруты, делал записи в дневниках и писал письма. В перерывах между этими занятиями я гулял на берегу моря и наблюдал птиц.

Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т. д. У него были интересные и тонкие наблюдения. Так, по его словам, лет двадцать тому назад две зимы подряд тигры двигались от запада к востоку. Заметил это не он один, а также и другие охотники. Все тигровые следы шли в этом направлении. По его мнению, это был массовый переход тигров из Сунгарийского края в Сихотэ-Алинь. Затем он припомнил, что в 1886 году был общий падеж зверя. Летом гибли пятнистые олени, потом стали падать изюбры, а зимой — кабаны.

Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался или старался перевести разговор на другую тему, но сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось.

Дело было на реке Фудзине, в мае месяце. Дерсу шел по долине среди дубового редколесья. При нем была маленькая собачка. Сначала она весело бежала вперед, но потом стала выказывать признаки беспокойства. Не видя ничего подозрительного, Дерсу решил, что собака боится медвежьего следа, и без опаски пошел дальше. Но собака не унималась и жалась к нему так, что положительно мешала идти. Оказалось, что поблизости был тигр. Увидев человека, он спрятался за дерево. По совершенной случайности вышло так, что Дерсу направлялся именно к тому же дереву. Чем ближе подходил человек, тем больше прятался тигр; он совсем сжался в комок. Не замечая опасности, Дерсу толкнул собаку ногой, но в это время выскочил тигр. Сделав большой прыжок в сторону, он начал бить себя хвостом и яростно реветь.

— Что ревешь? — закричал ему Дерсу.— Моя тебя трогай нету. Зачем сердишься?

Тогда тигр отпрыгнул на несколько шагов и остановился, продолжая реветь. Гольд опять закричал ему, чтобы он уходил прочь. Тигр сделал еще несколько прыжков и снова заревел. Видя, что страшный зверь не хочет уходить, Дерсу крикнул ему:

— Ну, хорошо, тебе ходи не хочу — моя стреляй, тогда виноват не буду.

Он поднял ружье и стал целиться, но в это время тигр перестал реветь и шагом пошел на увал в кусты. Надо было воздержаться от выстрела, но Дерсу не сделал этого. В тот момент, когда тигр был на вершине увала, Дерсу выстрелил. Тигр бросился в заросли. После этого Дерсу продолжал свой путь. Дня через четыре ему случилось возвращаться той же дорогой. Проходя около увала, Дерсу увидел на дереве трех ворон, из которых одна чистила нос о ветку.

«Неужели я убил тигра!» — мелькнуло у него в голове.

Едва он перешел на другую сторону увала, как наткнулся на мертвого зверя. Весь бок у него был в червях. Дерсу сильно испугался: ведь тигр уходил, зачем он стрелял?! Дерсу убежал. С той поры мысль, что он напрасно убил тигра, не давала ему покоя. Она преследовала его повсюду. Ему казалось, что рано или поздно, а он поплатится за это.

— Моя теперь шибко боится,— закончил он свой рассказ.— Раньше моя постоянно один ходи, ничего боися нету, а теперь чего-чего посмотри — думай, след посмотри — думай, один тайга спи — думай...

Он замолчал и сосредоточенно стал смотреть на огонь. Я почувствовал усталось и пошел спать.

Ночь была теплая и тихая. Иногда сквозь облака на мгновение выглядывала луна, но хмурые тучи стремились заслонить ее, точно они не хотели, чтобы она светила на землю. Сонный воздух, наполненный запахом багульника, был неподвижен. Где-то звонко капала вода, и тоскливо кричала ночная птица...

Дня через два вода в реке начала спадать, и можно было попытаться переправиться на другую ее сторону.

Приказ выступать назавтра обрадовал моих спутников. Все стали суетиться, разбирать имущество и укладывать его по местам.

После бури атмосфера пришла в равновесие, и во всей природе воцарилось спокойствие. Особенно тихими были вечера. Ночи стали прохладными.

На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Стрелки напились чаю и ждали только меня. Быстро я собрал свою постель, взял в карман кусок хлеба и, пока стрелки вьючили мулов, вместе с Дерсу, Чжан Бао и А. И. Мерзляковым пошел к реке Билимбе.

Собаки тотчас переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было поискать брод. С той и с другой стороны тянулись отмели. Одна из них была выше по течению, а другая ниже. Очевидно, брод шел наискось. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди могли бы переплыть, но как перетащить грузы? Оставалось только одно средство — сделать плот и на нем переправиться. Эта работа отняла у нас почти целый день. Часов в семь вечера мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели идти в воду; Дьяков переплыл с одним из них, и тогда остальные без всяких заминок пошли сзади.

На другом берегу высилась большая терраса. Тут мы и остановились.

Когда на западе угасли последние отблески вечерней зари и все кругом погрузилось в ночной мрак, мы могли наблюдать весьма интересное явление из области электрометеорологии: свечение моря и в то же время исключитель-

ную яркость Млечного Пути. Море было тихое. Нигде ни единого всплеска. И эта общая гладь воды как-то тускло светилась. Иногда вдруг разом вспыхивало все море. Точно молния пробегала по всему океану. Вспышки эти исчезали в одном месте, появлялись в другом и замирали где-то на горизонте. На небе было так много звезд, что оно казалось одною сплошною туманностью, и из этой массы особенно явственно выделялся Млечный Путь. Играла ли тут роль прозрачность воздуха, или действительно существовала какая-нибудь связь между этими двумя явлениями, боюсь сказать. Мы долго не ложились спать и любовались то на небо, то на море. На другое утро караульные сообщили мне, что свечение морской воды длилось всю ночь и прекратилось только перед рассветом.

VII
ЭКСКУРСИЯ НА СЯО-КЕМУ

Кости оленей.— Комета.— Староверы.— Непогода.— Река Сакхома.— Недоразумение с условными знаками.— Красные волки.— Возвращение

24-го августа мы распрощались с рекой Билимбе и пошли вдоль берега моря. Невдалеке от бивака Дьяков нашел скелеты двух оленей, спутавшихся рогами. Я отправился по указанному направлению и вскоре действительно увидел на земле изюбровые кости. Видно было, что над уборкой трупов потрудились и птицы, и хищные звери. Особенный интерес представляли головы животных. Во время драки олени так сцепились рогами, что уже не могли разойтись, и погибли от голода. Стрелки пробовали разнять рога: шесть человек (по три с каждой стороны) не могли этого сделать. Можно представить себе, с какой силой бились изюбры. Очевидно, при ударе рога раздались и приняли животных в смертельные объятия. Хотя мулы наши были перегружены, тем не менее я решил дотащить эту редкую находку до первого жилого пункта и там оставить ее на хранение у китайцев.

Ночью, перед рассветом, меня разбудил караульный и доложил, что на небе видна «звезда с хвостом». Спать мне не хотелось, и потому я охотно оделся и вышел из палатки. Чуть светало. Ночной туман исчез, и только на вершине горы Железняк держалось белое облачко. Прилив был в полном разгаре. Вода в море поднялась и затопила значительную часть берега. До восхода солнца было еще далеко, но звезды стали уже меркнуть. На востоке, низко над горизонтом, была видна комета. Она имела длинный хвост.

Скоро проснулись остальные люди и принялись рассуждать о том, что предвещает эта небесная странница. Решили они, что земля обязана ей своим недавним наводнением, а Чжан Бао сказал, что в той стороне, куда направляется комета, будет война. Видя, что Дерсу ничего не говорит, я спросил его, что думает он об этом явлении.

— Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету,— отвечал гольд равнодушно.

При всем своем антропоморфизме он был прав и судил о вещах так, каковы они есть на самом деле.

Но вот на востоке стала разгораться заря, и комета пропала. Ночные тени в лесу исчезли; по всей земле разлился серовато-синий свет утра. Яркие солнечные лучи вырвались из-под горизонта и разом осветили все море.

— Дерсу,— спросил я его,— что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и в свою очередь задал вопрос:

— Разве ты никогда его не видал? Посмотри,— сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами. Он принял это за насмешку.

Вследствие того, что мы рано встали, мы рано выступили и с бивака.

Береговая тропа привела нас на реку Сяо-Кему, на которой жил старообрядéц Иван Бортников.

Семья его состояла из него самого, его жены, двух взрослых сыновей и двух дочерей. Надо было видеть, какой испуг произвело на них наше появление. Захватив детей, женщины убежали в избу и заперлись на засовы. Когда мы проходили мимо, они испуганно выглядывали в окна и тотчас прятались, как только встречались с кем-нибудь глазами. Пройдя еще с полверсты, мы стали биваком на берегу реки в старой липовой роще.

Сегодня весь день стояла в воздухе какая-то мгла. Она медленно сгущалась. После полудня в ней потонули дальние горы. На западной части неба все время держалась темная туча с резко очерченными краями. Характер ветра был неровный: то он становился порывистым, то спадал до полного штиля. В тот момент, когда солнце скрылось за облаками, края облаков стали светиться, как будто они были из расплавленного металла. Прошло несколько ми-

нут, и из-за тучи по желто-зеленому фону неба веером поднялись три пурпуровых луча. Явление это продолжалось не более двух минут. Затем оно начало блекнуть, и вместе с тем туча стала быстро застилать небо.

Я думал, что на другой день (26 августа) будет непогода. Но опасения мои оказались напрасными. Наутро небо очистилось, и день был совершенно ясный.

Староверы Бортниковы живут зажиточно, повинностей государственных не несут, земли пашут мало, занимаются рыболовством и соболеванием и на свое пребывание здесь смотрят как на временное. Они не хотели, чтобы мы отправились в горы, и неохотно делились с нами сведениями об окрестностях.

Река Сяо-Кема состоит из слияния двух рек: Горелой, длиною в 15, и Сакхомы, длиной 20—25 верст. Слияние их происходит в четырех верстах от моря.

Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересной и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, выше небосклон — оранжевый, затем — желтый, зеленый и в зените мутно-бледный. Это была паутина перистых облаков. Мало-помалу она сгущалась и наконец превратилась в слоистые тучи. Часов в 10 вечера за ней скрылись последние звезды. Началось падение барометра.

Утром разбудил меня шум дождя. Одевшись, я вышел на улицу. Низко бегущие над землей тучи, порывистый ветер и дождь живо напоминали мне бурю на реке Билимбе. За ночь барометр упал на 17 миллиметров. Ветер несколько раз менял свое направление и к вечеру превратился в настоящий шторм.

В этот день работать не удалось. Палатку так сильно трепало, что казалось, вот-вот ее сорвет ветром и унесет в море. Часов в 10 вечера непогода стала стихать. На рассвете дождь перестал и небо очистилось.

28-ое, 29-ое и 30-ое августа были посвящены осмотру реки Сяо-Кемы. На эту экскурсию я взял с собою Дерсу, двух стрелков, Аринина и Сабитова, и одного мула. Маршрут я наметил по реке Сакхоме до истоков и назад к морю по реке Горелой. Стрелки с вьючным мулом должны были идти с нами до тех пор, пока будет тропа. Дальше мы идем сами с котомками, а стрелки той же дорогой возвращаются обратно.

Часов в 8 утра мы выступили с бивака.

Мул, которого взяли с собой Аринин и Сабитов, оказался с ленцой, вследствие чего стрелки постоянно от нас

отставали. Из-за этого мы с Дерсу должны были часто останавливаться и поджидать их. На одном из привалов мы условились с ними, что в тех местах, где тропы будут разделяться, мы будем ставить сигналы. Они укажут им направление, которого надо держаться. Стрелки остались поправлять седловку, а мы пошли дальше.

Немного выше того места, где река Сакхома соединяется с рекой Горелой, долина суживается. С правой стороны подымаются высокие горы, поросшие густым смешанным лесом, а слева тянутся размытые террасы с лиственным редколесьем.

Здесь тропы первый раз разделились: одна пошла вверх по реке, другая — куда-то вправо. Надо было поставить условленный сигнал. Дерсу взял палочку, застругал ее и воткнул в землю; рядом с ней он воткнул прутик, согнул его и надломленный конец направил в ту сторону, куда надо идти. Установив сигналы, мы отправились дальше в уверенности, что стрелки поймут наши знаки и пойдут как следует. Пройдя версты две, мы остановились. Не помню, кажется, мне что-то понадобилось во вьюках. Мы стали ждать стрелков, но не дождались и пошли назад, к ним навстречу. Минут через двадцать мы были у места разветвления троп. С первого же взгляда стало ясно, что стрелки не заметили нашего сигнала и пошли по другой дороге. Дерсу начал ругаться.

— Какой народ,— говорил он в сердцах.— Так ходи, головой качай — все равно как дети. Глаза есть — посмотри нету. Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади.

Его удивляло не то, что Аринин и Сабитов ошиблись. Это не беда! Но как они идут по тропе, видя, что на ней нет следов, и все-таки продолжают идти вперед. Мало того, они столкнули оструганную палочку. Он усмотрел, что сигнал был опрокинут не копытом мула, а сапогом стрелка.

Однако разговором дела не поправишь. Я взял свое ружье и два раза выстрелил в воздух. Через минуту откуда-то издалека послышался ответный выстрел. Тогда я выстрелил еще два раза. После этого мы развели огонь и стали ждать. Через полчаса стрелки возвратились. Они оправдывались тем, что Дерсу поставил такие маленькие сигналы, что их легко было не заметить. Гольд не возражал и не спорил. Он понял, что то, что ясно для него, совершенно неясно для других.

Напившись чаю, мы опять пошли вперед. Уходя, я велел людям внимательно смотреть под ноги, чтобы не

повторить ошибки. Часа через два мы достигли того места, где в Сакхому с правой стороны впадает река Угрюмая. Тут тропы опять разделились. Первая ведет на перевал к реке Илимо (приток Такемы), а по второй нам следовало идти, чтобы попасть в истоки реки Горелой. Дерсу снял котомку и стал таскать бурелом.

— Рано делать бивак,— сказал я ему.— Пойдем дальше.

— Моя дрова таскай нету, моя дорога закрывай,— ответил он серьезным тоном.

Тогда я понял его. Стрелки бросили ему укор в том, что оставляемые им сигналы незаметны. Теперь он решил поставить такую преграду, чтобы они «уперлись в нее лбами». Меня это очень рассмешило. Дерсу навалил на тропе множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья,— словом, создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Аринин осмотрелись и пошли как следует.

Река Угрюмая течет в широтном направлении. Узкая долина ее покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Следы разрушительного действия воды видны на каждом шагу.

Лежащие на земле деревья, занесенные галькою и песком, служат запрудами, пока какое-нибудь новое большое наводнение не перенесет их в другое место.

По дороге мы несколько раз видели козуль. Я стрелял и убил одну из них. В сумерки мы дошли до верховьев реки и стали биваком.

Отсюда на другой день стрелки Аринин и Сабитов с мулом пошли обратно, а мы с Дерсу продолжали маршрут дальше.

В верховьях река Угрюмая разбивается на две речки, расходящиеся под углом градусов в тридцать. Мы пошли влево и стали взбираться на хребет, который здесь описывает большую дугу, охватывая со всех сторон истоки реки Горелой (река Угрюмая огибает его с запада). Сверху с высоты гольцов было видно далеко во все стороны. На юге, в глубоком распадке, светлой змейкой извивалась какая-то река; на западе, в синеве тумана, высилась высокая гряда Сихотэ-Алиня; на севере тоже тянулись горные хребты; на восток они шли уступами, а дальше за ними виднелось темно-синее море. Картина была величественная и суровая.

Когда начало смеркаться, мы немного спустились с гребня хребта в сторону реки Горелой. После недавних дождей ручьи были полны воды. Очень скоро мы нашли

удобное место и расположились биваком высоко над уровнем моря.

Лежа у костра, я любовался звездами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чем шепчется ветер с засохшей травой. Одна половина его была освещена красным светом костра, а другая — бледными лучами месяца: точно рядом, прижавшись друг к другу, сидело два человека — красный и голубой.

Мы разговаривали: говорили о небе, о луне, о звездах. Мне интересно было узнать, как объясняет все небесные явления человек, проведший всю жизнь среди природы, ум которого не был заполнен книжными аксиомами. Оказалось, что он никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звезды. Объяснял он все удивительно просто. Звезда — звезда и есть; луна — каждый ее видел, значит, и описывать нечего; небо — синее днем, темное ночью и пасмурное во время ненастья. Дерсу удивлялся, что я расспрашиваю его о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребенку.

— Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан, посмотри нету? — спрашивал он меня в свою очередь.

Тогда для меня стало ясно, что чувство страха перед бесконечностью и сознание своего ничтожества свойственны только культурному человеку. Чем человек образованнее, тем чувство это сильнее.

Я так увлекся созерцанием звездного неба, что совершенно забыл о том, где я нахожусь. Вдруг голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Посмотри, капитан,— сказал он,— эта маленькая «уикта» (звезда).

Я долго не мог разобраться, на какое светило он указывал, и наконец после разъяснений понял, что он говорил про Полярную звезду.

— Это самый главный люди,— продолжал гольд.— Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят.

В это время яркая падающая звезда чиркнула по небу.

— Что это такое, Дерсу? Как ты думаешь? — спросил я его.

— Одна уикта упала.

Я думал, что он свяжет это явление с рождением или со смертью человека, даст ему религиозную окраску. Ничего подобного. Явление простое: одна звезда упала.

— Китайские люди говорят,— добавил он,— там, где упала звезда, надо искать женьшень.

Для образованного человека это явление сложное: осколок астероида, случайно вошедший в сферу земного притяжения, раскалившийся от трения о воздух, горящий за счет кислорода воздуха, метеорное железо, космическая пыль. Падение их на Землю в течение многих веков должно влиять на объем, вес и плотность Земли, а всякое малейшее изменение в этом направлении влечет изменение в движении ее и рефлексирует на движение других планет и т. д., и т. д., и т. д. Рассуждения эти каждый раз заводят мыслителя в тупик. От решения вопросов: где начало трений и где им конец, образованный человек, несмотря на массу знаний, стоит так же далеко, как и первобытный дикарь. И оба суеверны. Разница только в том, что у первого суеверие сложнее, а у второго проще. Вероятно, этим и объясняется то обстоятельство, что многие образованные люди часто впадают в мистицизм.

Я очнулся от своих дум. Костер погасал. Дерсу сидел опустив голову на грудь и дремал. Я подбросил дров в огонь, затем завернулся в одеяло и заснул.

На другое утро мы проснулись от холода. Роса, выпавшая с вечера на землю, замерзла и превратилась в иней. Согревшись чаем, мы надели свои котомки и стали спускаться в реку Горелую. Долина ее шире, чем долина реки Сакхомы, и имеет явно выраженный характер размыва. Другая отличительная черта ее — отсутствие лесов, большая часть которых уничтожена пожарами. Все склоны гор, обращенные к реке Горелой, сплошь покрыты осыпями, заросшими травой, кустарниками и завалены буреломом. Река имеет порожистый характер.

За поворотом речки я увидел какое-то животное, похожее на собаку, только выше ростом. Широкая голова, небольшие мохнатые стоячие уши, притупленная морда, сухое сложение и длинный пушистый хвост изобличали в нем шакалоподобную дикую собаку, которую местное население называет красным волком. Цвет животного действительно был красный, темный на спине и светлый на брюхе. Животное лакало воду. Когда мы вышли на гальку, оно перестало пить и большими прыжками побежало к лесу. Вслед за ним из прибрежных кустов выскочило еще два волка, из которых один был такой же окраски, как и первый, а другой темнее, и еще несколько животных промелькнуло мимо нас по кустам. Я стрелял и ранил одного из них. В это время подошел Дерсу. Узнав, в чем дело, он направился в заросли и стал что-то искать. Минуты через две я услышал его оклики и повернул в ту сторону. Гольд

стоял около большого кедра и махал мне рукой. Подойдя к нему, я увидел на земле большое кровавое пятно и кой-где клочки оленьей шерсти. Дерсу сообщил мне, что красные волки всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами и оленями сообща, причем одни играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Когда они набрасываются на животное, то растаскивают его на части, оставляя на месте, как и в данном случае, только кровавое пятно и клочки шерсти.

Охотники говорят, что бывали случаи нападения красных волков и на человека.

Отдохнув немного около речки, мы пошли дальше и к вечеру дошли до берега моря.

Следующий день, 31-го августа, мы провели на реке Сяо-Кеме, отдыхали и собирались с силами. Староверы, убедившись, что мы не вмешиваемся в их жизнь, изменили свое отношение к нам. Они принесли нам молока, масла, творогу, яиц и хлеба, расспрашивали, куда мы идем, что делаем и будут ли около них сажать переселенцев.

VIII
ТАКЕМА

Птицы на берегу моря.— Население.— Старуха с внучатами.— Леший и следы тигра.— Пороги.— Переправа вброд.— Бивак старика-китайца

Сегодня первый день осени (1-е сентября). После полудня мы оставили реку Сяо-Кему и перешли на Такему. Расстояние это небольшое — всего только семь верст при хорошей тропе, проложенной параллельно берегу моря. На Такему мы прибыли рано, но долго не могли переправиться через реку. На правом ее берегу, около устья, паслись лошади под наблюдением старика-китайца и хромого таза. Последний, по словам старика, поехал на лодке в деревню за продуктами и должен был скоро возвратиться обратно. Пришлось его ожидать. Пока стрелки варили чай, я от нечего делать пошел к берегу моря посмотреть птиц.

Перелет только что начался. Прежде всего я заметил серых уток и узконосых чирков. Тех и других было очень много. Первые — очень пугливы. Они не подпускали к себе человека и взлетали тотчас, как только слышали шум шагов. Вторые — маленькие серые уточки с синими зеркальцами на крыльях, смирные и доверчивые, старались только немного отплыть в сторону. В другом месте я увидел нескольких чернетей. Черные, с синим отливом и с белыми

пятнами на спине, они быстро плавали по лагуне и часто ныряли.

Я убил двух птиц, но есть их было нельзя, потому что мясо сильно пахло рыбой. На противоположном берегу стайками ходило много куличков. Некоторые из них перелетели на нашу сторону. Это были красноногие щеголи. Около воды суетились камнешарки — красивые, пестренькие птички, тоже с красными ногами. Они бегали по воде и каждый раз, когда отходила волна, заглядывали под камни, переворачивали травинки и выискивали корм. Ближе к морю держались самые крупные и красивые «кулики-сороки», с красными клювами и ногами серо-фиолетового цвета. Они подпускали человека не более как на 150—200 шагов, затем снимались по очереди и, отлетев шагов на четыреста, снова садились у воды, озираясь по сторонам. Около устья реки в одиночку бегали по камням, помахивая хвостиками, грациозные трясогузки и нисколько не боялись присутствия человека. В море плавали обычные каменушки, которые, видимо, были совершенно равнодушны к перелету. Их не беспокоили надвигавшиеся холода.

Приближалось время хода кеты, и потому в море перед устьем Такемы держалось множество чаек. Уже несколько дней птицы эти в одиночку летели куда-то к югу. Потом они пропали и вот теперь неожиданно появились снова, но уже стаями. Иногда чайки разом снимались с воды, перелетали через бар и опускались в заводь реки. Я убил двух птиц. Это оказались тихоокеанские клуши.

Наконец хромой таза вернулся, и мы стали готовиться к переправе. Это было не так просто и легко, как казалось с берега. Течение в реке было весьма быстрое, перевозчик-таза каждый раз поднимался вверх по воде саженей на полтораста и затем уже пускался к противоположному берегу, упираясь изо всех сил шестом в дно реки, и все же течением его сносило к самому устью.

Переправившись на другую сторону реки, мы пошли к фанзам, расположенным верстах в пяти от моря. Население Такемы смешанное и состоит из китайцев и тазов.

Тазы на реке Такеме те же, что и в Южно-Уссурийском крае, только менее подвергшиеся влиянию китайцев. Живут они в фанзах, умеют делать лодки и лыжи; летом

занимаются земледелием, а зимой соболеванием, говорят по-китайски, а по-удэхейски знают только счет да отдельные слова. Китайцы на Такеме являются полными хозяевами реки; туземцы забиты и, как везде, находятся у них в неоплатных долгах.

Посоветовавшись с тазами, я решил вверх по реке Такеме идти с Дерсу, Чжан Бао, Арининым и Чан Лином, племянником горбатого таза, убежавшего с реки Иодзыхе. А. И. Мерзлякову с остальными стрелками я велел отправиться на реку Амагу, где и ждать моего возвращения.

Выступление было назначено на другой день, но осуществить его не удалось вследствие весьма ненастной погоды. Наконец 4-го сентября дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня впятером выступили в дальний путь.

От тазовских фанз вверх по долине идет пешеходная тропа. Она придерживается левого берега реки и всячески избегает бродов. Там, где долина суживается, приходится карабкаться по скалам и даже идти вброд по реке. Первые «щеки» находятся в 12 верстах от моря, вторые будут на две с половиной версты выше. В углублении одной из скал китайцы устроили кумирню, посвященную божеству, охраняющему леса и горы.

За щеками долина опять расширяется. Эта местность называется Илимо, по имени реки, впадающей в Такему с правой стороны.

Около ее устья мы нашли две маленьких полуразрушенных фанзочки. В одной из них жила старуха с внучатами: мальчиком, девяти лет, и девочкой, семи лет. У этих детей отец и мать умерли от оспы два года тому назад. Китайцы воспользовались беззащитностью старухи и обобрали ее дочиста, отняли жилище, огороды, кур, свиней и даже собак. Несчастной старухе ничего не оставалось, как перекочевать на Илимо и поселиться в одиночестве. Я застал семью в ужасной бедности. Маленький мальчик ловил рыбу и тем кормил старуху и свою сестренку.

Нигде потеря мужа не является таким несчастьем, как у тазов. Со смертью кормильца семьи являются кредиторы. Как хищные птицы, они набрасываются на имущество покойного и буквально начисто обирают вдову. К ее душевным страданиям присоединяется еще страх перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с деть-

ми, которых китайцы обыкновенно продают, как рабов, на сторону.

Мне стало жаль старухи, и я дал ей три рубля. Она растерялась, заплакала и просила меня не говорить об этом китайцам.

Простившись с ней, мы отправились дальше. Мальчик пошел проводить нас до реки Цимухе.

От реки Цимухе Такема делает крутой поворот на запад и проходит по ущелью. Тут много скал; от действия воды они приняли причудливые очертания. Некоторые из них похожи на ворота, другие — на допотопное животное с маленькой головой и длинной шеей, третьи — на горбатого человека, и т. д. Эти утесы тянутся на протяжении двух или трех верст. Затем долина опять расширяется. Во время дождей здесь всегда скопляется много воды. Тогда река выходит из берегов и затопляет лес.

В долине Такемы произрастают могучие девственные леса, которых ни разу еще не касалась рука человека. Казалось, природа нарочно избрала эти места для того, чтобы показать, какова может быть производительная сила земли.

Мы шли довольно шумно. Дерсу что-то рассказывал, Чжан Бао и Чан Лин смеялись. Вдруг Леший остановился, поджал под себя хвост, сгорбился и, прижав уши, со страхом стал озираться по сторонам. Пропустив мимо себя людей, он тихонько поплелся сзади. Причина его страха скоро разъяснилась. Впереди на илистой почве были видны свежие отпечатки тигровых лап. Зверь только что бродил здесь, но, услышав наши голоса, скрылся в зарослях. В это время моя Альпа, понимающая толк только в пернатой дичи, отстала немного и затем бросилась нас догонять. Услышав, что сзади кто-то бежит, Леший с визгом бросился вперед и так ударил под ноги Дерсу, что опрокинул его на землю. Мы тоже сначала испугались и приготовились к обороне. Дерсу поднялся с земли и сказал, обращаясь к Лешему:

— Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. Моя тебе товарищ нету. С такой собакой в компании ходи — скоро пропади.

В заключение своей фразы он плюнул в ее сторону. И действительно, с такой собакой очень опасно ходить на охоту. Она может привлечь зверя на охотника и в то время, когда последний целится из ружья, сбить его с ног.

Часа в четыре или пять пополудни мы стали биваком. Котомки наши были тяжелы, и потому мы все сильно устали. Кругом было много травы и сухостоя для дров. Чтобы не зажечь лес, мы устроились на гальке около реки.

Приближалась осень. Начало раньше смеркаться, ночи сделались длиннее, стала выпадать обильная роса. Это природа оплакивала весну и лето, когда все было молодо и наслаждалось жизнью.

Вечером, после ужина, я пошел немного побродить по галечниковой отмели. Дойдя до конца ее, я сел на пень, принесенный водою, и стал смотреть на реку. Ночь была ясная. Одна сторона реки была освещена, другая — в тени. При лунном свете листва деревьев казалась посеребренной, стволы — беловато-голубыми, а тени черными. Кусты тальника низко склонились над водою, точно они хотели скрыть что-то около своих берегов.

Кругом было тихо, безмолвно, только река слабо шумела на перекатах.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Он исходил из кустов. Я вспомнил встречу с тигром и немного испугался. По опыту я знал, что шорох еще не означает опасности — сплошь и рядом его причиной является какое-нибудь мелкое животное, вроде мыши или лягушки. Я взял себя в руки и остался на месте. Через минуту шорох повторился, потом послышался треск сучьев, и вслед за тем на галечниковую отмель, освещенную луной, вышел олень. Он подошел к реке и жадно стал пить воду. Я не смел шевельнуться и минуты две любовался прекрасным животным. В это время наши собаки почуяли зверя и подняли лай. Изюбр встрепенулся, рысью выбежал из реки, положив рога на спину, прыгнул на берег и скрылся в лесу. Я поднялся с пня и возвратился на бивак.

Вечером мы долго еще сидели у огня и говорили об охоте.

На другой день все встали рано. Первые утренние лучи застали нас уже в дороге.

По мере того как мы подвигались вперед, издали доносился какой-то шум. Чан Лин сказал нам, что это пороги. На реке Такеме их шесть. Самый большой около реки Такунчи, а меньшие — близ устьев Охотхе и Чандингоуза.

Здесь нам надлежало переправиться на другую сторону Такемы.

Перейти вброд глубокую и быструю реку не так-то просто. Если вода низкая, то об этом и разговаривать не стоит, но если вода доходит до пояса, то переходить ее надо с большой осторожностью.

Отличительной чертой здешних рек является низкая температура воды, поэтому переходить их вброд надо одетым. Голое тело зябнет, в особенности — голени. Затем, надо идти не по прямой линии и отнюдь не против воды, а наискось, по течению. Ни в каком случае не следует поворачиваться к воде лицом или спиной, иначе течением собьет с ног. Для того чтобы вода не снесла с намеченного пути, надо крепко держаться на ногах, что возможно сделать только при условии, если ноги будут обуты. Для большей устойчивости надевают на себя котомки и накладывают в них камней. Вместе с тем котомки являются и опасными. В случае падения в воду груз не позволит подняться на ноги: о плавании тогда нечего и думать.

Решено было идти всем сразу, на тот случай, что если кто ослабеет, то другие его поддержат. Впереди пошел Чан Лин, за ним — Чжан Бао, меня поставили в середину, а Дерсу замыкал шествие. Собаки поплыли рядом, но течением отнесло их в сторону. Когда мы входили в воду, они уже были на противоположном берегу и отряхивались.

С первых же шагов я почувствовал, что, не будь у меня котомки за плечами и в руках крепкой палки, я не мог бы справиться с течением. От быстробегущей воды закружилась голова, я покачнулся и едва не упал, но сильной рукой меня поддержал Чжан Бао. В это время палкой я сбил у себя с головы фуражку; о ней некогда было думать. Через минуту я оправился и пошел дальше. Скоро я заметил, что идти стало легче. Еще несколько шагов, и мы вышли на мелководье. По вздоху, вырвавшемуся у моих спутников, я понял, что мы действительно подвергались серьезной опасности.

Выйдя на берег, я стал торопливо переодеваться, но Чан Лин сказал, что сегодня дальше мы не пойдем и останемся здесь ночевать.

На самом берегу был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки — вот все, что я заметил. Но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек.

Это был старик-китаец, зверолов; он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал — видно было из того, что около огня не было лежки, что это был зверолов — Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зарубинками, которую употребляют обыкновенно для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец — видно было по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Все это было понятно. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

— Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? — обратился он ко мне в свою очередь с вопросом.

И он поднял с земли улы [1] . Они были старые, много раз чиненные, дыроватые. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью.

— Неужели понимай нету? — продолжал удивляться Дерсу.— Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы увидеть, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает пятку.

Пока мы с Дерсу осматривали покинутый бивак, Чжан Бао и Чан Лин развели огонь и поставили палатку. Обсушившись немного, я пошел вниз по реке со слабой надеждой найти фуражку. Течением могло прибить ее где-нибудь около берега. Так я проходил до самых сумерек, но фуражки не нашел и должен был взамен ее повязать голову платком. В этом своеобразном уборе я продолжал уже весь дальнейший путь.

Когда я шел назад, на землю спустилась ночь. Всходила луна, и от этого за сопками, по ту сторону реки, стало светлее. Лес на гребне горы выделялся так резко, что можно было рассмотреть каждое отдельное дерево. При этом освещении тени в лесу казались глубокими ямами, а огонь — краснее, чем он есть на самом деле. Где-то в стороне заревел изюбр, но вяло и, не дотянув до

[1] Китайская обувь. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

конца, оборвал последние ноты. Ответа ему не последовало. От реки подымались тяжелые испарения. Они тянулись над водой, словно привидения. В одном месте казалось, будто на камнях в белом саване сидел старик, в другом — будто за ракитовый куст уцепилась русалка.

Мне не хотелось идти на бивак. Я сел на берегу и долго следил, как лунные лучи играли с ночными тенями. Чжан Бао и Дерсу, обеспокоенные моим отсутствием, стали звать меня голосом. Минут через пятнадцать я был вместе с ними.

IX
ЛИ ЦУН-БИН

Выдра.— Лесные птицы.— Одинокая фанза.— Старик-китаец.— Маленькая услуга.— История одной жизни.— Тяжелые воспоминания.— Решение и прощание.— Амулет

Чуть свет мы снялись с бивака и пошли по правому берегу Такемы. Река опять повернула на север. Между притоками ее Сяо-Кунчи и Такунчи от гор в долину выдвигаются отроги, которые ближе к реке переходят в высокие речные террасы с массивным основанием. В тех местах, где отроги пересекают реку, образовались пороги, из которых последний имеет вид настоящего водопада. Вода с шумом стремится в узкий проход и с пеной бьется о камни. Около самого порога образовалась глубокая выбоина. Здесь вода идет тихо и при солнечном освещении имеет изумрудный цвет. Я долго любовался бы порогом, если бы внимание мое не было отвлечено в другую сторону.

Невдалеке от нас на поверхности спокойной воды появился какой-то предмет. Это оказалась голова выдры. Выдра имеет длинное тело (1 метр 20 сантиметров), длинный хвост (40 сантиметров) и короткие ноги, круглую голову с выразительными черными глазами, темно-бурую блестящую шерсть на спине и с боков и серебристо-серую — на нижней стороне шеи и на брюхе.

Когда животное двигается по суше, оно сближает передние и задние ноги, отчего тело его выгибается дугою кверху.

В Уссурийском крае выдра распространена равномерно и повсеместно. Любимым местопребыванием ее будут реки, обильные рыбой, и, в особенности, такие места, которые не замерзают и имеют около берегов пустоты подо льдом.

Замечено, что для отправления естественной надобности выдра выходит из воды постоянно на одно и то же место, хотя бы для этого ей пришлось проплыть значительное расстояние. Тут в песке обыкновенно охотники ставят капканы. Уничтожив рыбу в одном каком-нибудь районе, выдра передвигается вверх или вниз по реке, для чего идет по берегу. У нее прекрасно развито чутье ориентировки. В тех местах, где река делает петлю, она пересекает полуостров в наиболее узком его месте. Иногда выдры перекочевывают из одной реки в другую; туземцам случалось убивать их в горах, далеко от реки. Пугливое, хитрое и осторожное животное это любит совершать свои охотничьи экскурсии в лунные ночи и редко показывается днем.

Выдра, которую я наблюдал, держала в зубах рыбу и плыла к противоположному берегу. Через минуту она вылезла на плоский камень. Мокрое тело ее блестело на солнце. В это время она оглянулась и, увидев меня, бросила рыбу и снова проворно нырнула в воду. Я уговорил своих спутников скрыться в кустах в надежде, что животное покажется опять, но выдра не появлялась. Я уже хотел было встать, как вдруг какая-то тень мелькнула в воздухе, и вслед за тем что-то большое и грузное спустилось на камень. Это был белохвостый орлан. Схватив рыбу, он снова легко поднялся на воздух. В это время на воде появилась выдра, но уже значительно дальше по реке. Она, видимо, поднялась только для того, чтобы набрать в легкие воздуха, и затем скрылась совсем.

Версты через три мы достигли устья реки Такунчи и здесь стали биваком.

На следующий день, 8 сентября, мы распрощались с Такемой и пошли вверх по реке Такунчи. Река эта длиною немного более сорока верст и течет по кривой с северо-запада к востоку. Вода в ней мутная, с синим опаловым оттенком.

Из притоков Такунчи самые интересные будут в среднем течении: два малых безыменных — справа и один большой (река Талда) — с левой стороны. Первый приведет к перевалу на Илимо, второй — на реку Сакхому (Сяо-Кему) и третий опять на реку Такему. Около устья каждого из притоков есть китайские зверовые фанзы.

До первой фанзы мы дошли очень скоро. Отдохнув немного и напившись чаю с сухарями, мы пошли дальше. Вся долина реки Такунчи, равно как и долина Такемы, покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Сильно размы-

тое русло реки и завалы бурелома указывают на то, что во время дождей Такунчи знакомы наводнения.

Вторую половину пути мы сделали легко, без всяких приключений и, дойдя до другой зверовой фанзы, расположились в ней на ночь как дома.

Что-то сделалось с солнцем. Оно уже не так светило, как летом; вставало позже и рано торопилось уйти на покой. Трава на земле начала блекнуть и принимать однотонную буро-желтую окраску. Листва на деревьях тоже поблекла. Первые почувствовали приближение зимы виноградники и клены. Они разукрасились в желтые, оранжевые, пурпуровые и фиолетовые тона.

В сумерки мы с Дерсу пошли на охоту за изюбрами. Они уже отабунились. Самцы не хотели вступать в борьбу и хотя и отвечали на зов друг другу, но держались позади стада и рогами угоняли маток от места, куда мог явиться соперник.

После ужина мы все расположились на теплом кане. Дерсу стал рассказывать об одном из своих приключений. Около него сидели Чжан Бао и Чан Лин и внимательно слушали. По их коротким возгласам я понял, что гольд рассказывал что-то очень интересное, но сон так овладел мной, что я совершенно не мог бороться с ним и уснул как убитый.

9-го сентября мы продолжали наше движение к Сихотэ-Алиню.

За работой незаметно прошел день. Солнце уже готовилось уйти на покой. Золотистые лучи его глубоко проникали в лес и придавали ему особенную привлекательность.

Мы прибавили шагу. Маленькая, едва заметная тропинка, служившая нам путеводной нитью, все время кружила: то она переходила на один берег реки, то на другой.

Долина становилась все уже и уже и вдруг сразу расширилась. Рельеф принял неясный, расплывчатый характер. Это были верховья реки Такунчи. Здесь три ручья стекались в одно место. Я понял, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня.

В том месте, где соединялись три ручья, была небольшая полянка, и на ней стояла маленькая фанзочка, крытая корьем и сухой травой.

Около фанзочки мы застали одинокого старика-китайца. Когда мы вышли из кустов, первым движением его было — бежать. Но, видимо, самолюбие, преклонный воз-

раст и обычай гостеприимства понудили его остаться. Старик растерялся и не знал, что делать.

В это время солнце скрылось за горами. Волшебный свет в лесу погас. Кругом сразу стало сумрачно и прохладно.

Место, где стояла фанзочка, показалось мне таким уютным, что я решился здесь ночевать.

Дерсу и Чжан Бао приветствовали старика по-своему, а затем принялись раскладывать огонь и готовить ужин.

Я сел в стороне и долго рассматривал китайца.

Он был высокого роста, немного сутуловат, с черными помутневшими глазами и с длинной, редкой, седой бородой. Жилистая шея, темное, морщинистое лицо и заострившийся нос делали его похожим на мумию. Одет он был в старую, уже давно выцветшую и грубо заплатанную рубашку из синей дабы, подпоясанную таким же старым шарфом, к которому сбоку привязаны были: охотничий нож, палочка для выкапывания женьшеня и сумочка для кремня и огнива. На ногах у него были одеты синие штаны и низенькая самодельная обувь из лосиной кожи с ременными перетяжками, а на голове простая тряпица, почерневшая от копоти и грязи.

У меня мелькнула мысль, что именно я и являюсь причиной его страха. Мне стало неловко. В это время Аринин принес мне кружку чая и два куска сахара. Я встал, подошел к китайцу и все это подал ему. Старик до того растерялся, что уронил на землю сахар и разлил чай. Руки у него затряслись, на глазах показались слезы. Он опустился на колени и вскрикнул сдавленным голосом:

— Тау-се-ба, та-лай-я (спасибо, капитан)!

Я поднял его и сказал:

— Бупа, бэ-хай-па, латурл (ничего, не бойся, старик)!

Мы все занялись своими делами. Я принялся вычерчивать дневной маршрут, а Дерсу и Чжан Бао стали готовить ужин.

Мало-помалу старик успокоился.

После чая, сидя у костра, я начал расспрашивать его о том, как он попал на Такунчи.

Китаец рассказал мне, что зовут его Ли Цун-бин, от роду ему семьдесят четыре года, что родом он из Тяньцзина и происходит из богатой китайской фамилии. Еще будучи молодым человеком, он поссорился с родными. Младший брат нанес ему кровную обиду. В деле этом была замешана женщина, которую он, Ли Цун-бин, любил. Отец принял сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушел

на Сунгари, а оттуда перебрался в Уссурийский край и поселился на реке Даубихе. Впоследствии, с приходом на Даубихе русских переселенцев, он перешел на реку Улахе, затем жил на реках Судзухе, Пхусуне и Вай-Фудине и, наконец, добрался до реки Такемы, где и прожил подряд тридцать четыре года.

Раньше он занимался охотой. Первое ружье у него было фитильное, за которое он заплатил тридцать отборных соболей. Потом он искал дорогой корень женьшень. Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом. Это понудило его сесть на одном месте, подальше от людей. Он облюбовал реку Такунчи и пришел сюда уже много лет тому назад.

Жил здесь Ли Цун-бин один-одинешенек. Изредка кто-нибудь из туземцев заходил к нему случайно, и сам он раз или два в год спускался к устью Такемы.

Потом старик вспомнил свою мать, детство, сад и дом на берегу реки.

Наконец он замолк, опустил голову на грудь и глубоко задумался.

Я оглянулся. У огня мы сидели только вдвоем: Дерсу и Чжан Бао ушли за дровами.

Ночь обещала быть холодной. По небу, усеянному звездами, широкой полосой протянулся Млечный Путь. Резкий, холодный ветер тянул с северо-запада. Я озяб и пошел в фанзу, а китаец остался один у огня.

Я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шепотом и вообще старался не шуметь.

Время от времени я выглядывал в дверь и видел старика, сидевшего на том же месте в одной и той же позе. Пламя костра освещало его старческое лицо. По нему прыгали красные и черные тени. При этом освещении он казался каким-то необычайным, железным человеком, раскаленным докрасна. Китаец так ушел в свои мысли, что, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии.

О чем думал он? Вероятно, о своей молодости, о том, что он мог бы устроить свою жизнь иначе, о своих родных, о любимой женщине, о жизни, проведенной в тайге, в одиночестве...

Наконец, покончив свою работу, я закрыл тетрадь и хотел было лечь спать, но вспомнил про старика и вышел из фанзы. На месте костра осталось только несколько угольков. Ветер рвал их и разносил по земле искры. А китаец сидел на пне так же, как и час тому назад, и напряженно о чем-то думал.

Я сказал Дерсу, чтобы он позвал его в фанзу.

— Не надо, капитан,— ответил мне тихонько гольд, усиленно подчеркивая слово «не надо», и при этом сказал, что в таких случаях, когда человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить.

Я понял, что в это время беспокоить человека действительно нельзя,— вернулся в фанзу и лег на кан.

Тоскливо завыл ветер в трубе и зашелестел сухой травой на крыше. Снаружи что-то царапалось по стене: должно быть, качалась сухая ветка растущего поблизости куста или дерева. Убаюкиваемый этими звуками, я сладко уснул.

На другое утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я поспешно оделся и вышел из фанзы.

Кругом все белело от инея. Вода в лужах замерзла. Под тонким слоем льда стояли воздушные пузыри. Засохшая желто-бурая трава искрилась такими яркими блестками, что больно было на нее смотреть. Сучья деревьев, камни и утоптанная земля на тропе покрылись холодным матовым налетом.

Осмотревшись кругом, я заметил, что все вещи, которые еще вчера валялись около фанзы в беспорядке, теперь были прибраны и сложены под навес. Около огня сидели Чжан Бао, Дерсу и Чан Лин и о чем-то тихонько говорили между собой.

— А где старик? — спросил я их.

Чжан Бао указал мне рукой в лес. Тут только я заметил на краю полянки маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее на коленях стоял старик и молился. Я не стал ему мешать и пошел к ручью мыться. Минут через пятнадцать старик возвратился в фанзу и стал укладывать свою котомку.

— Куда он собирается? — спросил я своих спутников.

Тогда Чжан Бао сказал мне, что старик решил вернуться на родину, примириться со своим братом, если он жив, и там окончить свои дни.

Уложив котомку, старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая его мне, сказал:

— Возьми, капитан, береги,— он принесет тебе счастье!

Я поблагодарил его за подарок и тут же надел браслет на руку.

После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, с фанзой и с ручьем, который утолял его жажду.

Около фанзы росли две лиственницы. Под ними стояла маленькая скамеечка. Ли Цун-бин обратился к лиственницам с трогательной речью. Он говорил, что посадил их собственными руками и они выросли большими деревьями. Здесь много лет он отдыхал на скамейке в часы вечерней прохлады и вот теперь должен расстаться с ними навсегда. Старик прослезился и снова сделал земные поклоны.

Затем он попрощался с моими спутниками. Они в свою очередь поклонились ему до земли, помогли ему одеть котомку, дали в руки палку и пошли провожать до опушки леса.

На краю полянки старик обернулся и еще раз посмотрел на место, где столько лет он провел в одиночестве. Увидев меня, он махнул мне рукой, я ответил ему тем же и почувствовал на руке своей браслет.

Когда возвратились Дерсу, Чжан Бао и Чан Лин, мы собрали котомки и пошли своей дорогой. Дойдя до опушки леса, я так же, как и старик, оглянулся назад.

Словно что оборвалось! Эта полянка и эта фанзочка, которые еще вчера казались мне такими уютными, сразу сделались чуждыми, пустыми.

Брошенный дом! Жизнь улетела, остался один труп!

X
СТРАШНАЯ НАХОДКА

Склоны Сихотэ-Алиня.— Верховья реки Арму.— Скелеты.— Лунное световое явление.— Сихотэ-Алинь.— Кедровый стланец.— Гора Шайтан

От фанзочки сразу начался подъем на Сихотэ-Алинь, сначала пологий, а потом все круче и круче. На восточном склоне хребта растет хвойно-смешанный лес; главную массу его составляют кедр, ель, пихта, лиственница, клен и береза с мохнатой желтой корой.

Отдохнув немного на перевале, мы пошли дальше. Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно. Пред нами расстилалась пустынная, болотистая равнина, покрытая чахлым лесом. Хоть бы одна сопка, хоть бы какой-нибудь бугор или углубление! Я думал, что мы попали на плоскогорье, и не знал, идем ли мы вдоль или пересекаем его по кратчайшему направлению. Вдруг я услышал шум воды. Это обстоятельство еще больше меня удивило. Скоро все разъяснилось: западные склоны Сихотэ-Алиня в этих местах оказались настолько пологими, что понижение их совершенно незаметно для глаза. Перед нами была река Арму — самый большой приток Имана, впадающий в него в среднем течении, с правой стороны. Вода в ней красноватого цвета и не имеет той низкой температуры, которая свойственна быстрым горным речкам. Русло ее завалено буреломом, что при сравнительно тихом течении вполне понятно: дерево остается лежать там, где оно упало.

Около реки лес значительно гуще и состоит из ольхи, белой березы, ели и пихты; особенно много растет лиственницы. Это — тайга в полном смысле слова: дикая, пустын-

ная и неприветливая. Все живое ее избегает: нигде не видно звериных следов, и за двое суток мы не встретили ни одной птицы. Такая тайга влияет и на психику людей. Это я заметил по своим спутникам. Они шли молча и почти не разговаривали между собою.

По обыкновению, около трех часов пополудни мы стали выбирать место для бивака. Дерсу и Чжан Бао зачем-то отошли вправо, а я, Чан Лин и Аринин пошли по берегу речки. Вдруг мы услышали позади себя крики: Дерсу звал нас к себе. Мы тотчас вернулись. Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую полянку, на ней что-то белело. Около этих предметов стояли Дерсу и Чжан Бао и внимательно их рассматривали. Сначала я думал, что это кочки, но уже по лицам своих спутников понял, что это было что-то посерьезнее простых кочек. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть; тут же валялись и другие кости.

Шесть скелетов! Как погибли эти люди?

Суровая тайга хранит такие тайны!

Дерсу долго рассматривал кости и что-то говорил с Чжан Бао. По его мнению, эти люди не были убиты, потому что ни на одном из черепов не было проломов. Они умерли и не от болезней. От болезней все сразу не умирают, а гибнут поодиночке: один умрет, а остальные еще плетутся дальше. Дерсу стал осматривать стволы деревьев. По ожогам на коре он установил время последнего пала. Это было два года тому назад. А так как кости тоже носили на себе следы огня, то, очевидно, в то время, когда шел огонь по лесу, они уже лежали здесь. Пал сжег остатки одежды. Однако около костей должны были остаться такие предметы, которые не могли сгореть и по которым можно было бы установить национальность умерших. Дерсу и Чжан Бао принялись копаться во мху и скоро нашли железный котелок, топор, заржавленный нож, шило, ручка которого была сделана из ружейной гильзы, огниво, трубку, жестяную баночку и серебряное кольцо. По этим предметам Дерсу узнал, что погибшие люди были корейцами-золотоискателями. Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода.

А спасение было так близко: один переход — и они были бы в фанзе отшельника-китайца, у которого мы провели прошлую ночь. Окаймляющие полянку деревья, эти безмолвные свидетели гибели шестерых людей, молчаливо стояли и теперь. Тайга показалась мне еще угрюмее.

Как бы сговорившись, мы все разом сняли с себя котомки. Чжан Бао и Чан Лин выворотили пень, выбросили из-под него камни и землю, а мы с Дерсу стащили туда кости. Затем прикрыли их мхом, а сверху наложили тот же пень и пошли к реке мыться.

Было пора устраиваться на ночь. Чжан Бао и Чан Лин не хотели располагаться на этом месте. Взяв свои котомки, мы отошли еще с полверсты и, выбрав на берегу речки место поровнее, стали биваком.

Утром 11-го сентября погода как будто немного изменилась к лучшему. Чтобы не терять напрасно времени, мы собрали свои котомки и пошли вверх по реке Арму. Местность была настолько ровная и однообразная, что я совершенно забыл, что нахожусь у подножья Сихотэ-Алиня. Здешний хвойный лес, плохого дровяного качества, растет весьма неравномерно; болотистые поляны отделяются друг от друга небольшими перелесками; деревья имеют отмершие вершины и множество сухих ветвей.

Часов в 11 утра мы распрощались с Арму и круто повернули к востоку. Здесь был такой же пологий подъем, как и против реки Такунчи.

Совершенно незаметно мы поднялись на Сихотэ-Алинь и подошли к восточному его обрыву. В это время туман рассеялся, и мы могли ориентироваться.

Слева от нас, верстах в пятнадцати, высилась какая-то большая гора. Чан Лин, хорошо знающий эти места, сказал, что сопка эта не имеет названия и находится в истоках реки Сицы. Мы были как раз против долины реки Чандингоуза, впадающей в Такему с правой стороны, выше Такунчи.

Нам не суждено было долго любоваться красивой панорамой. Надвинувшиеся тучи окутали Сихотэ-Алинь, и пошел дождь, мелкий и частый.

Производить съемку во время ненастья трудно. Бумага становится дряблой, намокшие рукава размазывают карандаш. Зонтика у меня с собой не было, о чем я искренно жалел. Чтобы защитить планшет от дождя, каждый раз, как только я открывал его, Чан Лин развертывал над ним носовой платок. Но скоро и это оказалось недостаточным: платок намок и стал сочить воду.

— Погоди, капитан! — сказал мне Дерсу и, отбежав в сторону, начал снимать с дерева бересту, затем срезал несколько прутьев и быстро смастерил зонтик.

Меня всегда удивляла находчивость гольда. Кажется, не было такого затруднительного положения, из которого он не сумел бы выйти. Все, что ему было нужно, он находил тут же, около себя, под рукой.

Выполняя намеченный маршрут, мы повернули на север и пошли вдоль по Сихотэ-Алиню к большой куполообразной горе, которую видели на северо-востоке.

Пройти нам удалось немного. Опасаясь во время тумана заблудиться в горах, я решил рано стать на бивак. На счастье, Чжан Бао нашел между камней яму, наполненную дождевой водой, и поблизости от нее сухой кедровый стланец. Мы поставили односкатную палатку, развели огонь и стали сушиться.

Перед вечером Дерсу ходил на охоту и убил кабаргу. Это двукопытное животное, похожее на антилопу, высотой полметра, а длиной метр. Задние ноги немного длиннее передних, отчего, когда животное стоит на всех четырех ногах, зад его немного приподнят. Шея у кабарги длинная, голова небольшая, стройная, с темными выразительными глазами и подвижным носом. Она не имеет рогов и слезных ямок. Зато природа наградила ее клыками: у самок клыки маленькие и не выходят изо рта, а у самцов длинные, острые и торчат книзу дюйма на два. Во время гона самцы дерутся между собой, нанося друг другу довольно опасные раны.

На ужин варили мясо кабарги; оно чем-то припахивало. Чан Лин сказал, что оно пахнет мхом, Чжан Бао высказался за запах смолы, а Дерсу указал на багульник. В местах обитания кабарги всегда есть и то, и другое, и третье: вероятно, это был запах мускуса.

Весь следующий день (12-ое сентября) мы простояли на месте из-за дождя. Надо было переждать непогоду. Осенние дожди в Уссурийском крае никогда не бывают продолжительными, но зато очень сильны. Целый день я сидел в палатке, вычерчивал съемки и заполнял путевой дневник. Ночью поднялся сильный порывистый ветер. Кое-где показались звезды, и, как всегда в таких случаях бывает, перед рассветом ударил крепкий мороз. Кругом опять все забелело, от инея сырой мох замерз и хрустел под ногами. От наших ног на нем оставались глубокие следы, чем очень были недовольны Дерсу и Чжан Бао.

Эта осторожность красной нитью проходила во всех их действиях, даже в тех случаях, когда мы находились очень

далеко от жилья и трудно было рассчитывать на встречу с человеком.

Осмотревшись, мы увидели, что находимся как раз против истоков реки Сицы.

В этот день мы дошли до подножия большой куполообразной горы и остановились около нее в седловине.

Ночью мы мало спали, зябли и очень обрадовались, когда на востоке появились признаки зари. Солнце еще пряталось за морем, а на земле было уже все видно.

Горная страна с птичьего полета! Какая красота!

Куда ни глянешь — всюду горы: вершины их, то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, прятались друг за друга, уходили куда-то вдаль и как бы растворялись во мгле на горизонте.

Но вот взошло солнышко и пригрело землю. Иней исчез, и трава из пепельно-серебристой снова сделалась буро-желтой и сухой.

Собрав свои котомки, мы стали взбираться на самую высокую гору. Много раз мы садились отдыхать, затем опять карабкались вверх и только к полудню достигли ее вершины. По барометрическим измерениям высота горы оказалась равной 2079 метрам. Я назвал ее Шайтаном. Это — самая высокая точка в центральной части Сихотэ-Алиня. Восточные склоны — каменистые и крутые, западные — пологие. Камни, покрывающие вершину Шайтана, были так плотно уложены, что можно было подумать, будто их кто-нибудь нарочно утрамбовывал и пригонял друг к другу. Спуск с горы отнял у нас тоже много времени.

Спустившись с Сихотэ-Алиня в долину реки Сицы, мы заночевали в зверовой фанзочке Чан Лина, где он в два года поймал 86 соболей. На следующий день к полудню мы дошли до реки Такемы и направились вниз по ее течению, придерживаясь правого края долины.

По пути мы видели одного медведя и нескольких изюбров.

В этот день мы как-то разленились, шли вяло и, немного не доходя до реки Сяо-Дуннанцы, стали биваком.

С утра хмурившаяся погода к вечеру разразилась сильным дождем. С первых же капель стало видно, что дождь будет затяжной. Палатки мы поставили хорошо, натаскали сухих дров и потому ночь провели спокойно.

Утром дождь пошел еще сильнее. Пришлось продневать. Мои спутники убивали время разговорами, спали или варили чай, а я вычерчивал маршруты. Часов в одиннадцать утра была короткая гроза. Молнии не было видно; гром грохотал где-то вверху, в облаках; тучи шли вразброд, и ветер часто менял направление. Целый день и всю ночь шел дождь с удивительным постоянством. На рассвете 17-го сентября тучи рассеялись и ударил мороз. Вершины гор забелели от снега и в этом уборе приняли праздничный вид. Земля, пригретая солнечными лучами, стала оттаивать; онемевшая было вода ожила и тонкими струйками стала сбегать по скатам, и чем ниже, тем бег ее становился стремительнее; это подбодрило всех. Словно сговорившись, мы проворно собрали свои котомки и бодро пошли дальше.

XI
ОПАСНАЯ ПЕРЕПРАВА

Прибыль воды.— Переправа на плоту.— Дерсу в опасности.— Привязанное дерево.— Спасение.— Возвращение к морю.— Смешное недоразумение.— Скала Ван-Син-лаза.— Нерпа.— Бивак около реки Кулумбе.— Пятнистый олень

После грозы погода установилась хорошая, и мы подвигались довольно быстро.

Я заметил, что каждый раз, когда тропа приближалась к реке, спутники мои о чем-то тревожно говорили между собой. Скоро все разъяснилось: от последних дождей вода в Такеме поднялась немного выше своего уровня, и этого было достаточно, чтобы воспрепятствовать нам перейти ее вброд. Оставалось или продолжать путь по правому берегу до реки Сяо-Кунчи и затем через перевал выйти в долину реки Илимо, или же переправиться через Такему где-нибудь выше Такунчи. Путь через реку Илимо был длинный и кружной. Посоветовавшись между собой, мы решили попытаться переправиться через реку на плоту и только в случае неудачи идти к верховьям реки Илимо и по ней к устью Такемы.

Для этого надо было найти плес, где вода шла тихо и где было достаточно глубоко. Такое место скоро было найдено немного выше последнего порога. Русло проходило здесь около противоположного берега, а с нашей стороны тянулась длинная отмель, теперь покрытая водой. Свалив три больших ели, мы очистили их от сучьев, разрубили пополам и связали в довольно прочный плот. Работу эту мы закончили перед сумерками, и потому переправу через реку отложили до утра.

Вечером мы еще раз совещались. Решено было, что, когда плот понесет вдоль левого берега, Аринин и Чжан Бао должны будут соскочить с него первыми, а я стану сбрасывать вещи, Чан Лин и Дерсу будут управлять плотом. Затем спрыгиваю я, за мной Дерсу, и последним оставляет плот Чан Лин.

На другой день мы так и сделали. Котомки положили посредине плота, поверх них ружья, а сами распределились по концам. Едва мы оттолкнули плот от берега, как его сразу подхватило течением и, несмотря на наши усилия, отнесло далеко ниже того места, где мы рассчитывали высадиться. Как только плот подошел к противоположному берегу, Чжан Бао и Аринин, захватив с собой по два ружья, прыгнули на землю. От этого толчка плот немного отошел к средине реки. Пока его несло вдоль берега, я принялся сбрасывать вещи. Дерсу и Чан Лин употребляли все усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться. Я уже собирался было это сделать, как вдруг у Чан Лина сломался шест, и он полетел головой в воду. Вынырнув, он поплыл к берегу. Тогда я схватил запасный шест и бросился помогать Дерсу. Впереди виднелся каменный выступ. Дерсу закричал мне, чтобы я прыгал как можно скорее. Не зная его плана, я продолжал работать шестом. Не успел я опомниться, как он поднял меня на руки и бросил в воду. Я ухватился руками за куст и выбрался на берег. В это мгновение плот ударился о камень, завертелся и опять отошел на середину реки. На плоту остался один Дерсу.

Мы бросились бегом по берегу с намерением протянуть гольду шест, но река здесь делала изгиб, и мы не могли догнать плота. Дерсу делал отчаянные усилия, чтобы снова приблизить его к берегу. Но что значила его сила в сравнении с силой течения реки? Впереди, саженях в пятнадцати, шумел порог. Стало ясно, что Дерсу не справится с плотом и течение непременно увлечет его к водопаду. Недалеко от порога из воды торчал сук затонувшего тополя. Чем ближе приближался плот к водопаду, тем быстрее несло его течением. Гибель Дерсу казалась неизбежной. Я бежал вдоль берега и что-то кричал. Сквозь чащу леса я видел, что он бросил шест, стал на край плота и в тот момент, когда плот проносился мимо тополя, он, как кошка, прыгнул на сук и ухватился за него руками.

Через минуту плот достиг порога. Два раза из воды показались концы бревен, и затем их разметало на части. Крик радости вырвался из моей груди. Но тотчас же по-

явился новый тревожный вопрос: как теперь снять Дерсу с дерева и надолго ли у него хватит сил? Сук торчал из воды наклонно по течению, под углом градусов в тридцать. Дерсу держался крепко, обхватив его руками и ногами. К несчастью, у нас не было ни одной веревки. Они все ушли на увязку плота и теперь погибли с ним вместе. Что делать? Медлить было нельзя. Руки у Дерсу могли озябнуть, устать, и тогда... Мы стали совещаться. В это время Чан Лин обратил внимание на Дерсу, который делал нам рукой какие-то знаки. За шумом воды в реке нельзя было расслышать, что он кричал. Наконец мы поняли его: он просил рубить дерево. Валить дерево в реку против самого Дерсу было опасно, потому что оно могло сбить его с сука, за который он держался. Значит, надо было рубить дерево выше. Выбрав большой тополь, мы начали его было рубить, но увидели, что Дерсу отрицательно замахал рукой. Тогда мы подошли к липе. Дерсу замахал снова. Наконец мы остановились около большой ели. Дерсу дал утвердительный знак. Теперь мы поняли его. Ель не имеет толстых ветвей и потому она не застрянет в реке, а поплывет. В это время я заметил, что Дерсу показывает нам ремень. Чжан Бао понял этот знак: Дерсу указал, что ель надо привязать. Я спешно стал развязывать котомки и собирать все, что было подходящего и что могло хоть как-нибудь заменить веревки. Для этого пошли ружейные, поясные ремни и ремни от обуви. В котомке Дерсу оказался еще один запасный ремень. Мы все их связали вместе и одним концом привязали ель за основание.

После этого мы дружно взялись за топоры. Подрубленная ель покачнулась. Еще маленькое усилие, и она стала падать в воду. В это время Чжан Бао и Чан Лин схватили концы ремней и закрутили их за пень. Течение тотчас же начало отклонять ель к порогу, она стала описывать кривую от середины реки к берегу, и в тот момент, когда вершина проходила мимо Дерсу, он ухватился за хвою руками. Затем я подал ему палку, и мы без труда вытащили его на берег.

Я поблагодарил гольда за то, что он вовремя столкнул меня с плота. Дерсу смутился и стал говорить, что так и надо было, потому что если бы он выскочил, а я остался на плоту, то погиб бы наверно, а теперь мы все опять вместе. Он был прав, но тем не менее он рисковал жизнью ради того, чтобы не рисковал ею я.

Человек скоро забывает опасность. Едва она минует, он сейчас же начинает шутить. Чан Лин хохотал во все горло

и кривлялся, изображая, как Дерсу сидел на суку. Чжан Бао говорил, что Дерсу так крепко ухватился за сук, что он подумал, не приходится ли он сродни медведю? Смеялся и сам Дерсу тому, как Чан Лин упал в воду; посмеялись и надо мной, как я очутился на берегу, сам того не помня, и т. д. Вслед за тем мы принялись собирать разбросанные вещи. Когда работы были кончены, солнце уже скрылось за лесом. Вечером мы долго сидели у огня. Чжан Бао и Чан Лин рассказывали о том, как каждый из них тонул и как они спасались от гибели. Мало-помалу разговоры на биваке начали стихать. Рассказчики молча еще покурили трубки и затем стали укладываться спать, а я взялся за дневник.

Кругом было темно. Вода в реке казалась бездонной пропастью. В ней отражалось небо, усеянное звездами. Там, наверху, они были неподвижны, а внизу плыли с водой, дрожали и вдруг вновь появлялись на прежнем месте. Мне было особенно приятно, что ни с кем ничего не случилось. С этими радостными мыслями я уснул.

На другой день мы продолжали наш путь вниз по долине реки Такемы и в три с половиной дня дошли до моря уже без всяких приключений. Это было 22-е сентября. С каким удовольствием я растянулся на чистой циновке в фанзе у тазов! Гостеприимные туземцы окружили нас всяческим вниманием: одни принесли мясо, другие — чай, третьи — сухую рыбу. Я вымылся, надел чистое белье и занялся работой.

Следующие два дня были дождливые, в особенности — последний. Лежа на кане, я нежился под одеялом. Вечером перед сном тазы последний раз вынули жар из печей и положили его посредине фанзы в котел с золою. Ночью я проснулся от сильного шума. На дворе неистовствовала буря — дождь хлестал по окнам. Я совершенно забыл, где мы находимся; мне показалось, что я сплю в лесу, около костра, под открытым небом. Сквозь темноту я чуть-чуть увидел свет потухающих углей — и испугался!..

— Дерсу, Дерсу! — закричал я,— вставай скорей. Дождь сейчас зальет огонь.

Дерсу поднялся со своего ложа.

— Ничего, ничего, капитан! Сейчас мы кладем огонь поближе,— сказал он и начал искать топор.

— Тьфу! — вдруг услышал я его голос.— Как так обмани? Наша в фанзе спи. Тебе, капитан, играй.

Тут только я спохватился, что сплю не в лесу, а в фанзе, на кане и под теплым одеялом. Весьма довольный этим,

я лег опять на свое ложе и под шум дождя уснул крепким, крепким сном.

Утром 25-го сентября мы распрощались с Такемой и пошли далее на север. Я звал Чан Лина с собой, но он отказался. Приближалось время соболевания; ему надо было приготовить сетку, инструменты и вообще собраться на охоту на всю зиму. Я подарил ему маленькую берданку, и мы расстались друзьями.

От Такемы на север идут два пути: один — горами вдали от моря, другой — по намывной полосе прибоя. А. И. Мерзляков с лошадьми пошел первым, а я — вторым.

Часа через два с половиной мы подошли к реке Кулумбе. Переправившись через нее вброд, мы взобрались на террасу, развели огонь и начали сушиться. Отсюда сверху хорошо было видно все, что делается в воде.

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи тысяч рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла неподвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад.

Чжан Бао стрелял и убил двух рыб. Этого вполне было достаточно для нашего ужина.

У северного края долины, в том месте, где береговая терраса примыкает к горам, путь преграждается высокой скалой. Тут надо карабкаться вверх, за камни хвататься нельзя, они качаются и вываливаются из своих гнезд. По ту сторону утеса тропа лепится по карнизу на высоте двадцати метров над морем. Идти прямо по тропе опасно, потому что карниз узок, можно подвигаться только боком, оборотясь лицом к стене и держась руками за выступы скалы. Самый карниз неровный и имеет наклон к морю. Здесь погибло много людей. Удэхейцы скалу эту называют Куле-Гапани, а китайцы — Ван-Син-лаза, по имени китайца Ван Син — первой жертвы неосторожности. В сапогах по карнизу идти рискованно: люди обыкновенно идут босые или надевают обувь мягкую и сухую. Ван-Син-лаза нельзя переходить в дождливую погоду, утром после росы и во время гололедицы.

После перехода вброд реки Кулумбе наша обувь была мокрая, и потому переход через скалу Ван-Син-лаза был отложен до другого дня. Тогда мы стали высматривать место для бивака. В это время из воды, близко от берега, показалось какое-то животное. Подняв голову, оно с видимым любопытством рассматривало нас. Это была нерпа, относящаяся к отряду ластоногих. Тело ее длиной футов шесть и весит около пяти пудов. По берегам Уссурийского

края нерпы встречаются повсеместно, но чем севернее, тем больше, что объясняется безлюдностью побережья. Окраска тела животного светло-серая, с серебристым оттенком и с ясно выраженными темными кольцевыми пятнами. Нерпа большую часть времени проводит в воде, но иногда для отдыха вылезает на прибрежные камни. Сон нерпы тревожен: она часто просыпается и оглядывается по сторонам. Слух и зрение у нее развиты лучше других чувств. Насколько она неповоротлива на суше, настолько проворна в воде. В своей родной стихии она становится смелой до дерзости и даже нападает на человека. Отличительной чертой ее характера является любопытство и любовь к музыке. Охотники-туземцы подзывают нерп свистом или ударами палки по какому-нибудь металлическому предмету.

Дерсу что-то закричал нерпе. Она нырнула, но через минуту опять появилась. Тогда он бросил в нее камень. Нерпа погрузилась в воду, но вскоре поднялась снова и, задрав голову, усиленно смотрела в нашу сторону. Это вывело гольда из терпения. Он схватил первую попавшуюся ему под руку винтовку и выстрелил. Пуля всплеснула совсем близко от животного.

— Эх, брат, промазал ты,— сказал я ему.

— Моя его пугай,— ответил он.— Убей не хочу.

Я спросил, зачем он прогнал нерпу. Дерсу сказал, что нерпа считала, сколько сюда на берег пришло людей. Человек может считать животных, но нерпа... Это очень задевало его охотничье самолюбие.

Остаток дня мы распределили следующим образом: Чжан Бао и Дерсу пошли осматривать скалу — они хотели обвалить непрочные камни и, где можно, устроить ступеньки, а я почти до самых сумерек вычерчивал маршруты.

Покончив работу, я окликнул свою собаку и, взяв ружье, пошел немного побродить по берегу.

День только что кончился. С облаками на небе играли красные лучи. Когда они потухли, на землю стала спускаться ночь. Атмосфера над материком и морем находилась в состоянии равновесия. Царившая кругом тишина изредка нарушалась только всплесками рыбы в воде. Где-то высоко вверху летели гуси. Их не было видно; слышно было только, как они перекликались между собою.

Дойдя до реки Кулумбе, я сел на камень и стал слушать тихие ночные, едва уловимые звуки, которыми всегда полна природа в часы сумерек. Безбрежный океан, сонная

земля и глубокое темное небо, усеянное звездами, одинаково казались величественными.

Собака моя сидела рядом со мной и, насторожив уши, тоже внимательно прислушивалась к лесным звукам. Вдруг она встрепенулась и стала смотреть вверх по реке. Вслед за тем позади себя я услышал сопение. Я быстро обернулся. Какая-то темная масса двигалась около реки. Это был большой медведь. Урок, данный мне в прошлом году на реке Мутухе, был еще памятен, и я воздержался от выстрела. Но Альпа не выдержала и стала лаять. Медведь остановился, понюхал воздух и с ворчаньем пошел опять в тальники.

Я встал и поспешно направился к биваку. Костер на таборе горел ярким пламенем, освещая красным светом скалу Ван-Син-лаза. Около огня двигались люди; я узнал Дерсу — он поправлял дрова. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, рассыпались дождем и медленно гасли в воздухе.

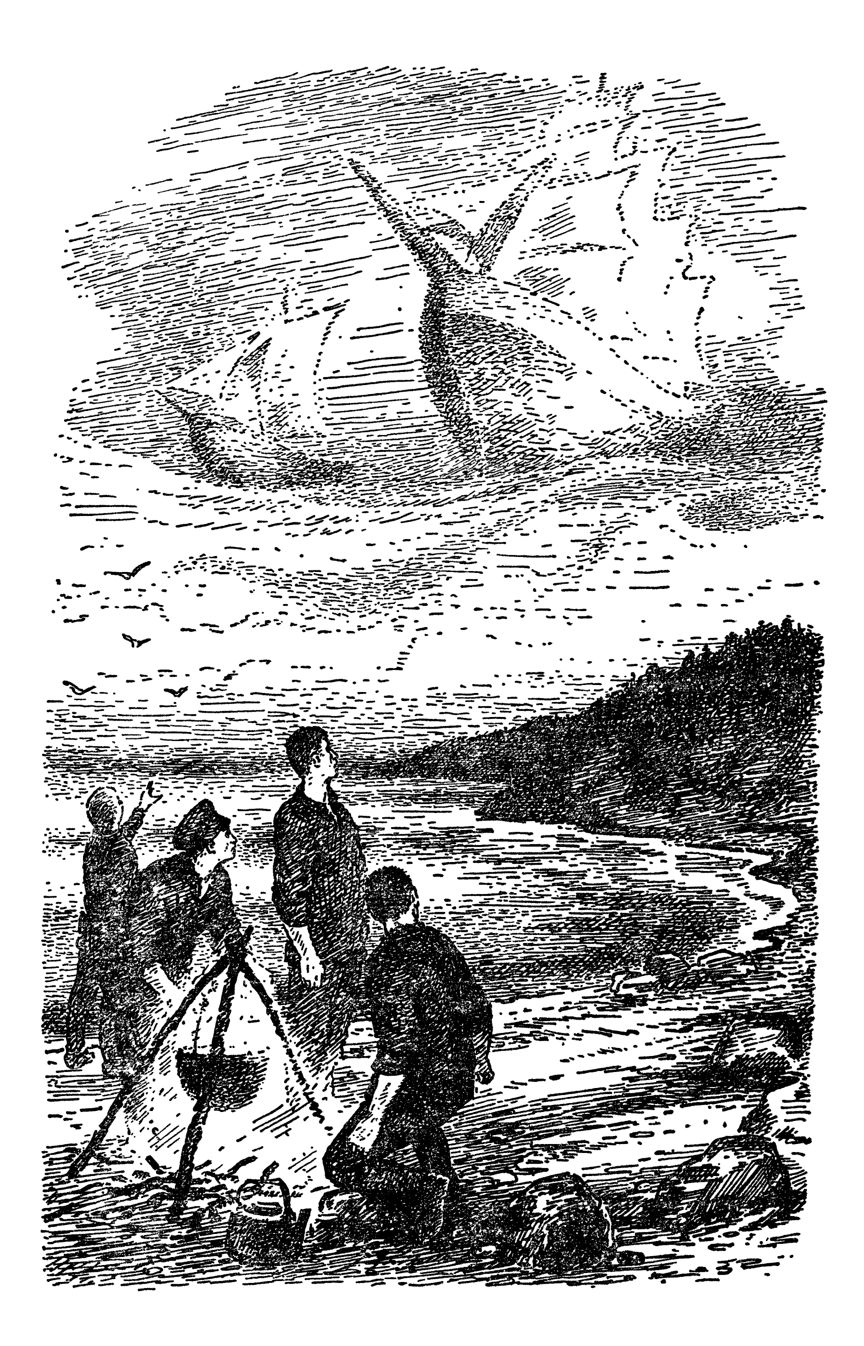
Через четверть часа я был вместе со своими товарищами. После ужина мы долго сидели у огня и разговаривали: говорили больше Дерсу и Чжан Бао, а я слушал. Время летело незаметно. Когда мы кончили беседу, созвездие Ориона показывало уже полночь. Подбросив еще раз дров в огонь, мы завернулись в одеяла и легли спать.

На другой день, 26-го сентября, вышло как-то так, что мы все встали очень рано. Утренняя заря была багровая, солнце взошло деформированное; барометр показывал 758, температура +6 °C.

Греясь у костра, мы пили чай. Вдруг Чжан Бао что-то закричал. Я обернулся и увидел мираж. В воздухе, немного выше поверхности воды, виднелся пароход, две парусные шхуны, а за ними горы, потом появилась постройка, совершенно не похожая ни на русский дом, ни на китайскую фанзу. Явление продолжалось несколько минут, затем оно начало блекнуть и мало-помалу рассеялось в воздухе.

Все принялись обсуждать. Чжан Бао сказал, что явление миража в прибрежном районе происходит осенью и большею частью именно в утренние часы. Я пытался объяснить моим спутникам, что это такое, но видел, что они меня не понимают. По выражению лица Дерсу я видел, что он со мной не согласен, но из деликатности не хочет делать возражений. Я решил об этом поговорить с ним в дороге.

Когда мы выступили с бивака, я стал его расспрашивать. Сначала он уклонялся от ответов, и я уже терял надежду узнать от него что-нибудь, но одно слово, ска-



занное мною, дало толчок и расположило его в мою пользу. Я сказал «тень» и попал как раз в точку. Однако слово «тень» он понимал в смысле тени астральной, в смысле души. После этого Дерсу принялся мне объяснять явление миража очень сложно. По его представлению, душу — тень (ханя) имеют не только люди, животные и птицы, но и растения, и камни, и вообще все неодушевленные предметы.

— Люди спи,— говорил Дерсу,— ханя — ходи; ханя назад ходи — люди проснулся.

Душа оставляет тело, странствует и многое видит в то время, когда человек спит. Этим объясняются сны. Душа неодушевленных предметов тоже может оставлять свою материю. Виденный нами мираж, с точки зрения Дерсу, были тени (ханя) тех предметов, которые в это время находились в состоянии сна и покоя. Так первобытный человек, одушевляя природу, просто объясняет такое сложное оптическое явление, как мираж.

XII
КОРЕЙЦЫ-СОБОЛЕВЩИКИ

Корейская фанза.— Корейская соболиная ловушка.— Старожилы на реке Амагу.— Удэхейцы.— Экскурсия на хребет Карту.— Лось

Чем дальше на север, тем террасы на берегу моря становятся все выше и выше. Особенно они развиты около устьев горных речек: Гаппакси, Кулумбе, Момокчи и Найна, где достигают высоты до 50 футов. Около Момокчи они углубляются в долину и идут по сторонам ее в виде ясно выраженных карнизов. Основание террас массивное, а верхняя часть состоит из угловатых обломков вперемешку с глиной, вследствие чего сверху они всегда заболочены.

У подножия найнинских террас, на самом берегу моря, мы нашли корейскую фанзу. Обитатели ее занимались ловлей крабов и соболеванием. В фанзе жило девять холостых корейцев. Среди них было двое одетых по-китайски и один — по-удэхейски. Они носили косы и имели подбритые лбы. Я долго их принимал за тех, кем они казались, и только впоследствии узнал, кто они на самом деле.

Как и надо было ожидать, наше появление вызвало беспокойство среди корейцев. В фанзе было свободно, и потому мы разместились на одном из канов. Дерсу сделал вид, что не понимает их языка, и внимательно стал прислушиваться к тому, что они говорили между собой. Из этого разговора он узнал, что среди корейцев есть несколько человек искателей руд, остальные — охотники, пришедшие за провизией с реки Кулумбе, где у них имеется несколько зверовых фанз.

Корейская зверовая фанза — это небольшая постройка, сложенная из бревен, с пологой двускатной крышей из кедрового корья. Обыкновенно фанза имеет два или три

окна, по одному с каждой стороны, и две двери, всегда обращенные к речке. Внутреннее устройство ее такое же, как и в китайских фанзах. Тут есть очаг с железным котлом и кан для спанья, нагреваемый дымовыми ходами. Вся внутренняя обстановка сделана грубо, топорно, чтобы не жаль было бросить ее в случае, если придется переходить на другое место. И снаружи, по типу постройки, и по внутренней обстановке всегда можно отличить корейскую зьеровую фанзу от китайской.

Время было осеннее, и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя, так называемые «мосты». Для устройства их корейцы пользуются буреломным лесом, переброшенным с одного берега реки на другой, а иногда и нарочно для этого валят деревья, если место кажется подходящим, а валежника вблизи нет. Посредине бревна из мелких прутиков сделана изгородь, в которой оставлен узкий проход, а в нем, в вертикальном положении, укреплена волосяная петля. По бокам бревно отесано так, что соболь не может обойти изгородь стороной. Петля одним концом привязана к деревянной палочке, которая небольшим выступом чуть только держится на маленьком упорце. К этой палочке привязан груз (камень) весом в 6—8 фунтов. Когда соболь бежит по такому «мосту», он натыкается на изгородь, старается ее обойти, но гладкие затески мешают ему; тогда он пробует перескочить через петлю, запутывается, тянет ее за собою и срывает палочку с упорца. Груз падает в воду и увлекает за собой дорогого хищника. Корейцы считают, что их способ соболевания самый лучший, потому что ловушка действует наверняка, и случаев, чтобы соболь ушел, не бывает. Кроме того, под водой соболь находится в сохранности и не может быть испорчен воронами или сойками. В корейские ловушки так же, как и в китайские, часто попадают белки, рябчики и другие мелкие птицы.

К вечеру мы вернулись назад.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север.

На морских картах к северу от реки Найны показаны двое береговых ворот. Одни малые — у самого берега, другие, большие,— в воде. Ныне сохранились только те, что ближе к берегу. Удэхейцы называют их «Сангасу», что значит «Дыроватые камни».

Немного дальше камней Сангасу тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на реке Квандагоу (приток реки Амагу). Эта река длиной около 30-ти

верст. Истоки ее находятся там же, где и истоки реки Найны. Квандагоу течет сначала тоже в глубоком ущелье, заваленном каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и течет вдоль берега моря, будучи отделена от него горным кряжем «Чанготыкалани».

По выходе из гор течение реки Квандагоу становится тихим и спокойным. Река блуждает от одного края долины к другому, рано начинает разбиваться на пороги и соединяется с рекой Амагу почти у самого моря.

Путь по реке Квандагоу показался мне очень длинным. Раза два мы отдыхали, потом опять шли в надежде, что вот-вот покажется море. Наконец лес начал редеть; тропа поднялась на невысокую сопку, и перед нами развернулась широкая и живописная долина реки Амагу со старообрядческой деревней по ту сторону реки. Мы покричали. Ребятишки подали нам лодку.

Наше долгое отсутствие вызвало у Мерзлякова тревогу. Стрелки хотели уже было идти нам навстречу, но их отговорили староверы.

Через несколько минут я сидел в избе за столом, пил молоко и слушал доклад А. И. Мерзлякова.

Весть о том, что я пришел на Амагу, быстро пронеслась по всей деревне. Староверы встретили меня очень приветливо. Пришлось принимать гостей и отвечать им тем же.

Следующие три дня были дневки. Мы отдыхали и собирались с силами. Каждый день я ходил к морю и осматривал ближайшие окрестности.

Старообрядческая деревня Амагу состояла из восемнадцати дворов.

К ним заходили японские суда и очень редко — русские. Поэтому все свои закупки жители делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем к заливу Ольги, совершая для того длительные путешествия. Средствами к жизни их были земледелие и соболевание. Соболей они ловили всеми способами: и китайским, и корейским, и туземным. Занимались также охотой на оленей, били лосей и ловили рыбу. Ни в одежде их, ни в домашней обстановке, ни в чем другом не было заметно роскоши, но тем не менее все указывало на то, что это — народ зажиточный. Особенно много у них было коней и рогатого скота. Я насчитал 82 лошади и 84 коровы.

Кроме старообрядцев, на Амагу жила еще одна семья удэхейцев, состоящая из старика-мужа, его жены и трех взрослых сыновей. К чести старообрядцев нужно сказать, что, придя на Амагу, они не стали притеснять туземцев, а, наоборот, помогли им и начали учить земледелию и скотоводству; удэхейцы научились говорить по-русски, завели лошадей, рогатый скот и построили баню.

На опушке лиственничного леса, что около болота, староверы часто находили неглубоко в земле бусы, серьги, браслеты, пуговицы, стрелы, копья и человеческие кости. Я осмотрел это место и нашел следы жилищ. На старинных морских картах при устье Амагу показаны многочисленные туземные юрты. Старик рассказывал мне, что лет тридцать тому назад здесь действительно жило много удэхейцев, но все они погибли от оспы.

4-го октября был отдан приказ приготовиться к походу. Теперь я хотел подняться по реке Амагу до истоков, затем перевалить через хребет Карту и по реке Кулумбе спуститься к берегу моря.

Староверы говорили мне, что обе упомянутые реки очень порожисты и в горах много осыпей. Они советовали оставить мулов у них в деревне и идти пешком с котомками. Тогда я решил отправиться в поход только с Дерсу. Чжан Бао и стрелок Фокин пойдут с нами два дня. Затем, пополнив от них запасы продовольствия, мы пойдем дальше, а они возвратятся обратно.

По моим расчетам, у нас должно было хватить продовольствия на две трети пути. Поэтому я условился с А. И. Мерзляковым, что он командирует удэхейца Сале с двумя стрелками к скале Ван-Син-лаза, где они должны будут положить продовольствие на видном месте. На следующий день, 5 октября, с тяжелыми котомками мы выступили в дорогу.

Река Амагу длиной около 50 верст. Начало она берет с хребта Карту и огибает его с западной стороны. Амагу течет сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу.

Едва заметная тропинка привела нас к тому месту, где река Дунанца впадает в Амагу. Это будет верстах в десяти от моря. Близ ее устья есть утес, который староверы по-китайски называют «лаза» [1] и производят

---

[1] «Лаза» по-китайски означает — скала, утес. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

от глагола «лазить». Действительно, через эту «лазу» приходится перелезать на животе, хватаясь руками за камни.

Пройдя еще с версту, мы стали биваком на галечниковой отмели.

До заката было еще более часа. Я воспользовался этим временем и пошел на охоту вверх по реке Дунанце.

Поднявшись на первую попавшуюся сопку, я сел на валежник и стал осматриваться. Отсюда сверху были видны долины рек Амагу, Кудяхе, Квандагоу и побережье моря.

Листопад был в полном разгаре. Лес с каждым днем все более и более принимал монотонно-серую, безжизненную окраску, знаменующую приближение зимы. Только дубняки сохранили еще листву, но и она пожелтела и от этого казалась еще печальнее. Кусты, лишенные пышных нарядов, стали удивительно похожи друг на друга. Черная, похолодевшая земля, прикрытая опавшей листвой, погружалась в крепкий сон; растения покорно, без протестов готовились к смерти.

Я так ушел в свои думы, что совершенно забыл, зачем пришел сюда в этот час сумерек. Вдруг сильный шум послышался позади меня. Я обернулся и увидел какое-то несуразное горбатое животное с белыми ногами. Вытянув вперед свою большую голову, оно рысью бежало по лесу. Я поднял ружье и стал целиться, но кто-то опередил меня. Раздался выстрел, и животное упало, сраженное пулей. Через минуту я увидел Дерсу, спускавшегося по кручам к тому месту, где упал зверь.

Убитое им животное оказалось лосем. Это был молодой самец лет трех. Длина зверя равнялась 2 метрам 2 сантиметрам; высота — 1 метру 70 сантиметрам. Общий вес около 14 пудов. Это на вид неуклюжее животное имеет мощную шею и большую вытянутую голову с толстой, загнутой книзу мордой. Шерсть длинная, блестящая, гладко прилегающая к телу; окраска темно-бурая, почти черная; ноги белесоватые. Лось — очень строгий зверь: достаточно один раз его побеспокоить, чтобы он надолго оставил облюбованное место. Спасаясь от преследования охотника, он идет рысью и никогда галопом. Лось очень любит купаться в болотистых озерках. Раненный, он убегает, но осенью становится очень злым и не только защищается, но и сам нападает на человека. При этом он подымается на задние ноги и, скрестив передние,

старается ими сбить врага и тогда топчет его с ожесточением.

По внешнему своему виду уссурийский лось мало чем отличается от своего европейского собрата, но зато рога его иные. Они вовсе не имеют лопастей и скорее похожи на изюбровые, чем на лосиные.

Дерсу принялся снимать шкуру и делить мясо на части. Неприятная картина, но тем не менее я не мог не любоваться работой своего приятеля. Он отлично владел ножом: ни одного лишнего пореза, ни одного лишнего движения. Видно, что рука у него на этом деле хорошо была набита.

Мы условились, что немного мяса возьмем с собой, Чжан Бао и Фокин примут меры доставить остальное староверам и для команды.

XIII
ВОДОПАД

Случай с тигром.— Запретное место.— Дерсу и ворона.— Водопад.— Жертвоприношение.— Хребет Карту.— Брусника.— Спуск в долину реки Кулумбе.— Забота о животных

Вечером, после ужина, зашел разговор об охоте. Говорил Дерсу, а мы его слушали. Жизнь этого человека была полна интереснейших приключений. Гольд рассказывал, как однажды, десять лет тому назад, он охотился за изюбрами в самый разгар пантовки. Дело было на реке Эрлдагоу (приток Даубихе), в самых ее истоках. Здесь в горах вода промыла длинные и глубокие овраги, крутые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел пантача, стрелял и ранил слабо. Изюбр упал было, но скоро оправился и побежал в лес. Гольд догнал его там, опять стрелял четыре раза, но все раны были не убойны, и изюбр уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой, и последний, раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал как раз у места их соединения, в воде, и только плечо, шея и голова его были на камнях. Раненое животное подымало голову и, видимо, кончало расчеты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбр подохнет. Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох. Тогда Дерсу подошел к нему, чтобы отрезать голову с пантами. Место было неудобное: у самой воды росла толстая ольха. Как ни приспособлялся Дерсу, он мог устроиться только в одном положении. Он опустился на правое колено, а левой ногой уперся в один из камней в ручье. Винтовку он забросил себе на спину и начал было

свежевать оленя. Не успел он два раза резануть ножом, как вдруг за шумом воды позади себя услышал шорох. Он хотел было оглянуться, но в это мгновение совсем рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел было наступить на камень, но оступился и попал лапой в воду. Гольд знал, что если он сделает хоть малейшее движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Но, однако, он чувствовал, что это неподвижное не пень и не камень, а что-то живое. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер тянул не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот он взобрался наверх. Тут он вдруг почуял запах человека. Шерсть на спине у него поднялась дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по телу. Тогда Дерсу громко закричал и пустился бежать по оврагу. Тигр бросился к оленю и стал его обнюхивать. Это и спасло Дерсу. Он выбрался из ущелья и бежал, долго бежал, как козуля, преследуемая волками.

Тогда он понял, что убитый им олень принадлежал не ему, а тигру. Вот почему он и не мог его убить, несмотря на то что стрелял шесть раз. Дерсу удивился, как он об этом не догадался сразу. С той поры он не ходил больше в эти овраги. Место это стало для него раз навсегда запретным. Он получил предупреждение...

После ужина я и стрелок Фокин улеглись спать, а гольд и Чжан Бао устроились в стороне. Они взяли на себя заботу об огне.

Ночью я проснулся. Вокруг луны было матовое пятно — верный признак, что утром будет мороз. Так оно и случилось: перед рассветом температура быстро понизилась и вода в лужах замерзла. Первыми проснулись Чжан Бао и Дерсу. Они подбросили дров в огонь, согрели чай и тогда только разбудили меня и Фокина.

Удивительные птицы — вороны. Как скоро они узнают, где есть мясо! Едва солнечные лучи озолотили вершины гор, как несколько их появилось уже около нашего бивака. Они громко перекликались между собою и перелетали с одного дерева на другое. Одна из ворон села очень близко от нас и стала каркать.

— Ишь, проклятая! Погоди, я тебя сейчас ссажу,— сказал стрелок Фокин и потянулся за винтовкой.

— Не надо, не надо стрелять,— остановил его Дерсу.— Его мешай нету. Ворона тоже хочу кушай. Его пришел

посмотри, люди есть или нет. Нельзя — его улетит. Наша ходи, его тогда на землю прыгай, чего-чего остался — кушай.

Как бы в подтверждение его слов, ворона снялась с дерева и улетела. Доводы эти Фокину показались убедительными; он положил ружье на место и уж больше не ругал ворон, хотя они подлетали к нему еще ближе, чем в первый раз.

С этого бивака мы расстались. Чжан Бао и стрелок Фокин вернулись назад, а мы с Дерсу пошли дальше.

Отсюда долина Амагу начала суживаться, и река сделалась порожистой; в горах появились осыпи и целые площади, обезлесенные пожарами, зато внизу, в долине, лес стал гуще; к лиственным породам примешалось много хвои.

Мы шли с Дерсу и говорили об охоте. Вдруг он сделал мне знак, чтобы я остановился. Мы стали слушать. Издали доносился какой-то шум, похожий не то на подземный гул, не то на отдаленные раскаты грома.

— Водопад,— сказал Дерсу и указал рукой на реку.

Я взглянул и увидел плывшую по воде пену.

Мы прибавили шагу и через полчаса действительно подошли к водопаду.

Из всех водопадов, которые мне приходилось видеть, Амагинский водопад был самым красивым. Представьте себе узкий коридор, верхние края которого немного загнуты внутрь так, что вода идет как бы в трубе. В одном месте труба эта обрывается. Здесь образовался водопад высотою в восемь метров. Однако верхние края коридора продолжаются и далее. Из этого можно заключить, что первоначально водопад был ниже по течению, и если бы удалось определить, насколько вода стирает ложе водопада в течение года, то можно было бы сказать, когда он начал свою работу, сколько ему лет и сколько еще осталось существовать на свете.

Я подошел к краю обрыва, и мне показалось, что от массы падающей воды порой содрогается земля.

В это время обоняние мое уловило запах дыма. Я обернулся и увидел Дерсу, разжигающего костер. Потом он начал развязывать котомку. Я думал, что он хочет остановиться на бивак, и стал убеждать его пройти еще немного. Гольд соглашался со мной, но продолжал развязывать котомку. Он достал из нее кусок сахару, две спички, ломтик хлеба и листочек табаку. Все это он взял в одну руку, в другую — маленький горящий уголек и что-то стал говорить. Лицо его было серьезно, глаза опущены в землю. Что имен-

но он говорил, я не мог расслышать за шумом водопада. Потом он подошел к обрыву и все бросил в воду.

— Что ты сделал? — спросил я его.

— Наша постоянно так,— отвечал он.— Его (он указал на водопад) все равно гром, черта гоняй.

Дерсу молча начал укладывать свою котомку. Желая показать ему, что я разделяю его мысли, я взял то, что первое мне попало под руку: кусочек сухой рыбы и большую головешку — и пошел к водопаду. Увидев, что я хочу бросить их в воду, Дерсу побежал ко мне, махая руками; вид у него был встревоженный. Я понял, что он меня останавливает.

— Не надо, не надо, капитан! — говорил он испуганно и торопливо.

Я отдал ему головешку и юколу. Он бросил головешку в огонь, а юколу — в лес. После этого он надел котомку, и мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать его, почему он не хотел, чтобы я бросил в воду огонь и рыбу. Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак можно бросать в воду, а рыбу — на землю. В воду можно бросать немного огня — только один уголек, но нельзя воду лить в огонь, также нельзя в воду бросать большую головешку. Иначе рассердятся огонь и вода. Тогда я твердо решил более не вмешиваться в дела такого рода, чтобы нам обоим, как он выразился, не было худо. Отойдя еще с полверсты, мы стали биваком.

Когда на другой день (7-го октября) я проснулся, Дерсу был уже на ногах. Должно быть, я спал очень долго, потому что котомка его была уже увязана и он терпеливо ожидал моего пробуждения.

— Отчего ты меня не разбудил? — спросил я его.

Он ответил, что сегодня мы пойдем на высокие горы и потому надо набраться побольше сил и выспаться как следует.

Перед выступлением я посмотрел на свой барометр: он показывал 458 метров. День обещал быть тихим и теплым. Прямо от бивака мы начали восхождение на хребет Карту, главная ось которого располагается от северо-востока к юго-западу. Чем выше мы поднимались, тем больше перед нами раскрывался горизонт. Кругом, насколько хватал глаз, нигде не было леса: нигде ни одного деревца, даже сухостойного. Чрезвычайно тоскливый вид имеют такие горы. С исчезновением лесов исчезло и подлесье, исчезли мхи, дожди смыли тонкий растительный слой земли и ого-

лили материковую почву. Куда ни посмотришь, всюду одна и та же однообразная тусклая картина: серые горы, серые утесы и серые осыпи. Хребет Карту — это безжизненная и безводная пустыня.

Когда мы взобрались наверх, я взглянул на часы: обе стрелки часов показывали полдень. Значит, за три с половиной часа мы успели «взять» только три вершины, а главный хребет был еще впереди.

Меня сильно мучила жажда. Вдруг я увидел бруснику; она была мороженая. Я начал ее есть с жадностью. Дерсу смотрел на меня с любопытством.

— Как его фамилия? — спросил он, держа на ладони несколько ягод.

— Брусника,— отвечал я.

— Тебе понимай,— спросил он опять,— его можно кушать?

— Можно,— отвечал я.— Разве ты не знаешь эту ягоду?

Дерсу ответил, что видел ее часто, но не знал, что она съедобна.

Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет. Подбирая ягоды, мы понемногу подвигались вперед и незаметно поднялись на вершину, высота которой равнялась 1290 метрам. Здесь мы впервые вступили в снег глубиною с полфута. Отсюда мы повернули к югу и стали взбираться на четвертую высоту. Этот подъем был особенно трудным. Мы часто глотали снег, чтобы утолить мучившую нас жажду.

Хребет Карту с восточной стороны очень крут, с западной — пологий. Здесь можно наблюдать, как происходит разрушение гор. Сверху все время сыплются мелкие камни; они постепенно засыпают долину, погребая под собою участки плодородной земли и молодую растительность. Таковы результаты лесных пожаров.

Как ни старались мы добраться в этот день до самой высокой горы, нам сделать этого не удалось. С закатом солнца должен опять подуть холодный северо-западный ветер. Пора было подумать о биваке. Поэтому мы спустились немного с гребня и стали искать место для ночлега на западном склоне. Теперь у нас были три заботы: первая — найти воду, вторая — найти топливо и третья — найти защиту от ветра. Нам посчастливилось найти все это сразу в одном месте. В версте от седловины виднелся кедровый стланец. Мы забрались в самую середину его и устроились даже с некоторым удобством. Снег заменил нам воду. Среди

живого стланца было много сушняку. Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь. С подветренной стороны мы натянули полотнище палатки, хвои наложили себе под бок, а сверху покрыли их козьими шкурками.

Ночь была лунная и холодная. Предположения Дерсу оправдались. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, сразу подул резкий холодный ветер. Он трепал ветви кедровых стланцев и раздувал пламя костра. Палатка парусила, и я очень боялся, чтобы ее не сорвало со стоек.

Полная луна ярко светила на землю; снег блестел и искрился. Голый хребет Карту имел теперь еще более пустынный вид.

Утомленные дневным переходом, мы недолго сидели у огня и рано легли спать.

Утром, когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, был туман. Скоро все разъяснилось — шел снег. Хорошо, что мы ориентировались вчера и потому сегодня с бивака могли сразу взять верное направление.

Напившись чаю с сухарями, мы опять стали подниматься на хребет Карту. Теперь нам предстояло взобраться на самую высокую сопку. Она видна с моря и названа моряками — «Амгунские гольцы». Потому ли, что мы были со свежими силами, или снег нас принуждал торопиться, но только на эту гору мы взошли довольно скоро. Высота ее равна 1660 метрам.

С Амгунских гольцов берет начало река Кулумбе; староверы измеряют ее в 45—50 верст. Течет она по кривой, так же, как и Амагу, но только в другую сторону, именно — к югу и юго-востоку.

Когда мы спустились до 1200 метров, снег сменился дождем, что было весьма неприятно, но делать нечего — приходилось терпеть.

Верст пять мы шли гарью и только тогда нашли живой лес. Это была узкая прибрежная полоса растительности, состоящей преимущественно из березы, пихты и лиственницы.

Часа в четыре дня дождь прекратился. Тяжелая завеса туч разорвалась, и мы увидели хребет Карту, весь покрытый снегом.

Вечером я записывал свои наблюдения, а Дерсу жарил на вертеле сохатину. Во время ужина я бросил кусочек мяса в костер. Увидев это, Дерсу поспешно вытащил его из огня и швырнул в сторону.

— Зачем бросаешь мясо в огонь? — спросил он меня недовольным тоном.— Как можно его напрасно жечь! На-

ша завтра уехали — сюда другой люди ходи — кушай. В огонь мясо бросай — его так пропади.

— Кто сюда другой придет? — спросил я его в свою очередь.

— Как кто? — удивился он.— Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет — мышь ходи, мышь нет — муравей ходи. В тайге много разный «люди» есть.

Мне стало ясно: Дерсу заботился не только о людях, но и о животных, хотя бы даже и о таких мелких, как муравей. Он любил тайгу с ее населением и всячески заботился о ней.

Разговор наш перешел на охоту, на браконьеров, на лесные пожары. Мы незаметно досидели с ним до полуночи. Наконец Дерсу начал дремать. Я закрыл свою тетрадь, завернулся в одеяло, лег поближе к огню и скоро заснул. Ночью сквозь сон я слышал, как он поправлял огонь и прикрывал меня своей палаткой.

XIV
ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРЕХОД

На рассвете.— Долина реки Кулумбе.— Броды.— Упадок сил.— Гололедица.— Лес, поваленный бурей.— Лихорадка.— Кошмар.— Голод.— Берег моря.— Ван-Син-лаза.— Разочарование.— Миноносец «Грозный».— Спасение.— Возвращение на Амагу.— Отъезд А. И. Мерзлякова

С рассветом опять ударил мороз: мокрая земля замерзла так, что хрустела под ногами. От реки подымался пар. Значит, температура воды была значительно выше температуры воздуха. Перед выступлением мы проверили свои продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось еще на двое суток. Это не особенно меня беспокоило. По моим соображениям, до моря было не особенно далеко, а там к скале Ван-Син-лаза продовольствие должны принести удэхеец Сале и стрелки.

За ночь обувь наша просохла. Когда солнышко взошло, мы с Дерсу оделись и бодро пошли вперед.

Более характерной денудационной долины, чем Кулумбе, я не видывал. Река, стесненная горами, все время извивается между утесами. Можно подумать, что горные хребты здесь старались на каждом шагу создать препятствие для воды, но последняя взяла верх и силою проложила себе дорогу.

По долине реки Кулумбе никакой тропы нет. Поэтому нам пришлось идти целиной. Не желая переходить реку вброд, мы пробовали было идти одним берегом, но скоро убедились, что это невозможно. Первая же скала принудила нас перейти на другую сторону реки. Я хотел было переобуваться, но Дерсу посоветовал идти в мокрой обуви и согреваться усиленной ходьбой. Не прошли мы и полуверсты, как пришлось снова переходить на правый берег

реки, потом на левый, затем опять на правый и т. д. Вода была холодная; голени сильно ломило, точно их сжимали в тисках.

По сторонам высились крутые горы; они обрывались в долину утесами. Обходить их было нельзя. Это отняло бы у нас много времени и затянуло бы путь лишних дня на четыре, что, при ограниченности наших запасов продовольствия, было совершенно нежелательно. Мы с Дерсу решили идти напрямик, в надежде, что за утесами будет открытая долина. Вскоре нам пришлось убедиться в противном: впереди опять были скалы, и опять пришлось переходить с одного берега на другой.

— Тьфу! — ворчал Дерсу.— Мы идем все равно как выдры. Маленько по берегу ходи, посмотри — вода есть — ныряй, потом опять на берег и опять ныряй...

Сравнение было весьма удачно. Выдры именно так и ходят.

Или мы привыкли к воде, или солнце пригрело нас, а может быть, то и другое вместе, только броды стали казаться не такими уже страшными и вода не такой холодной. Я перестал ругаться, а Дерсу перестал ворчать. Вместо прямой линии наш путь изображал из себя зигзаги. Так мы пробились до полудня, но под вечер попали в настоящее ущелье. Оно тянулось более чем на двести сажен. Пришлось идти прямо по руслу реки. Иногда мы взбирались на отмель и грелись на солнце, а затем снова опускались в воду. Наконец я почувствовал, что устал.

День кончился, и в воздухе стало холодеть. Тогда я предложил своему спутнику остановиться. В одном месте между утесами был плоский берег, куда водой нанесло много плавника. Мы взобрались на него и первым делом развели большой костер, а затем принялись готовить ужин.

Вечером я подсчитал броды. На протяжении пятнадцати верст мы сделали тридцать два брода, не считая сплошного хода по ущелью. Ночью небо опять затянуло тучами, а перед рассветом пошел дождь, мелкий и частый.

Утром мы встали раньше обыкновенного, поели немного, напились чаю и тронулись в путь.

Первые шесть верст мы шли больше по воде, чем по суше.

Наконец узкая и скалистая часть была пройдена. Горы как будто стали отходить в стороны. Я обрадовался, пола-

гая, что море недалеко, но Дерсу указал на какую-то птицу, которая, по его словам, живет только в глухих лесах вдали от моря. В справедливости его доводов я сейчас же убедился. Опять пошли броды, и чем дальше, тем глубже. Раза два мы разжигали костры, главным образом для того, чтобы погреться.

Часов в двенадцать дня мы были около большой скалы «Мафа», что по-удэхейски значит медведь. Действительно, своими формами она очень его напоминает и состоит из плотного песчаника с прослойками кварца и известкового шпата. У подножья ее шла свежепротоптанная тропа: она пересекала реку Кулумбе и направлялась на север.

Дерсу за скалой нашел бивак. По оставленным на нем следам он узнал, что здесь ночевал Мерзляков, когда шел с Такемы на Амагу.

Мы рассчитали, что если пойдем по тропе, то выйдем на реку Найну, к корейцам, а если пойдем прямо, то придем на берег моря, к скале Ван-Син-лаза. Путь на Найну нам был совершенно неизвестен, и к тому же мы совершенно не знали, сколько времени может занять этот переход. До моря же мы рассчитывали дойти если не сегодня, то, во всяком случае, завтра к полудню.

Закусив остатками мяса, мы пошли далее. Часа в два дня мелкий дождь превратился в ливень. Это заставило нас остановиться раньше времени и искать спасения в палатке. Я страшно прозяб, руки мои закоченели, пальцы не гнулись, зубы выбивали дробь. Дрова, как на грех, попались сырые и плохо горели. Наконец все было налажено. Тогда мы принялись сушить свою одежду. Я чувствовал упадок сил и озноб. Дерсу достал из котомки последние хлебные крошки и советовал поесть. Но мне было не до еды. Напившись чаю, я лег к огню, но никак не мог согреться.

Часов в одиннадцать вечера дождь прекратился, но изморось продолжала падать на землю.

Дерсу ночью не спал и все время поддерживал костер.

Часа в три утра в природе совершилось что-то необычайное. Небо вдруг сразу очистилось. Началось такое быстрое понижение температуры воздуха, что дождевая вода, не успевшая стечь с ветвей деревьев, замерзла на них в виде сосулек. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребренная лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к празднику. Солнце взошло холодное, багровое...

Утром я встал с головной болью. По-прежнему чувствовался озноб и ломота в костях. Дерсу тоже жаловался на упадок сил. Есть было нечего, да и не хотелось. Мы выпили немного горячей воды и пошли в путь.

Скоро нам опять пришлось лезть в воду. Сегодня она показалась мне особенно холодной. Выйдя на противоположный берег, мы долго не могли согреться. Но вот солнышко поднялось из-за гор, и под его живительными лучами начал согреваться озябший воздух.

Как ни старались мы избежать бродов, нам не удалось от них отделаться. Но все же заметно было, что они становились реже. Верст через пять река разбилась на протоки, между которыми образовались острова, густо. поросшие тальниками. Тут было много рябчиков. Мы стреляли, но ни одного не могли убить: руки дрожали и не было сил прицелиться как следует. Понуро мы шли друг за другом и почти не говорили между собой.

Вдруг впереди показался какой-то просвет. Я думал, что это море. Но большое разочарование ждало нас, когда мы подошли поближе. Весь лес лежал на земле. Он был повален бурею в прошлом году. Это была та самая пурга, которая захватила нас 20, 21 и 22 октября при перевале через Сихотэ-Алинь. Очевидно, центр тайфуна прошел именно здесь.

Надо было или обойти бурелом стороной или идти по островам среди тальников. Не зная, какой длины и ширины будет площадь поваленного леса, мы предпочли последнее. Река сплошь была занесена плавником, и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой. Такой сплошной завал тянулся верст пять, если не больше. Наше движение было довольно медленное. Мы часто останавливались и отдыхали. Но вот завалы кончились, и опять началась вода. Я насчитал еще 23 брода, затем сбился со счета и шел без разбора.

После полудня мы еле-еле тащили ноги. Я чувствовал себя совершенно разбитым; Дерсу тоже был болен. Один раз мы видели кабана, но нам было не до охоты. Сегодня мы рано стали на бивак.

Здесь я окончательно свалился с ног; меня трясла сильная лихорадка, и почему-то опухли лицо, ноги и руки. Дерсу весь вечер работал один. Потом я впал в забытье. Мне все время грезилась какая-то тоненькая паутина. Она извивалась вокруг меня и постепенно становилась все толще и толще и наконец принимала чудовищные размеры. Мне казалось, что горный хребет Карту двигается с ужаса-

ющей быстротой и давит меня своей тяжестью. В ужасе я вскакивал и кричал. Хребет Карту сразу пропадал, и вместо него опять появлялась паутина, и опять она начинала увеличиваться, приобретая в то же время быстрое вращательное движение. Смутно я чувствовал у себя на голове холодную воду.

Сколько продолжалось такое состояние — не знаю. Когда я пришел в себя, то увидел, что покрыт курткой гольда.

Был вечер, на небе блестели яркие звезды. У огня сидел Дерсу; вид у него был изнуренный, усталый.

Оказалось, что в бреду я провалялся около десяти часов. Дерсу за это время не ложился спать и ухаживал за мной. Он клал мне на голову мокрую тряпку, а ноги грел у костра.

Я попросил пить. Дерсу подал мне отвар какой-то травы противного сладковатого вкуса. Дерсу настаивал, чтобы я выпил его как можно больше. Затем мы легли спать вместе и, покрывшись одной палаткой, оба уснули.

Следующий день был 13 октября. Сон немного подкрепил Дерсу, но я чувствовал себя совершенно разбитым. Однако дневать здесь было нельзя. Продовольствия у нас не было ни одной крошки. Через силу, с трудом, мы поднялись и пошли дальше вниз по реке.

Долина становилась все шире и шире. Бурелом и гарь остались позади; вместо ели, кедра и пихты чаще стали попадаться березняки, тальники и лиственницы, имеющие вид строевых деревьев.

Я шел как пьяный. Дерсу тоже перемогал себя и еле-еле волочил ноги. Заметив впереди, с левой стороны, высокие утесы, мы заблаговременно перешли на правый берег реки. Здесь Кулумбе сразу разбилась на восемь рукавов. Это в значительной степени облегчило нашу переправу. Дерсу всячески старался меня подбодрить. Иногда он принимался шутить, но по его лицу я видел, что он тоже страдает.

— Каза, каза! (то есть чайка) — закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе.— Море далеко нету!

И как бы в подтверждение его слов из-за поворота с левой стороны выглянула скала Янтун-лаза — та самая скала, которую мы видели около устья Кулумбе, когда шли с реки Такемы на Амагу. Надежда на то, что близок конец нашим страданиям, придала мне силы. Но теперь опять предстояло переправляться на левый берег Кулумбе, которая текла здесь одним руслом и имела быстрое течение. Поперек реки лежала длинная лиственница. Она сильно

качалась. Эта переправа отняла у нас много времени. Дерсу сначала перенес через реку ружья и котомки, а затем помог переправиться мне.

Еще верста — и мы подошли к скале Янтун-лаза. Тут на опушке дубовой рощи мы долго отдыхали. До моря оставалось еще версты полторы. Долина здесь делает крутой поворот к юго-востоку. Собрав остаток сил, мы поплелись дальше. Скоро дубняки стали редеть, и вот перед нами сверкнуло море.

Наш трудный путь был кончен. Сюда стрелки должны были доставить продовольствие. Здесь мы могли оставаться на месте до тех пор, пока окончательно не выздоровеем.

В шесть часов пополудни мы подошли к скале Ван-Син-лаза. Еще более горькое разочарование ждало нас здесь: продовольствия не было. Мы обшарили все уголки, засматривали за бурелом, за большие камни, но нигде ничего не нашли. Оставалась еще одна надежда: быть может, стрелки оставили продовольствие по ту сторону скалы Ван-Син-лаза. Гольд вызвался слазить туда. Поднявшись на ее гребень, он увидел, что карниз, по которому идет тропа, покрыт льдом. Дерсу не решился идти дальше. Сверху он осмотрел весь берег и ничего там не заметил. Спустившись назад, он сообщил мне эту печальную весть и сейчас же постарался утешить.

— Ничего, капитан,— сказал он.— Около моря можно всегда найти кушать.

Потом мы пошли к берегу и отворотили один камень. Из-под него выбежало множество мелких крабов. Они бросились врассыпную и проворно спрятались под другие камни. Мы стали ловить их руками и скоро собрали десятка два. Тут же мы нашли еще двух протомоллюсков и около сотни раковин-береговичков. После этого мы выбрали место для бивака и развели большой огонь. Протомоллюсков и береговичков мы съели сырыми, а крабов сварили. Правда, это дало нам не много, но все же первые приступы голода были утолены.

Лихорадка моя прошла, но слабость еще осталась. Дерсу хотел завтра рано утром сбегать на охоту и потому лег спать пораньше. Я долго еще сидел у огня и грелся.

Ночь была ясная и холодная. Звезды ярко горели на небе, мерцание их отражалось в воде. Кругом было тихо и безлюдно; не было слышно даже всплесков прибоя. Красный полумесяц взошел поздно и задумчиво глядел на уснувшую землю. Высокие горы, беспредельный океан и глубокое темно-синее небо — все это слилось теперь

в одну общую мировую гармонию. Все было так величественно, грандиозно. Шепот Дерсу вывел меня из задумчивости — он о чем-то бредил во сне.

Утомленный тяжелой дорогой, измученный лихорадкой, я лег рядом с ним и уснул.

Чуть брезжилось... Сумрак ночи еще боролся с рассветом, но уже видно было, что он не в силах остановить занимавшейся зари. Неясным светом освещала она тихое море и пустынный берег.

Наш костер почти совсем угас. Я разбудил Дерсу, и мы оба принялись раздувать угли. В это время до слуха моего донеслись два каких-то отрывистых звука, похожие на вой.

— Это изюбр ревет,— сказал я своему приятелю.— Иди поскорей; быть может, ты убьешь его.

Дерсу стал молча собираться, но затем остановился, подумал немного и сказал:

— Нет, это не изюбр. Теперь его кричи не могу.

В это время звуки опять повторились, и мы ясно разобрали, что исходят они со стороны моря. Они показались мне знакомыми, но я никак не мог припомнить, где раньше их слышал.

Я сидел у огня спиной к морю, а Дерсу против меня.

Вдруг он вскочил на ноги и, протянув руку, сказал:

— Смотри, капитан!

Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.

Точно сговорившись, мы сделали в воздух два выстрела, затем бросились к огню и стали бросать в него водоросли. От костра поднялся белый дым. «Грозный» издал несколько пронзительных свистков и повернул в нашу сторону. Нас заметили... Сразу точно гора свалилась с плеч. Мы оба повеселели.

Через несколько минут мы были на борту миноносца, где нас радушно встретил П. Г. Тигерстедт. Оказалось, что, возвращаясь с Шантарских островов, он зашел на Амагу и здесь узнал от А. И. Мерзлякова, что я ушел в горы и должен выйти к морю где-нибудь около реки Кулумбе. Староверы ему рассказали, что удэхеец Сале и двое стрелков должны были доставить к скале Ван-Син-лаза продовольствие, но по пути, во время бури, лодку их разбило о камни, и все то, что они везли с собой, утонуло. Они сейчас же вернулись обратно на Амагу, чтобы с новыми запасами продовольствия пойти вторично нам навстречу. Тогда П. Г. Тигерстедт решил идти на поиски. Ночью он дошел до Такемы и повернул обратно, а на рассвете подо-

шел к реке Кулумбе, подавая сиреной сигналы, которые я и принял за рев изюбра.

П. Г. Тигерстедт взялся доставить меня к отряду. За столом, обильным яствами, и за стаканом чая мы и не заметили, как дошли до Амагу.

Здесь А. И. Мерзляков, ссылаясь на ревматизм, стал просить позволения уехать в г. Владивосток на миноносце «Грозном», на что я охотно согласился. Я отпустил вместе с ним еще двух стрелков [1] и велел ему с запасами продовольствия и с теплой одеждой выйти навстречу мне по реке Бикину.

Через час «Грозный» стал сниматься с якоря.

Мое прощание с П. Г. Тигерстедтом и с А. Н. Пеллем носило дружеский характер. Стоя на берегу, я увидел на мостике миноносца командира судна. Он посылал мне приветствия, махая фуражкой. Когда «Грозный» отошел настолько далеко, что нельзя уже было разобрать на нем людей, я вернулся в старообрядческую деревню.

Теперь в отряде осталось только семь человек: я, Дерсу, Чжан Бао, Захаров, Аринин, Туртыгин и Сабитов. Стрелки не пожелали возвращаться во Владивосток и добровольно остались со мной до конца экспедиции. Это были самые преданные и самые лучшие люди из всего отряда.

---

[1] Дьякова и Фокина. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

XV
НИЗОВЬЯ РЕКИ КУСУНА

Зыбучий песок.— Летающие куры.— Туземцы на реке Кусуне.— Священное дерево.— Жилище шамана.— Морской старшина.— Расставание с Чжан Бао.— Выступление

Следующие пять дней я отдыхал и готовился к походу на север, вдоль берега моря.

Приближалась зима. Голые скелеты деревьев имели безжизненный вид. Красивая летняя листва их, теперь пожелтевшая и побуревшая, в виде мусора валялась на земле.

Куда девались те красочно-разнообразные тона, которыми ранней осенью так богата растительность в Уссурийском крае? В лесу и на лугах, в море и на гребнях скалистых гор — словом, всюду, куда бы ни падал взор, можно было видеть покорность судьбе и невыразимую на человеческом языке скорбь о потерянном.

Кормить мулов становилось все труднее и труднее, и я решил оставить их до весны у староверов.

20-го октября утром мы тронулись в путь. Старообрядец Нефед Черепанов вызвался проводить нас до реки Соена.

Когда мы подошли к реке, было уже около двух часов пополудни. Со стороны моря дул сильный ветер. Волны с шумом бились о берег и с пеной разбегались по песку. От реки в море тянулась отмель. Я без опаски пошел по ней и вдруг почувствовал тяжесть в ногах. Хотел было я отступить назад, но к ужасу своему почувствовал, что не могу двинуться с места. Я медленно погружался в воду...

— Зыбучий песок,— закричал я не своим голосом и уперся ружьем в землю, но и его стало засасывать.

Стрелки не поняли, в чем дело, и в недоумении смотрели на мои движения. Но в это время подошли Дерсу и Чжан Бао. Они бросились ко мне на помощь: Дерсу протянул сошки, а Чжан Бао стал бросать мне под ноги плавник. Ухватившись рукой за валежину, я высвободил сначала одну ногу, потом другую и не без труда выбрался на твердую землю.

Зыбуны на берегу моря, по словам Черепанова и Чжан Бао, явление довольно обычное. Морской прибой взрыхляет песок и делает его опасным для пешеходов. Когда же волнение успокаивается, тогда по нем свободно может пройти не только человек, но и лошадь с полным вьюком. Делать нечего, пришлось остановиться и в буквальном смысле ждать у моря погоды.

Ночью море успокоилось. Черепанов сказал правду: утром песок уплотнился так, что на нем даже не оставалось следов ног.

Верстах в десяти от реки Соена тропа оставляет берег и через небольшой перевал выходит на реку Витухе — первый правый приток Кусуна. Она длиной около 18 верст, течет вдоль берега в направлении с юго-запада к северо-востоку и по пути принимает в себя один только безыменный ключик. Окрестные горы покрыты березняком, порослью дуба и сибирской пихтой.

За перевалом тропа идет по болотистой долине реки Витухе. По пути она пересекает четыре сильно заболоченных распадка, поросших редкой лиственницей. На сухих местах царят дуб, липа и черная береза с подлесьем из таволги вперемежку с даурской калиной. Тропинка привела нас к краю высокого обрыва. Это была древняя речная терраса. Редколесье и кустарники исчезли, и перед нами развернулась широкая долина реки Кусуна. Приблизительно в одной версте впереди виднелись китайские фанзы.

Когда после долгого пути вдруг перед глазами появляются жилые постройки, люди, лошади и собаки начинают идти бодрее.

Спустившись с террасы, мы прибавили шагу. Собака моя бежала впереди и старательно осматривала кусты по сторонам дороги. Вскоре мы подошли к полям; хлеб был уже убран и сложен в зароды. Вдруг Альпа сделала стойку. «Неужели фазаны?» — подумал я и приготовил ружье.

Я заметил, что Альпа была в сильном смущении: она часто оглядывалась назад, как будто спрашивая, продол-

жать ей работу или нет. Я подал знак; она осторожно двинулась вперед, усиленно нюхая воздух. По стойкам ее я видел, что тут были не фазаны, а кто-то другой. Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжелый, они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил за ними глазами и видел, что они спустились во дворе ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры. Так как туземцы их не кормят, то они вынуждены сами добывать себе корм на полях. Для этого им приходится уходить далеко от жилищ. Очевидно, способность летать развилась у них постепенно, вследствие постоянного упражнения. Будучи испуганы какими-либо мелкими животными, они должны были спасаться не только бегством, но и при помощи крыльев.

Куры и тропа привели нас к фанзе старика-удэхейца Люрл. Вся семья состояла из пяти мужчин и четырех женщин.

Туземцы на реке Кусуне сами огородничеством не занимаются, а нанимают для этого китайцев. Одеваются они наполовину по-китайски, наполовину по-своему, говорят по-манзовски и только в том случае, если хотят посекретничать между собой, говорят на родном языке. Женские костюмы отличаются пестротой вышивок, а на груди, подоле и рукавах украшаются еще светлыми пуговицами, мелкими раковинами, бубенчиками и разными медными побрякушками, отчего всякое движение обладательницы костюма сопровождается шелестящим звоном.

Мне очень хотелось поближе познакомиться с кусунскими удэхейцами. Поэтому я, несмотря на усиленные приглашения китайцев, остановился у туземцев. Мне скоро удалось заручиться их доверием; они охотно отвечали на мои вопросы и всячески старались услужить. Особенно же они ухаживали за Дерсу.

Лет сорок тому назад удэхейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от реки Кусуна до залива Ольги, от дыма, который поднимался из их юрт, из белых становились черными.

Здешние туземцы находятся в переходном состоянии от охотничьего образа жизни к земледельческому. Вследствие отдаленности влияние китайцев сказалось на них неглубоко. Поэтому здесь мне удалось увидеть много того, чего нет на юге Уссурийского края. Так, например, в одном месте,

около глубокого пруда, стояло фигурное дерево «Тхун». Оно все было покрыто резьбою, а на главных ветвях его были укреплены идолы, изображающие людей, птиц и животных. Это место запретное: здесь обитает злой дух «Огзо».

В версте от фигурного дерева находилось жилище шамана. Я сразу узнал его по обстановке. Около тропы стояло четыре кола с грубыми изображениями человеческих лиц. Это — «цзайгда», охраняющие дорогу. Они на головах имеют ножи, которыми и поражают черта. На деревьях красовались медвежьи черепа и деревянные бурханы. Тут же стояли древесные пни, вкопанные в землю острыми концами и корнями кверху. На них тоже были сделаны грубые изображения человеческих лиц. Против самого входа в жилище стоял большой деревянный идол «Мангани-Севохи», с мечом и копьем в руках, а рядом с ним — две оголенные от сучьев лиственницы с корой, снятой кольцами.

От старика Люрл я узнал, что в прибрежном районе Кусун будет самой южной рекой, по которой можно перевалить на Бикин, а самой северной — река Един (мыс Гладкий). По этой последней можно выйти и на Бикин и на Хор, смотря по тому, по которому из двух верхних притоков идти к перевалу. Он также сообщил мне, что в прибрежном районе Зауссурийского края осень всегда длинная и рекостав наступает на месяц, а иногда и на полтора месяца позже, чем к западу от водораздела. Поэтому я решил идти по берегу моря до тех пор, пока не станут реки, и только тогда направиться к Сихотэ-Алиню.

В заводях Кусуна мы застали старого лодочника, маньчжура Хей Ба-тоу, что в переводе значит «морской старшина». Это был опытный мореход, плававший по Японскому морю с малых лет. Отец его занимался морскими промыслами и с детства приучал сына к морю. Раньше он плавал у берегов Южно-Уссурийского края, но в последние годы перекочевал на север.

Хей Ба-тоу хотел еще один раз сходить на реку Самаргу и затем вернуться обратно. Чжан Бао уговорил его сопровождать нас вдоль берега моря. Решено было, что завтра удэхейцы доставят нам вещи к устью Кусуна и с вечера перегрузят их в лодку Хей Ба-тоу.

Утром на другой день я поднялся рано и тотчас же стал собираться в дорогу. Я по опыту знал, что если туземцев не торопить, то они долго не соберутся. Так и случилось.

Удэхейцы сперва починяли обувь, потом исправляли лодки, и выступить нам удалось только около полудня.

На Кусуне нам пришлось расстаться с Чжан Бао. Обстоятельства требовали его возвращения на реку Санхобе. Он не хотел взять с меня денег и обещал помочь, если на будущий год я снова приду в прибрежный район. Мы пожали друг другу руки и разошлись. Я пошел на запад, а он к югу. Переправившись через Кусун, мы поднялись на террасу и направились к реке Тахобе, находящейся от реки Кусуна в семи верстах.

Утром был довольно сильный мороз (— 10 °C), но с восходом солнца температура стала повышаться и к часу дня достигла +3 °C. Осень на берегу моря именно тем и отличается, что днем настолько тепло, что смело можно идти в одних рубашках, к вечеру приходится одевать фуфайки, а ночью — уже завертываться в меховые одеяла. Поэтому я распорядился всю теплую одежду отправить морем на лодке, а с собой мы несли только дневной запас продовольствия и оружие. Хей Ба-тоу с лодкой должен был прийти к устью реки Тахобе и там нас ожидать.

XVI
СОЛОНЫ

Река Тахобе.— Обиженная белка.— Обиталище черта.— Гроза со снегом.— Агды.— Лакомство солона.— Стойкость туземцев к холоду.— Лоси.— Возвращение к морю

В низовьях долина Тахобе покрыта редколесьем из вяза, липы, дуба и черной березы. Места открытые, чистые и годные для поселений находятся немного выше, верстах в двух от моря. Тут мы нашли маленькую фанзочку. Обитателей ее я принял сначала за удэхейцев и только вечером узнал, что это были солоны.

Наши новые знакомые по внешнему своему виду мало чем отличались от уссурийских туземцев. Они показались мне как будто немного ниже ростом и шире в костях. Кроме того, они более подвижны и более экспансивны. Говорили они по-китайски и затем на каком-то наречии, составляющем смесь солонского языка с гольдским. Одежда их тоже ничем не отличалась от удэхейской, разве только меньше было пестроты и орнаментов.

Вся семья солонов состояла из десяти человек: старика-отца, двух взрослых сыновей с женами и пятерых малых детей.

Как попали они сюда из Маньчжурии?

Из расспросов выяснилось следующее:

Раньше они жили на реке Сунгари, откуда ради охоты переселились на реку Хор, впадающую в Уссури. Когда там появились многочисленные шайки хунхузов, китайское правительство выслало против них свои войска. Семья солонов попала в положение между двух огней: с одной стороны на них нападали хунхузы, а с другой — правительственные войска избивали всех без разбора. Тогда

солоны бежали на Бикин, затем перекочевали через Сихотэ-Алинь и остались на берегу моря.

Следующие четыре дня были посвящены осмотру рек Тахобе и Кумуху.

Сопровождать нас вызвался младший из солонов, Дацарл. Это был молодой человек крепкого телосложения, без усов и бороды. Он держал себя гордо и свысока посматривал на стрелков. Я невольно обратил внимание на легкость его походки, ловкость и изящество движений.

23-го октября утром мы выступили в поход.

Река Тахобе длиной около 60-ти верст и имеет течение с запада на восток с небольшим склонением к югу.

24-го числа мы дошли до реки Бали, а 25-го стали подходить к водоразделу.

Мы шли по левому берегу реки. Я, Дерсу и Дацарл впереди, а Захаров и Аринин — шагах в пятидесяти сзади.

Вдруг впереди на валежнике показалась белка. Она сидела на задних лапках и, заложив хвостик за спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда сверху она с любопытством посматривала на людей. Солон тихонько подкрался к кедру, крикнул и изо всей силы ударил по стволу палкой. Белка испугалась, выронила свою добычу и забралась еще выше. Этого только и надо было солону. Он поднял шишку и, нимало не обращая внимания на обиженного зверька, пошел дальше. Белка прыгала с ветки на ветку и фырканьем выражала свое неудовольствие за грабеж среди бела дня. Мы от души смеялись. Дерсу способа этого не знал и в будущем для добычи орехов решил тоже применять солонские приемы.

— Тебе сердись не надо,— сказал он, обращаясь с утешениями к белке.— Наша внизу ходи, как орехи найди! Тебе туда смотри — там много орехов есть.

Он указал рукой на большой кедр; белка словно поняла его и направилась в ту сторону.

Кстати два слова о белке. Этот представитель грызунов имеет удлиненное тело и длинный пушистый хвост. Небольшая красивая головка ее украшена большими черными глазами и небольшими закругленными ушами, оканчивающимися пучком длинных черных волос, расположенных веерообразно. Общая окраска белки пепельно-серая, хвост и голова черные, брюшко белое. Изредка встречаются отдельные экземпляры с желтыми подпалинами.

Белка — животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому — изобилует ли избранный ею для поселения район пищей. Она заблаговременно усматривает, в чем будет недород и в чем избыток, и заранее перекочевывает то в дубняки, то в кедровники или лиственные леса с подлесьем из орешника. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда пробежаться по дереву. Она, можно сказать, положительно не выносит покоя и только в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. Чуть свет — белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, пища и воздух.

Лет двадцать тому назад беличья шкурка стоила 20 копеек. По мере спроса на беличий мех цена на него возрастала и ныне достигла 1 руб. 50 коп.— 2 руб. за штуку.

Главными врагами белки являются куницы, соболь и человек.

Весь день в воздухе стояла мгла; небо было затянуто паутиной слоисто-перистых облаков; вокруг солнца появились «венцы»; они суживались все более и более и наконец слились в одно матовое пятно. В лесу было тихо, а по вершинам деревьев уже разгуливал ветер.

Это, видимо, беспокоило Дерсу и солона. Они что-то говорили друг другу и часто поглядывали на небо.

— Плохо,— сказал я,— ветер начинает дуть с юга.

— Нет,— протянул Дерсу.— Его так ходи.— И он указал на северо-восток.

Мне показалось, что он ошибся, и я начал было возражать.

— Посмотри на птицу,— воскликнул Дерсу.— Видишь, она на ветер смотрит.

Действительно, на одной из елей сидела ворона головой к северо-востоку. Это было самое выгодное для нее положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком или задом к ветру, то холодный воздух проникал бы под перо, и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось, и температура воздуха повысилась с +2 до +10 градусов С. Это был тоже неблагоприятный признак. На всякий случай мы прочно поставили палатки и натаскали побольше дров. Но опасения наши оказались напрасными. Ночь прошла благополучно.

Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на небо. Тучи на нем лежали параллельными полосами в направлении с севера к югу.

Мешкать нельзя было. Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по реке Тахобе.

Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появилась густая мгла. Горы сделались темно-синими и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошел снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь ее можно было далеко проследить среди зарослей и бурелома. Ветер сделался резким, порывистым.

Надо было становиться на бивак. Недалеко от реки с правой стороны высилась одинокая скала, похожая на развалины замка с башнями по углам. У подножия ее рос мелкий березняк. Место это мне показалось удобным, и я подал знак к остановке.

Стрелки принялись таскать дрова, а солон пошел в лес за «сошками» для палатки. Через минуту я увидел его бегущим назад. Отойдя от скалы шагов сто, он остановился и посмотрел наверх, потом отбежал еще немного и, возвратившись на бивак, что-то тревожно стал рассказывать Дерсу. Гольд тоже посмотрел на скалу, плюнул и бросил топор на землю.

После этого оба они пришли ко мне и стали просить, чтобы я переменил место бивака. На вопрос, какая тому причина, солон сказал, что, когда под утесом он стал рубить дерево, сверху в него черт два раза бросил камнями. Дерсу и солон так убедительно просили меня уйти отсюда и на лицах у них написано было столько тревоги, что я уступил им и приказал перенести палатки вниз по реке, сажен на двести. Тут мы нашли место еще более удобное, чем первое.

Дружно все принялись за работу, натаскали дров и развели большие костры. Дерсу и солон долго трудились над устройством какой-то изгороди. Они рубили деревья, втыкали их в землю и подпирали сошками. На изгородь они не пожалели даже своих одеял.

На задаваемые вопросы Дерсу объяснил мне, что изгородь эту они сделали для того, чтобы черт со скалы не мог видеть, что делается на биваке. Мне стало смешно, но я не выказывал этого, чтобы не обидеть своего приятеля.

Мои стрелки расположились рядом и мало думали о том, смотрит на них черт с сопки или нет. Они больше интересовались ужином.

Вечером непогода усилилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем.

Часов в 11 вечера вдруг повалил густой снег, и вслед за тем что-то сверкнуло в небе.

— Молния,— воскликнули стрелки в один голос.

Не успел я им ответить, как послышался резкий удар грома.

Эта гроза со снегом продолжалась до двух часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было темное, и только при вспышках молнии можно было рассмотреть тяжелые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум — произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон. Он решил, что черт сердится и ломает сопку. Он развел еще один огонь и спрятался за изгородь. Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: черт на скале, бросавший камни, гроза со снегом и обвал в горах — все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули [1] черта гоняй,— сказал он довольным голосом и затем что-то оживленно стал говорить солону.

После этого гроза стала удаляться, но молнии еще долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчетливо можно было рассмотреть контуры отдаленных гор и тяжелые дождевые тучи, сыпавшие дождем вперемешку со снегом.

Издали долго еще доносились глухие раскаты грома, от которых вздрагивали земля и воздух.

Напившись чаю, стрелки легли спать, а я долго еще сидел с Дерсу у огня и расспрашивал о чертях и о грозе со снегом. Он мне охотно отвечал.

---

[1] Божество, которое, по мнению туземцев, живет так далеко, что почти никогда не сходит к людям. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

— Гром — это Агды. Когда черт долго держится в одном месте, то бог Эндули посылает грозу, и Агды гонит черта. Значит, там, где разразилась гроза, был черт. После ухода черта (то есть после грозы) кругом воцаряется спокойствие: животные, птицы, рыбы, травы и насекомые тоже понимают, что черт ушел, и становятся жизнерадостными, веселыми...

О грозе со снегом он сказал, что раньше гром и молния были только летом, зимние же грозы принесли с собой русские. Эта гроза была третья, которую он помнил за всю свою жизнь.

За разговором незаметно прошло время.

Начинался рассвет... Из темноты стали выступать сопки, покрытые лесом, «Чертова скала» и кусты, склонившиеся над рекою. Все предвещало пасмурную погоду... Но вдруг неожиданно на востоке позади гор появилась багровая заря, окрасившая в пурпур хмурое небо. В этом золотисто-розовом сиянии отчетливо стал виден каждый куст и каждый сучок на дереве.

Я смотрел как очарованный на световую игру лучей восходящего солнца...

— Ну, старина, пора и нам соснуть часок,— обратился я к своему спутнику, но Дерсу уже спал, прислонившись к валежине, лежащей на земле около костра.

На другой день мы все проспали и встали очень поздно.

По небу все еще ползли тучи, но они не имели уже такого страшного вида, как ночью.

Закусив немного и напившись чаю, мы пошли опять вверх по реке Тахобе, которая должна была привести нас к Сихотэ-Алиню.

От места нашего бивака до водораздела был еще один перевал.

В сумерки мы дошли до водораздела и стали биваком недалеко от перевала.

К вечеру небо очистилось от туч, и ночь обещала быть холодной. Я понадеялся на одеяло и лег в стороне от огня, уступив свое место солону, у которого одежонка была очень плохая. Часа в три утра я проснулся оттого, что озяб. Как ни старался я укрыться поплотнее, ничего не помогало: холодный воздух находил себе лазейку и сквозил то в плечо, то в ноги. Пришлось встать.

Кругом было темно; огонь наш погас. Я собрал тлеющие головешки и стал их раздувать. Через минуту вспыхнуло пламя, и кругом все стало видно. Захаров и Аринин лежали под защитой палатки, а Дерсу спал сидя, одетый.

Собирая дрова, я увидел совсем в стороне, далеко от костра, спящего солона. Ни одеяла, ни теплой одежды у него не было. Он лежал на ельнике, покрывшись только одним своим матерчатым кафтаном. Опасаясь, как бы он не простудился, я стал трясти его за плечо, но солон спал так крепко, что я насилу его добудился. Дацарл поднялся, почесал голову, зевнул, затем лег опять на прежнее место и громко захрапел.

Я погрелся немного у огня, затем полез к стрелкам в палатку и тогда хорошо заснул.

На другое утро мы все поднялись очень рано. Взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу, и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной белки, остатков лепешки, испеченной в золе, и кружки горячего чая.

Когда мы выступили в путь, солнышко только что всходило. Светлое и лучезарное, оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Перейдя через них, мы вышли на реку Кумуху, названную русскими рекой Кузнецова. Она берет начало с хребта Сихотэ-Алинь, течет в широтном направлении и в море впадает около мыса Олимпиады.

Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь. В сущности, дойдя до моря, мы ничего не выигрывали. От устья Кумуху мы опять пойдем по какой-нибудь реке в горы; так же будем устраивать биваки, ставить палатки и таскать дрова на ночь; но все же в конце намеченного маршрута всегда есть что-то особенно привлекательное. Поэтому все рано легли спать, чтобы пораньше встать.

На другой день, чуть только заалел восток, все поднялись, как по команде, и стали собираться в дорогу. Я взял полотенце и пошел к реке мыться.

Природа находилась еще в том состоянии покоя, когда все дремлет и наслаждается предрассветным отдыхом. От реки подымались густые испарения; на землю пала обильная роса... Но вот слабый утренний ветерок пробежал по лесу. Туман тотчас пришел в движение, и показался противоположный берег. На биваке стало тихо — люди начали подкреплять себя пищей. Вдруг до слуха моего донеслось бренчание гальки: кто-то шел по камням. Я оглянулся и увидел две тени — одну высокую, другую — пониже. Это были лоси — самка и годовалый телок. Они подошли к реке и начали жадно пить воду. Самка мотнула головой и стала зубами чесать свой бок. Я любовался животными и боялся,

чтобы их не заметили стрелки. Вдруг самка почуяла опасность и, насторожив свои большие уши, внимательно стала смотреть в нашу сторону. Вода капала у ней с губ, и от этого расходились круги по спокойной поверхности реки. Лосиха встрепенулась, издала хриплый крик и бросилась к лесу. В это мгновение потянул ветерок, и снова противоположный берег утонул в тумане. Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я очень порадовался.

Наконец взошло солнце. Клубы тумана приняли оранжевые оттенки. Сквозь них стали вырисовываться кусты, деревья, горы...

Через полчаса мы шли по тропинке и весело болтали между собой.

На поляне, ближайшей к морю, поселился старовер Долганов, занимающийся эксплуатацией туземцев, живущих на соседних с ним реках. Мне не хотелось останавливаться у человека, который устраивал свое благополучие за счет бедняков; поэтому мы прошли прямо к морю и около устья реки нашли Хей Ба-тоу с лодкой. Он прибыл на Кумуху в тот же день, как вышел из Кусуна, и ждал нас здесь около недели.

Вечером стрелки разложили большие костры. У них было веселое настроение, точно они возвратились домой. Люди так привыкли к походной жизни, что совершенно не замечали ее тяготы.

Одни сутки мы простояли на месте. Нужно было отдохнуть, собраться с силами и привести в порядок свои вещи.

Наконец наступило 1-е ноября — первый день первого зимнего месяца. Утром мороз до —10 °С при сильном ветре.

XVII

СЕРДЦЕ ЗАУССУРИЙСКОГО КРАЯ

Берег моря до реки Самарги.— Обоняние охотника.— Беспокойство и сомнения.— Перевал на реке Нахтоху.— Следы человека.— Удэхеец Янсели.— Монгули.— Тревожная весть.— Исчезновение Хей Ба-тоу.— Безвыходное положение

На реке Кузнецовой мы распрощались с солоном. Он возвратился к себе на реку Тахобе, а мы пошли дальше на север. Хей Ба-тоу было приказано следовать вдоль берега моря и дожидать нас в устье реки Холонку.

Тропа, которая до сего времени вела нас вдоль берега моря, кончилась около реки Кумуху. От мыса Олимпиады до реки Самарги, на протяжении 150 верст по прямой линии и 230 верст в действительности, берег горист и совершенно пустынен. Наподобие густой корковой щетки хвойный замшистый лес одевает все горы и вплотную доходит до берега моря. Эта часть пути считается очень трудной. Сюда избегают заходить даже туземцы. Расстояние, которое по морю на лодке можно проехать в полдня, пешком по берегу едва ли удастся пройти в четверо суток.

Лодка Хей Ба-тоу могла останавливаться только в устьях таких рек, которые не имели бара и где была хоть небольшая заводь. Река Бабкова достоинствами этими не отличалась, и потому Хей Ба-тоу прошел мимо нее и остановился около мыса Сосунова.

С утра погода была удивительно тихая. Весь день в воздухе стояла какая-то мгла; после полудня мгла начала быстро сгущаться. Солнце из белого стало желтым, потом оранжевым и наконец красным; в таком виде оно и скры-

лось за горизонтом. Я заметил, что сумерки были короткие: как-то скоро спустилась ночная тьма. Море совершенно успокоилось, нигде не было слышно ни одного всплеска. Казалось, будто оно погрузилось в сон. Часов в 10 вечера взошла луна. Она также имела странный вид и даже в полночь не утратила того красного цвета, который свойственен ей в то время, когда она стоит низко над горизонтом. Утесы на берегу моря, лес в горах и одиноко стоящие кусты и деревья казались как бы другими, не такими, как всегда. В полночь мгла сгустилась до того, что ее можно было видеть в непосредственной от себя близости, и это не был дым, потому что гарью не пахло. Вместе с тем воздух приобрел удивительную звукопроницаемость: обыкновенный голос на дальнем расстоянии слышался как громкий и крикливый; шорох мыши в траве казался таким шумом, что невольно заставлял вздрагивать и оборачиваться. Казалось, будто мы перенеслись в другой мир, освещенный не луною, а каким-то неведомым тусклым светилом. Вслед за тем воздух наполнился какими-то звуками, похожими на раскаты грома, глухие взрывы или отдаленную пушечную пальбу. Звуки эти неслись откуда-то со стороны моря.

Явление это навеяло на всех людей страх; Дерсу говорил, что во всю свою жизнь он никогда ничего подобного не слышал.

Утром я сделал следующие распоряжения: Хей Батоу с лодкой должен был перейти на реку Нахтоху и там опять ждать нас, а мы пойдем вверх по реке Холонку и затем по реке Нахтоху спустимся обратно к морю.

Я распорядился, чтобы с вечера люди забрали все, что надо, так как Хей Ба-тоу должен был уйти на рассвете.

На другой день, 3-го ноября, я проснулся раньше других, оделся и вышел из палатки.

Картина, которую я увидел, была необычайно красива: на востоке пылала заря. Освещенное лучами восходящего солнца море лежало неподвижно, словно расплавленный металл. От реки подымался легкий туман. Испуганная моими шагами стая уток с шумом снялась с воды и с криками полетела куда-то в сторону за болото.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я увидел далеко в море парус Хей Ба-тоу.

Я согрел чай и разбудил своих спутников.

Закусив поплотнее, мы собрали свои котомки и тоже отправились в путь по намеченному маршруту.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Средняя суточная температура понизилась до —6,3 °С, и дни заметно сократились. На ночь для защиты от ветра нужно было забираться в самую чащу леса. Для того, чтобы заготовить дрова, приходилось рано становиться на бивак. Поэтому за день удалось пройти мало, и на маршрут, который летом можно было сделать в сутки, теперь пришлось затратить времени вдвое больше.

Выбрав место для ночевки, я приказал Захарову и Аринину ставить палатку, а сам с Дерсу пошел на охоту. Здесь по обоим берегам реки кое-где узкой полосой еще сохранился живой лес, состоящий из осины, ольхи, кедра, тальника, березы, клена и лиственницы. Мы шли и тихонько разговаривали между собой, он — впереди, а я — несколько сзади. Вдруг Дерсу сделал мне знак, чтобы я остановился. Я думал сначала, что он прислушивается, но скоро увидел другое: он подымался на носки, наклонялся в стороны и усиленно нюхал воздух.

— Пахнет,— сказал он шепотом,— люди есть.

— Какие люди?

— Кабаны,— отвечал гольд.— Моя запах найди есть.

Как я ни нюхал воздух, но никакого запаха не ощущал. Дерсу осторожно двинулся вправо и вперед. Он часто останавливался и принюхивался. Так прошли мы шагов полтораста. Вдруг что-то шарахнулось в сторону. Это была дикая свинья и с ней полугодовалый поросенок. Еще несколько кабанов бросилось врассыпную. Я выстрелил и уложил поросенка.

На обратном пути я спросил Дерсу, почему он не стрелял диких свиней. Гольд ответил, что не видел их, а только слышал шум в чаще, когда они побежали. Дерсу был недоволен: он ругался вслух и плевался, потом вдруг снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами. Тогда я не знал, что это маленькое происшествие было повесткой к трагическим событиям, разыгравшимся впоследствии.

Поросенок весил около $1^1/_2$ пудов и был как нельзя более кстати. Вечером мы лакомились свежей дичью, все были веселы, шутили и смеялись. Один Дерсу был не в духе. Он все хныкал и вслух спрашивал себя, как это он не видел кабанов...

После ужина стрелки разделились на смены и стали сушить мясо на огне, а я занялся путевым дневником.

5-го ноября утром был опять мороз (—14 °С); барометр стоял высоко (757). Небо было чистое; взошедшее солнце не давало тепла, зато давало много света. Холод всех подбадривал, всем придавал энергии. Раза два нам пришлось переходить с одного берега реки на другой.

Шли мы теперь без проводника, по приметам, которые нам сообщил солон. Горы и речки так походили друг на друга, что можно было легко ошибиться и пойти не по той дороге. Это больше всего меня беспокоило. Дерсу, наоборот, относился ко всему равнодушно. Он так привык к лесу, что другой обстановки, видимо, не мог себе представить. Для него было совершенно безразлично, где ночевать — тут или в ином месте!..

Ночью я плохо спал. Почему-то все время меня беспокоила одна и та же мысль: правильно ли мы идем? А вдруг мы пошли не по тому ключику и заблудились! Я долго ворочался с боку на бок, наконец поднялся и подошел к огню. У костра сидя спал Дерсу. Около него лежали две собаки. Одна из них что-то видела во сне и тихонько лаяла и повизгивала. Дерсу тоже о чем-то бредил. Услышав мои шаги, он спросонья громко спросил: «Какой люди ходи?» — и тотчас снова погрузился в сон.

Над сонною землей, погруженной в ночную тьму, раскинулся темный небесный свод с миллионами звезд, переливавшихся цветами радуги. Широкой полосой от края до края протянулся Млечный Путь. По ту сторону реки стеной стоял молчаливый лес. Кругом было тихо, очень тихо... С полчаса посидел я у огня. Беспокойство мое исчезло. Я пошел в палатку, завернулся в одеяло, уснул, а утром проснулся лишь тогда, когда все уже собирались в дорогу. Солнце только что поднялось из-за горизонта и посылало лучи свои к вершинам гор.

Сразу с бивака начался подъем. С первого же перевала мы увидели долину реки Пия; за ней высился другой горный хребет с гольцами. За ними, вероятно, должна быть река Нахтоху.

Отсюда сверху открывался великолепный вид во все стороны. На северо-западе виднелся низкий и болотистый перевал с реки Нахтоху на Бикин. В другую сторону, насколько хватал глаз, тянулись какие-то другие горы. Словно гигантские волны с белыми гребнями, они шли

куда-то на север и пропадали в туманной мгле. На северо-востоке виднелась Нахтоху, а вдали на юге — синее море.

Холодный, пронзительный ветер не позволял нам долго любоваться красивой картиной и принуждал к спуску в долину. С каждым шагом снегу становилось все меньше и меньше. Теперь мы шли по мерзлому мху. Он хрустел под ногами и оставался примятым к земле.

Я шел впереди, а Дерсу сзади. Вдруг он бегом обогнал меня и стал внимательно смотреть на землю. Тут только я заметил человеческие следы; они направлялись в ту же сторону, куда шли и мы.

— Кто здесь шел? — спросил я у гольда.

— Маленькая нога,— такой ноги у русских нету, у китайцев — нету, у корейцев тоже нету,— отвечал он и затем прибавил: — Это унта, носок кверху. Люди совсем недавно ходи Моя думай, наша скоро его догоняй есть.

Другие признаки, совершенно незаметные для нас, открыли ему, что этот человек был удэхеец, что он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей и, судя по походке, был молодой человек. Из того, что он шел напрямик по лесу, игнорируя заросли и придерживаясь открытых мест, Дерсу заключил, что удэхеец возвращался с охоты и, вероятно, направлялся к своему биваку. Посоветовавшись, мы решили идти по его следам, тем более что они шли в желательном для нас направлении.

Лес кончался, и опять потянулась сплошная гарь. Так прошли мы с час. Вдруг Дерсу остановился и сказал, что пахнет дымом. Действительно, минут через десять мы спустились к речке и тут увидели туземный балаган и около него костер.

Когда мы были от балагана шагах в ста, из него выскочил человек с ружьем в руках. Это был удэхеец Янсели, с реки Нахтоху. Он только что пришел с охоты и готовил себе обед. Котомка его лежала на земле, и к ней были прислонены палка, ружье и топор.

Меня заинтересовало, как Дерсу узнал, что у Янсели должна быть сетка на соболя. Он ответил, что по дороге видел срезанный рябиновый прутик и рядом с ним сломанное кольцо от сетки, брошенное на землю. Ясно, что прутик понадобился для нового кольца. И Дерсу обратился к удэхейцу с вопросом, есть ли у него соболиная сетка. Последний молча развязал котомку и подал то, что у него

спросили. Действительно, в сетке одно из средних колец было новое.

От Янсели мы узнали, что находимся на реке Даглы, текущей в Нахтоху. Не без труда удалось нам уговорить его быть нашим проводником. Главной приманкой для него послужили не деньги, а берданочные патроны, которые я обещал дать ему на берегу моря.

По дороге я стал расспрашивать его о тех местах, которые мы проходили.

Последние дни стояли особенно холодные. На реке появились забереги, и это значительно облегчало наше путешествие. Все протоки замерзли; мы пользовались ими для сокращения пути и скоро дошли до того места, где Дагды сливается с Нунгини. Отсюда, собственно, и начинается река Нахтоху.

После полудня Янсели вывел нас на тропинку, которая шла вдоль реки по соболиным ловушкам. Я спросил нашего провожатого, кто здесь ловит соболей. Он ответил, что место это издавна принадлежит удэхейцу Монгули и, вероятно, мы вскоре встретим его самого. Действительно, не прошли мы и двух верст, как увидели какого-то человека; он стоял около одной из ловушек и что-то внимательно в ней рассматривал. Увидев людей, идущих со стороны Сихотэ-Алиня, он сначала было испугался и хотел бежать, но когда увидел Янсели, сразу успокоился. Как всегда бывает в таких случаях, все разом остановились. Стрелки стали закуривать, а Дерсу и удэхейцы принялись о чем-то горячо говорить между собой.

— Что случилось? — спросил я Дерсу.

— Манза соболя украл,— отвечал он.

По словам Монгули, китаец, проходивший по тропе дня два тому назад, вынул из ловушки соболя и наладил ее снова. Я высказал предположение, что, может быть, на самом деле ловушка пустовала. Тогда Монгули указал на кровь — ясное доказательство, что ловушка действовала.

— Может быть, в ловушку попал не соболь, а белка? — спросил я опять.

— Нет,— отвечал Монгули.— Когда бревном придавило соболя, он грыз приколышки, оставив на них следы зубов.

Тогда я спросил его, почему он думает, что вор был именно китаец? Удэхеец ответил, что человек, укравший соболя, был одет в китайскую обувь и в задке левой ноги у него не хватает одного гвоздя.

Доводы эти были вполне убедительны.

Отдохнув немного, мы отправились дальше и часов в пять дошли до устья реки Ходэ.

Вечером у огня я имел возможность хорошо рассмотреть своих новых знакомых. Нахтохуские удэхейцы невысокого роста, сухощавы и короткоголовы. Они имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза, с небольшой монгольской складкой век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги.

— Точно детские,— говорили мои спутники-стрелки, рассматривая их обувь, сшитую из выделанной лосиной кожи в виде олоч, с загнутыми кверху носками.

Цвет кожи удэхейцев можно было бы назвать оливковым, со слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих. Впечатление это еще более усугубляется их пестрыми костюмами. Черные как смоль длинные прямые волосы они заплетают в две коротких косы, сложенные вдвое и туго перетянутые красными шнурами. Косы носятся на груди около плеч. Чтобы они не мешали, когда человек нагибается, сзади, ниже затылка, они соединены перемычкой, украшенной бисером и ракушками.

Одежда нахтохуских удэхейцев состоит главным образом из трех кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбровой кожи, выделанной под замшу. Халаты эти застегиваются у правого плеча и сбоку, как поддевки, и одеваются с напуском вокруг талии. Рукава около кистей стягиваются особыми нарукавниками. Затем принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в стоячем положении прикреплен беличий хвостик и несколько красных шнурков с кисточками.

Весь костюм, от головы и до ступней ног, спереди и сзади, обшит цветными полосками, обильно украшенными пестрой орнаментовкой, изображающей спиральные круги, стилизованных рыб, птиц и животных.

Удэхейцы — большие любители металлических украшений, в особенности браслетов и колец. Некоторые старики еще носят в ушах серьги; ныне обычай этот почти совсем

оставлен. Каждый мужчина, в том числе и мальчики, носят у пояса два ножа: один обыкновенный, охотничий, а другой — маленький, кривой, которым они владеют очень искусно и который заменяет им шило, струг, буравчик, долото и все прочие инструменты.

Проговорили мы почти до полуночи. Пора было идти на покой.

Туземцы взялись окарауливать бивак, а я пристроился около Дерсу и, завернувшись в одеяло, лег спиной к огню и уснул как убитый.

На другое утро с бивака мы снялись рано и пошли по тропе правым берегом реки.

Последние два дня были холодные и ветреные. Забереги на реке во многих местах соединились и образовали природные мосты. По ним можно было свободно переходить с одной стороны реки на другую.

Верстах в десяти от реки Гоббиляги кончается лес и начинаются открытые места. На последней поляне мы нашли три удэхейских фанзы.

Здешние туземцы обзавелись китайскими постройками весьма недавно. Несколько лет тому назад они жили еще в юртах. Около каждого домика были небольшие огороды, возделываемые наемным трудом китайцев. Последние являются среди удэхейцев также половинщиками в пушных промыслах.

Из расспросов выяснилось, что река Нахтоху является последним северным пунктом, до которого с юга манзы распространили свое влияние. Здесь было только пять человек: четыре постоянных обитателя и один — пришлый с реки Кусуна.

Они сообщили нам крайне неприятную новость: 4-го ноября наша лодка вышла с реки Холонку и с той поры о ней не имеется ни слуху ни духу.

Я вспомнил, что в этот день дул особенно сильный ветер. Пугай (так звали одного из наших новых знакомых) видел, как какая-то лодка в море боролась с ветром, который относил ее от берега все дальше и дальше.

Это было для нас непоправимым несчастьем. В лодке находилось все наше имущество, теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. При себе мы имели только то, что могли нести: легкую осеннюю одежду, по одной паре унтов, одеяло, полотнище палатки, ружья, патроны и весьма ограниченный запас продовольствия. Я знал, что к северу на реке Едине еще живут удэхейцы, но до них было так далеко и они были так бедны, что рассчиты-

вать на приют у них для всего отряда нельзя было и думать.

Что делать?

С такими мыслями мы подошли к хвойному мелкорослому, густому лесу, который отделяет поляны Нахтоху от моря.

Обыкновенно к лодке мы всегда подходили весело, как будто к дому, но теперь Нахтоху была для нас так же чужда, так же пустынна, как и всякая другая речка. Было жалко и Хей Ба-тоу, этого славного моряка, быть может, теперь уже утонувшего.

Мы шли молча; у всех была одна и та же мысль: что делать? Стрелки понимали серьезность положения, из которого теперь я должен был их вывести.

Наконец появился просвет; лес сразу кончился, показалось море.

XVIII
ЗАВЕЩАНИЕ

Приготовление к зимовке.— Поиски лодки.— Росомаха.— Река Пия.— Роковой выстрел.— Испуг Дерсу.— Договор.— Обратный путь

Раньше около реки Нахтоху была лагуна, отделенная от моря косой. Теперь на ее месте — большое моховое болото, поросшее багульником, голубицей и шикшей. Мысы, окаймляющие маленькую бухточку, в которую впадает река Нахтоху, слагаются из пестрых вулканических туфов и называются по-удэхейски северный — Чжаали-Дуони и южный — Мааса́-Дуони.

Здесь, у подножья береговых обрывов, мы устроили свой бивак...

Вечером мы с Дерсу сидели у огня и совещались. Со времени исчезновения лодки прошло четверо суток. Если она была где-нибудь поблизости, то давно возвратилась бы назад. Я говорил, что надо идти на реку Амагу и зазимовать у староверов, но Дерсу не соглашался со мной. Он советовал остаться на Нахтоху, заняться охотой, добыть кож и сшить новую обувь. У туземцев, по его мнению, можно было получить немного сухой юколы и чумизы. Но тут возникали другие затруднения: морозы с каждым днем становились сильнее; недели через две в легкой осенней одежде идти будет уже невозможно. Все-таки проект Дерсу был наиболее разумным, и мы на нем остановились.

После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго сидели у огня и обсуждали наше положение.

Я полагал было пойти в фанзы к удэхейцам, но Дерсу советовал остаться на берегу моря. Во-первых, потому, что

здесь легче было найти пропитание, а во-вторых — он не терял надежды на возвращение Хей Ба-тоу. Если последний жив, он непременно возвратится назад, будет искать нас на берегу моря, и если не найдет, то может пройти мимо. Тогда мы опять останемся ни с чем. С его доводами нельзя было не согласиться.

Мысли одна другой мрачнее лезли мне в голову и не давали покоя.

Порывистый и холодный ветер шумел сухой травой и неистово трепал растущее вблизи одинокое молодое деревцо. Откуда-то из темноты, с той стороны, где были прибрежные утесы, неслись странные звуки, похожие на вой.

Беспокойство мучило меня всю ночь.

Возвращаться назад, не доведя дела до конца, было до слез обидно. С другой стороны, идти в зимний поход, не снарядившись как следует, безрассудно.

Под утро я немного уснул.

Стрелки, узнав, что мы останемся здесь надолго и даже, быть может, зазимуем, принялись таскать плавник, выброшенный волнением на берег, и устраивать землянки. Это была остроумная мысль. Печи они сложили из плитнякового камня, а трубу устроили по-корейски, из дуплистого дерева. Входы в землянки завесили полотнищами палаток, а на крышу наложили мох с дерном. Внутри землянок настлали ельнику и сухой травы. В общем, помещения получились довольно удобные.

На следующий день мы с Дерсу вдвоем решили идти к югу по берегу моря и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов пребывания Хей Ба-тоу, и кстати поохотиться. Захаров и Аринин пошли на север, имея то же задание, а Сабитов и Туртыгин — вверх по реке к устью реки Ходэ.

Мы шли берегом моря и разговаривали между собой о том, как могло случиться, что Хей Ба-тоу пропал без вести. Этот вопрос мы подымали уже сотый раз и всегда приходили к одному и тому же выводу: надо шить обувь и возвращаться к староверам на Амагу.

Впереди, шагах в полутораста от нас, бежала моя собака Альпа. Вдруг я заметил два живых существа: одно — была Альпа, а другое — животное, тоже похожее на собаку, но темной окраски, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжелыми прыжками и, казалось, хотело обогнать собаку. Поравнявшись

с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Это оказалась росомаха — самый крупный представитель из семейства хорьковых. Максимальные размеры этого стопоходящего косматого и неуклюжего животного достигают одного метра длины и полметра высоты. Общая окраска темно-бурая, спина черного цвета, от каждого плеча к заду по бокам тянется по широкой светло-серой полосе. Шерсть на нижней части тела и на верхней половине ног значительно длиннее, чем на остальном теле. Шея у росомахи короткая, голова толстая, удлиненная, ноги вооружены крепкими сильными когтями.

Росомаха обитает в горных лесах, где есть козуля и в особенности кабарга. Целыми часами она сидит неподвижно на дереве или на камне вблизи кабарожьей тропы, выжидая добычу. Она отлично изучила нрав своей жертвы, знает излюбленные пути ее и повадки; например, она хорошо знает, что по глубокому снегу кабарга бегает все по одному и тому же кругу, чтобы не протаптывать новой дороги. Поэтому, спугнув кабаргу, она гонится за ней до тех пор, пока последняя не замкнет полный круг. Тогда росомаха влезает на дерево и ждет, когда кабарга вновь пойдет мимо. Если это не удается, она берет кабаргу измором, для чего преследует ее до тех пор, пока та от усталости не упадет; при этом если на пути она увидит другую кабаргу, то не гонится за ней, а будет продолжать преследование первой, хотя бы эта последняя и не находилась у ней в поле зрения.

Альпа остановилась и с любопытством стала рассматривать свою случайную спутницу. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня и сказал, что надо беречь патроны. Замечание его было вполне резонно. Тогда я отозвал Альпу. Росомаха бросилась бежать и вскоре скрылась в одном из оврагов.

Прибрежная линия между реками Холонку и Нахтоху представляет из себя несколько изогнутую линию, отмеченную мысами Плитняк, Бакланий и Сосунова. Мысы эти заметно выдаются в море. За ними берег опять выгибается к северо-западу и вновь выдается около реки Пия и мыса Олимпиады. Здесь есть два утеса Садзасу-мамаса-ни, имеющие человекоподобные формы. Удэхейцы говорят, что раньше это были люди, но всесильный Тему (повелитель морей) превратил их в скалы и заставил окарауливать сопки.

Здесь на берегу валялось много сухого плавника. Вы-

брав место для бивака, мы сложили свои вещи и разошлись в разные стороны на охоту.

Охотиться нам долго не пришлось. Когда мы снова сошлись, день был уже на исходе. Солнце уже заглядывало за горы, лучи его пробрались в самую глубь леса и золотистым сиянием осветили стволы тополей, остроконечные вершины елей и мохнатые шапки кедровников. Где-то в стороне от нас раздался пронзительный крик.

— Кабарга! — шепнул Дерсу на мой вопросительный взгляд.

Минуты через две я увидел животное, похожее на козулю, только значительно меньше ростом и темнее окраской. Изо рта ее книзу торчало два тонких клыка. Отбежав шагов сто, кабарга остановилась, повернула в нашу сторону свою грациозную головку и замерла в выжидательной позе.

— Где она? — спросил меня Дерсу.

Я указал ему рукой.

— Где? — опять переспросил он.

Я стал направлять его взгляд рукой по линии выдающихся и заметных предметов, но, как я ни старался, он ничего не видел. Дерсу тихонько поднял ружье, еще раз внимательно всмотрелся в то место, где было животное, выпалил и — промахнулся. Звук выстрела широко прокатился по всему лесу и замер в отдалении. Испуганная кабарга шарахнулась в сторону и скрылась в чаще.

— Попал? — спросил меня Дерсу, и по его глазам я увидел, что он не заметил результатов своего выстрела.

— На этот раз ты промазал,— отвечал я ему.— Кабарга убежала.

— Неужели моя попади нету? — спросил он испуганно.

Мы пошли к тому месту, где стояла кабарга. На земле не было крови. Сомнений не было, Дерсу промахнулся. Я начал подшучивать над своим приятелем, а Дерсу сел на землю, положил оружие на колени и задумался. Вдруг он быстро вскочил на ноги и сделал на дереве ножом большую затеску, затем схватил ружье и отбежал назад шагов на двести. Я думал, что он хочет оправдаться передо мною и доказать, что его промах по кабарге был случайным. Однако с двухсот шагов пятно на дереве было видно плохо, и он должен был подойти ближе. Наконец он выбрал место,

поставил сошки и стал целиться. Целился Дерсу долго, два раза отнимал голову от приклада и, казалось, не решался спустить курок. Наконец он выстрелил и побежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал. Когда я подошел к нему, то увидел, что шапка его валялась на земле, ружье тоже; растерянный взгляд его широко раскрытых глаз был направлен куда-то в пространство. Я дотронулся до его плеча, Дерсу вздрогнул и быстро-быстро заговорил:

— Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй — всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда мимо ходи нету. Теперь моя пятьдесят восемь лет. Глаз худой стал, посмотри не могу. Кабарга стреляй — не попал, дерево стреляй — тоже не попал. К китайцам ходи не хочу — их работу моя понимай нету. Как теперь моя дальше живи?

Тут только я понял неуместность своих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался еще и тем обстоятельством, что Дерсу был совершенно одинок. Куда идти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?

Мне нестерпимо стало жаль старика.

— Ничего,— сказал я ему,— не бойся. Ты мне много помогал, много раз выручал меня из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдешь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе.

Дерсу засуетился и стал собирать свои вещи. Он поднял ружье и посмотрел на него как на вещь, которая теперь была ему более совсем не нужна.

В это время солнце только что скрылось за горизонтом. От гор к востоку потянулись длинные тени. Еще не успевшая замерзнуть вода в реке блестела, как зеркало; в ней отражались кусты и прибрежные деревья. Казалось, что там, внизу, под водой был такой же мир, как и здесь, и было такое же светлое небо...

Около речки мы разделились: Дерсу воротился на бивак, а я решил еще поохотиться. Долго я бродил по лесу и ничего не видел. Наконец я устал и повернул назад.

На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух приобрел сонную неподвижность; долина приняла угрюмый вид и казалась глубокой трещиной на горах.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Я замер на месте и приготовил ружье. Снова легкий треск, и из ольховиков тихонько на поляну вышла козуля. Она стала щипать траву и, видимо, совсем меня не замечала. Я быстро прицелился и выстрелил. Несчастное животное рванулось вперед и сунулось мордой в землю. Через минуту жизнь оставила его. Я взял свой ремень, связал козуле ноги и взвалил ее на плечи. Что-то теплое потекло мне за шею: это была кровь. Тогда я опустил свой охотничий трофей на землю и принялся кричать. Скоро я услышал ответные крики Дерсу. Он пришел без ружья, и мы вместе с ним потащили козулю на палке.

Когда мы подходили к биваку, был уже полный вечер. Взошла луна и своими фосфорическими лучами осветила море, прибрежные камни, лес и воду в реке. Кругом было тихо, только легкий ночной ветер слабо шелестел травою. Шум этот был так однообразен, что привыкшее к нему ухо совершенно его не замечало. На нашем биваке горел огонь; свет от него ложился по земле красными бликами и перемешивался с черными тенями и с бледными лучами месяца, украдкой пробивавшимися сквозь ветви кустарников. Вдали виднелся высокий Бакланий мыс, окутанный морскими испарениями.

После охоты я чувствовал усталость. За ужином я рассказывал Дерсу о России, советовал ему бросить жизнь в тайге, полную опасности и лишений, и поселиться вместе со мной в городе, но он по-прежнему молчал и о чем-то крепко думал.

Наконец я почувствовал, что веки мои слипаются. Я завернулся в одеяло, лег к огню и погрузился в глубокий сон.

Ночью я проснулся. Луна стояла высоко на небе; те звезды, которые были ближе к горизонту, блистали, как бриллианты. Было далеко за полночь. Казалось, вся природа погрузилась в дремотное состояние. Ничего нет прекраснее тихого и беспредельного широкого моря, залитого лунным светом, и глубокого неба, полного тихих сияющих звезд. Темная вода, угрюмые утесы на берегу и величавый лес в горах — все это так гармонировало друг с другом.

Около огня сидел Дерсу. С первого же взгляда я понял, что он еще не ложился спать. Он обрадовался, что я проснулся, и стал греть чай. Я заметил, что старик волнуется, усиленно ухаживает за мной и всячески старается, чтобы я опять не заснул. Я уступил ему и сказал, что спать мне

более не хочется. Дерсу подбросил дров в костер и, когда огонь разгорелся, встал со своего места и начал говорить торжественным тоном:

— Капитан! Теперь моя буду говори. Тебе надо слушай.

Он начал с того, как он жил раньше, как стал одинок и как добывал себе пропитание охотой. Ружье всегда его выручало. Он продавал панты и взамен их приобретал у китайцев патроны, табак и материалы для одежды. Он никогда не думал о том, что глаза ему могут изменить и купить их нельзя будет уже ни за какие деньги. Вот уже с полгода, как он стал ощущать ослабление зрения, думал, что это пройдет, но сегодня убедился, что охоте его пришел конец. Это его напугало. Потом он вспомнил мои слова, что у меня он всегда найдет приют и кусок хлеба.

— Спасибо, капитан,— сказал он.— Шибко спасибо!

И вдруг он опустился на колени и поклонился в землю. Я бросился поднимать его и стал говорить, что, наоборот, я обязан ему жизнью, и если он будет жить со мной, то этим только доставит мне удовольствие. Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я предложил ему заняться чаепитием.

— Погоди, капитан,— сказал Дерсу.— Моя еще говорить кончай нету.

После этого он продолжал рассказывать про свою жизнь. Он говорил о том, что, будучи еще молодым, от одного старика-китайца научился искать женьшень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации женьшеня он был лет пятнадцать тому назад. Корни все росли хорошо: всего там было двадцать два растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет,— вероятно, сохранились, потому что посажены были в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

— Это все тебе! — закончил он свою длинную речь.

Меня это поразило; я стал уговаривать продать корни китайцам, а деньги взять себе, но Дерсу настаивал на своем.

— Моя не надо,— говорил он.— Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй [1] тебе подарить.

---

[1] Женьшень. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согласился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мной в Хабаровск. Дерсу согласился тоже. Мы порешили весной отправиться на реку Лефу в поиски за дорогими корнями.

Посеребренная луна склонилась к западу. С восточной стороны на небе появились новые созвездия. Находящаяся в воздухе влага опустилась на землю и тонким серебристым инеем покрыла все предметы. Это были верные признаки приближения рассвета.

Дерсу еще раз подбросил дров в огонь. Яркое трепещущее пламя взвилось кверху и красноватым заревом осветило кусты и прибрежные утесы — эти безмолвные свидетели нашего договора и обязательств по отношению друг к другу.

Но вот на востоке появилась розовая полоска: занималась заря. Звезды быстро начали меркнуть; волшебная картина ночи пропала, и в потемневшем серо-синем воздухе разлился неясный свет утра. Красные угли костра потускнели и покрылись золой; головешки дымились,— казалось, огонь уходил внутрь их.

— Давай-ка соснем немного,— предложил я своему спутнику. Он встал и поправил палатку, затем мы оба легли и, прикрывшись одним одеялом, уснули как убитые.

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко. Утро было морозное, ясное. Вода в озерках покрылась тонким слоем льда, и в нем, как в зеркале, отражались прибрежные кустарники.

На скорую руку мы закусили холодным мясом, напились чаю и, собрав котомки, пошли назад к реке Нахтоху.

Там мы застали всех в сборе. Аринин убил сивуча, а Захаров — нерпу. Таким образом, у нас получился значительный запас кожи и вдоволь мяса.

С 12-го по 16-е ноября мы простояли на месте. За это время стрелки ходили за брусникой и собирали кедровые орехи.

Дерсу выменял у удэхейцев обе сырые кожи на одну сохатиную выделанную. Туземных женщин он заставил накроить унты, а шили их мы сами, каждый по своей ноге.

17-го числа утром мы распрощались с рекой Нахтоху и тронулись в обратный путь, к староверам. Уходя, я

еще раз посмотрел на море, с надеждой, не покажется ли где-нибудь лодка Хей Ба-тоу... Но море было пустынно. Ветер дул с материка, и потому у берега было тихо, но вдали ходили большие волны. Я махнул рукой и подал сигнал к выступлению. Тоскливо было возвращаться назад, но больше ничего не оставалось.

Обратный путь наш прошел без всяких приключений.

22 ноября мы достигли Тахобе, а 23 утром пришли на Кусун.

XIX
ЗИМНИЙ ПОХОД

Сильный ветер.— Приключения Хей Ба-тоу.— Снаряжение в зимний путь.— Устройство нарт.— Рыбная ловля.— Накануне выступления.— Нартовый обоз.— Выгоревшие леса.— Зимняя палатка.— Лесные птицы.— Удэхеец Сунцай

После короткого отдыха у туземцев на Кусуне я хотел было идти дальше, но они посоветовали мне остаться переночевать у них в фанзах. Удэхейцы говорили, что после долгого затишья и морочной погоды надо непременно ждать очень сильного ветра. Местные китайцы тоже были встревожены. Они часто посматривали на запад. Я спросил, в чем дело. Они указали на хребет Кямо, покрытый снегом. Тут только я заметил, что гребень хребта, видимый дотоле отчетливо и ясно, теперь имел контуры неопределенные, расплывчатые: горы точно дымились. По словам туземцев, ветер с хребта Кямо до моря доходит через два часа.

Китайцы привязали крыши фанз к ближайшим пням и деревьям, а зароды с хлебом прикрыли сетями, сплетенными из травы.

Действительно, часов около двух пополудни начал дуть ветер, сначала тихий и ровный, а затем все сильнее и сильнее. Вместе с ветром шла какая-то мгла. Это были снег, пыль и сухая листва, поднятая с земли вихрем. К вечеру ветер достиг наивысшего напряжения. Я вышел с анемометром, чтобы измерить силу ветра, но страшный порыв сломал колесо прибора, а самого меня опрокинул на землю. Мельком я видел, как по воздуху летела доска и кусок древесной коры, сорванные с какой-то крыши. Около фан-

зы стояла двухколесная китайская арба. Ветром ее перекатило через весь двор и прижало к забору. Один стог сена был плохо увязан; в несколько минут от него не осталось и следа.

К утру ветер начал стихать. Сильные порывы сменились периодами затишья. С рассветом я не узнал места: одна фанза была разрушена до основания, у другой выдавило стену; много деревьев, вывороченных с корнями, лежало на земле. С восходом солнца ветер упал до штиля; через полчаса он снова начал дуть, но уже с южной стороны.

Надо было идти дальше, но как-то не хотелось. Спутники мои устали, а китайцы были так гостеприимны... Я решил продневать у них еще одни сутки — и хорошо сделал. Вечером в этот день с моря прибежал один молодой удэхеец и сообщил радостную весть: Хей Ба-тоу с лодкой возвратился назад и все имущество наше цело. Мои спутники кричали «ура» и радостно пожимали друг другу руки. И действительно было чему радоваться; я сам был готов пуститься в пляс.

На другой день чуть свет мы все были на берегу. Хей Ба-тоу радовался не меньше нас. Стрелки толпились к нему, засыпали вопросами. Оказалось, что сильный ветер подхватил его около реки Каньчжу и отнес к острову Сахалину. Хей Ба-тоу не растерялся и всячески старался держаться ближе к берегу, зная, что иначе его отнесет в Японию. С острова Сахалина он перебрался к материку и затем спустился на юг вдоль берега моря. На реке Нахтоху он узнал от туземцев, что мы пошли на Амагу, тогда и он отправился за нами вдогонку. Вчерашнюю бурю он пережил на реке Холонку и затем в один день дошел до Кусуна.

Тотчас у меня в голове созрел новый план: я решил подняться по реке Кусуну до Сихотэ-Алиня и выйти на Бикин. Продовольствие, инструменты, теплая одежда, обувь, снаряжение и патроны — все это было теперь с нами.

Хей Ба-тоу тоже решил зазимовать на Кусуне. Плавание по морю стало затруднительным; у берегов появилось много плавающего льда; устья рек замерзали.

Не мешкая, стрелки стали разгружать лодку. Когда с нее были сняты мачта, руль и паруса, они вытащили ее на берег и поставили на деревянные катки, подперев с обеих сторон кольями.

На другой день мы принялись за устройство нарт. Всего мне нужно было их шесть штук. Три мы достали у туземцев, а три пришлось сделать самим. Захаров и Аринин умели плотничать. В помощь им были приставлены еще два удэхейца. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Всякие замечания его были всегда кстати, стрелки привыкли, не спорили с ним и не приступали к работе до тех пор, пока не получали его одобрения.

На эту работу ушло десять суток. Временами стрелки ходили на охоту, иногда — удачно, но часто возвращались ни с чем. С кусунскими удэхейцами мы подружились и всех наперечет знали в лицо и по именам.

25-го ноября я, Дерсу и Аринин ходили с туземцами на рыбную ловлю к устью Кусуна. Удэхейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжелые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов, заросших осиной, ольхой и тальниками, мы нашли какие-то странные постройки, крытые травой. Я сразу узнал работу японцев. Это были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как с суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Вода в заводи хорошо замерзла. Лед был гладкий, как зеркало, чистый и прозрачный; сквозь него хорошо были видны мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший плавник. Туземцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и затем побежали по направлению к прорубям, время от времени с силою бросая на лед колотушки. Испуганная светом и шумом рыба, как шальная, бросилась вперед и запуталась в сетях. Улов был удачный. За один раз они поймали одного морского тайменя, трех мальм, четырех кунж и одиннадцать красноперок.

Потом удэхейцы снова опустили сети в проруби и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озерко, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

Часов в десять вечера мы окончили ловлю. Часть туземцев пошла домой, остальные остались ночевать на рыбалке. Среди последних был удэхеец Логада, знакомый мне еще с прошлого года. Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я спохватился Логада и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел

из балагана. Было темно, холодным ветром, как ножом, резало лицо. Я походил немного по реке и возвратился назад, сказав, что нигде костра не видел. Удэхейцы ответили мне, что Логада спит без огня.

— Как без огня? — спросил я с изумлением.

— Так,— ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логада что-нибудь не случилось, я зажег свой маленький фонарик и снова пошел его искать. Два удэхейца вызвались меня провожать. Под берегом, шагах в пятидесяти от балагана, мы нашли Логада спящим на охапке сухой травы.

Одет он был в куртку и в штаны из выделанной изюбровой кожи и сохатиные унты, на голове имел белый капюшон и маленькую шапочку с соболиным хвостиком. Волосы на голове у него заиндевели, спина тоже покрылась белым налетом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся и стал руками снимать с ресниц иней. Из того, что он не дрожал и не подергивал плечами, было ясно, что он не озяб.

— Тебе не холодно? — спросил я его удивленно.

— Нет,— отвечал он и тотчас спросил: — Что случилось?

Удэхейцы сказали ему, что я беспокоился о нем и долго искал в темноте. Логада ответил, что в балагане людно и тесно и потому он решил спать снаружи. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лег на траву и снова уснул.

Я вернулся назад в балаган и рассказал Дерсу о случившемся.

— Ничего, капитан,— отвечал мне гольд.— Эти люди холода не боится. Его постоянно сопка живи, соболя гоняй. Где застанет ночь, там и спи. Его постоянно спину на месяце греет.

Когда рассвело, удэхейцы опять пошли ловить рыбу. Теперь они применили другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лед и освещали дно реки. Ясно, отчетливо были видны галька, ракушки, песок и водоросли. Спущенная в воду острога немного не доставала дна. Таких палаток было поставлено четыре вплотную друг к другу. В каждой палатке село по одному человеку; все другие пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники кололи ее острогами. Охота эта была еще добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день удэ-

хейцы поймали 22 тайменя, 136 кунж, 240 морских форелей и очень много красноперки.

2-го декабря стрелки закончили все работы. Для окончательных сборов им дан был еще один день. На Бикин до первого китайского поселка с нами решил идти старик маньчжур Чи Ши-у.

4-го декабря после полудня мы занялись укладкой грузов на нарты. На утро оставалось собрать только свои постели и напиться чаю.

Вечером удэхейцы камланили [1]. Они просили духов дать нам хорошую дорогу и счастливую охоту в пути. В фанзу набралось много народу. Китайцы опять принесли ханшин и сласти. Вино подействовало на туземцев возбуждающим образом. Они всю ночь плясали около огней и под звуки бубнов пели песни. Перед рассветом я ушел в самую дальнюю китайскую фанзу и там соснул немного.

Первое выступление в поход всегда бывает с опозданием. Обыкновенно задержка происходит у провожатых: то у них обувь не готова, то они еще не поели, то на дорогу нет табаку и т. д. Только к 11 часам утра, после бесконечных понуканий, нам удалось-таки наконец тронуться в путь. Китайцы вышли провожать нас с флагами, трещотками и ракетами.

За последние четыре дня река хорошо замерзла. Лед был ровный, гладкий и блестел, как зеркало. Вследствие образования донного льда во время рекостава вода в реке поднялась выше своего уровня и заполнила все протоки. Это позволяло нам сокращать путь и идти напрямик, минуя извилины реки и такие места, где лед стал торосом.

Наш обоз состоял из восьми нарт. В каждой нарте было по шести пудов груза. Ездовых собак мы не имели, потому что у меня не было денег на покупку, да и едва ли на Кусуне нашлось бы потребное их количество. Поэтому нарты нам пришлось тащить самим.

Погода благоприятствовала. Нарты бежали по льду легко. Люди шли весело, шутили и смеялись.

Река Кусун длиной около 100 верст. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой, к северо-востоку. По характеру Кусун будет такая же быстрая и порожистая река, как и Такема.

Из животных в долине Кусуна обитают изюбр, дикая коза, кабарга, куница, хорек, соболь, росомаха, красный волк, лисица, бурый медведь, рысь и тигр.

---

[1] Шаманили. *(Примеч. В. К. Арсеньева.)*

В этот день мы прошли мало и рано стали биваком. На первом биваке места в палатке мы заняли случайно, кто куда попал. Я, Дерсу и маньчжур Чи Ши-у разместились по одну сторону огня, а стрелки — по другую. Этот порядок соблюдался уже всю дорогу.

На другой день (5-го декабря) я проснулся раньше всех, оделся и вышел из палатки. Было еще темно, но уже чувствовалось приближение рассвета. Мороз звонко пощелкивал по лесу; термометр показывал —20 °С. От полыней на реке подымался пар. Деревья, растущие вблизи их, убрались инеем и стали похожими на белые кораллы. Около проруби играли две выдры. Они двигались как-то странно, извиваясь, как змеи, и издавали звуки, похожие на свист и хихиканье. Иногда одна из них подымалась на задние ноги и внимательно осматривала окрестности.

Я наблюдал за выдрами из кустов, но все же они учуяли меня и нырнули в воду.

На обратном пути я занялся охотой на рябчиков и подошел к биваку с другой стороны. Дым от костра, смешанный с паром, густыми клубами валил из палатки. Там шевелились люди; вероятно, их разбудили мои выстрелы.

Напившись чаю и обувшись потеплее, стрелки весьма быстро сняли палатку и увязали нарты. Через какие-нибудь полчаса мы были уже в дороге. Солнце взошло в туманной мгле, холодное и багровое. Начался очередной день.

К зиме в Зауссурийском крае количество пернатых сильно сократилось. Чаще всего встречались клесты — пестрые миловидные птички с клювами, половинки которых заходят друг за друга. Они собирались в маленькие стайки, причем красного цвета самцы держались особняком от желто-серых самок. Клесты часто спускались вниз, что-то клевали на земле и подпускали к себе так близко, что можно было в деталях рассмотреть их оперение. Даже будучи вспугнуты, они не отлетали далеко, а садились тут же, где-нибудь поблизости. Затем, в порядке уменьшения особей, следует указать на поползней. Я узнал их по окраске и по голосу, похожему на тихий писк. В одном месте я заметил двух японских корольков. Эти маленькие птички прятались от ветра в еловых ветвях. Там и сям мелькали пестрые дятлы с белым и черным оперением и с красным надхвостием. Для этих задорных и крикливых птиц, казалось, не страшны были холод и ветер. Рыжие сойки, крикливые летом и молчаливые зимой, тоже забились в самую чащу леса. Увидя нас, они принимались пронзительно кричать, извещая своих товарок о грозящей опасно-

сти. Попадались также большеклювые вороны и какие-то дневные хищники, которых за дальностью расстояния рассмотреть не удалось. По проталинам, на протоках реки, раза два мы спугнули белых крохалей. Они держались парами,— вероятно, самцы и самки.

Часа в четыре мы дошли до ключика Олосо. Отсюда начались гари. Дальше в этот день мы не пошли; выбрав небольшой островок, мы залезли в самую чащу и там уютно устроились на биваке.

Вечером стрелки рассказывали друг другу разные страхи, говорили о привидениях, домовых, с кем что случилось и кто что видел.

Странное дело: стрелки верили в существование своих чертей, но в то же время с недоверием и с насмешками относились к чертям туземцев... То же самое и в отношении религии: я неоднократно замечал, что туземцы к чужой религии относятся гораздо терпимее, чем европейцы. У первых невнимание к чужой религии никогда не заходит дальше равнодушия. Это можно было наблюдать и у Дерсу. Когда стрелки рассказывали разные диковинки, он слушал, спокойно курил трубку, и на лице его нельзя было заметить ни улыбки, ни веры, ни сомнения.

Утром 6-го декабря мы встали до света. Термометр показывал —21 °С. С восходом солнца ночной ветер начал стихать, и от этого как будто стало теплее.

Раньше, когда долина Кусуна была покрыта лесом, здесь водилось много соболей. Теперь это — пустыня. На горах выросли осинники и березняки, а места поемных лесов заняли тонкоствольные тальники, ольховники и молодая лиственница.

В этот день мы дошли до устья реки Буй, которую китайцы называют Уленгоу. Тут мы должны были расстаться с Кусуном и повернуть к Сихотэ-Алиню.

Около устья Уленгоу жил удэхеец Сунцай. Это был типичный представитель своего народа. Он унаследовал от отца шаманство. Жилище его было обставлено множеством бурханов. Кроме того, он славился как хороший охотник и ловкий, энергичный и сильный плаватель на лодках по быстринам реки. На мое предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня Сунцай охотно согласился, но при условии, если я у него простою один день. Он говорил, что ему нужно отправить своего брата на охоту, излечить больную старуху-мать и снарядиться самому в далекий путь.

Его матери было лет пятьдесят. Она являлась хранительницей древних обычаев и традиций, знала много

сказаний, знала, в каких случаях какой налагается штраф (байта), и считалась авторитетной в решении спорных вопросов о калыме при заключении или расторжении браков.

Я согласился пробыть в доме Сунцая весь следующий день и не раскаялся. Сам хозяин и его мать оказались довольно общительными, и потому мне удалось узнать много интересного из шаманства и записать несколько сказок.

Вечером он угостил нас строганиной. На стол была подана целая замороженная рыба. Это оказался ленок, по размерам немного уступающий молодой горбуше. Мы отбросили предубеждения европейцев к сырой рыбе и оказали ей должное внимание за ужином.

XX
ЧЕРЕЗ СИХОТЭ-АЛИНЬ

Река Уленгоу.— Гарь.— Наледи.— Перевал Маака.— Восточный склон Сихотэ-Алиня.— Дикушка.— Метель.— Брошенная юрта.— Изгнание «черта»

Следующие четыре дня (с 9 по 12 декабря) мы употребили на переход по реке Уленгоу. Река эта берет начало с хребта Сихотэ-Алиня и течет к юго-востоку.

Вследствие из года в год не прекращающихся пожаров лес на горах совершенно уничтожен. Он сохранился только по обоим берегам реки и на островах между протоками.

Глядя на замерзшие протоки, можно подумать, что Уленгоу и летом богата водой. На самом деле это не так. Сбегающая с гор вода быстро скатывается вниз, не оставляя позади себя особенно заметных следов. Зимой же совсем другое. Вода заполняет ямы, рытвины, протоки и замерзает. Поверх льда появляются новые наледи, которые все увеличиваются и разрастаются вширь, что в значительной степени облегчало наше передвижение. На больших реках буреломный лес уносится водой, в малых же речках он остается лежать там, где упал. Зная это, мы захватили с собой несколько топоров и две поперечных пилы. При помощи их стрелки быстро разбирали завалы и прокладывали дорогу.

Чем ближе мы продвигались к перевалу, тем больше становилось наледей. Такие места видны издали по поднимающимся от них испарениям. Чтобы обойти наледи, надо взбираться на косогоры. На это приходится тратить много сил и времени. Особенно надо остерегаться, чтобы не промочить ног. В этих случаях незаменимой является туземная обувь из рыбьей кожи, сшитая жильными нитками.

Здесь с нами случилось маленькое происшествие, которое задержало нас почти на целый день. Ночью мы не заметили, как вода подошла к биваку. Одна нарта вмерзла в лед. Пришлось ее вырубать топорами, потом оттаивать полозья на огне и исправлять поломки. Наученные опытом, дальше на биваках мы уже не оставляли нарты на льду, а ставили их на деревянные катки.

С каждым днем идти становилось все труднее и труднее. Мы часто попадали то в густой лес, то в каменистые россыпи, заваленные буреломом. Впереди с топорами в руках шли Дерсу и Сунцай. Они рубили кусты и мелкие деревья там, где они мешали проходу нарт, или клали их около рытвин и косогоров в таких местах, где нарты могли опрокинуться.

Чем дальше мы углублялись в горы, тем снега было больше. Всюду, куда ни глянешь, чернели лишенные коры и ветвей обгоревшие стволы деревьев. Весьма печальный вид имеют эти гари. Нигде ни единого следа, ни одной птицы...

Я, Сунцай и Дерсу шли впереди; стрелки подвигались медленно. Сзади слышались их голоса. В одном месте я остановился для того, чтобы осмотреть горные породы, выступающие из-под снега. Через несколько минут, догоняя своих приятелей, я увидел, что они идут нагнувшись и что-то внимательно рассматривают у себя под ногами.

— Что такое? — спросил я Сунцая.

— Один китайский люди три дня назад ходи,— отвечал Дерсу,— наша след его найди.

Действительно, кое-где чуть-чуть виднелся человеческий след, совсем почти запорошенный снегом. Дерсу и Сунцай заметили еще одно обстоятельство: они заметили, что след шел неровно, зигзагами, что китаец часто садился на землю и два бивака его были совсем близко один от другого.

— Больной,— решили они.

Мы прибавили шагу. Следы все время шли по реке. По ним видно было, что китаец уже не пытался перелезать через бурелом, а обходил его стороною. Так прошли мы еще с полчаса. Но вот следы круто повернули в сторону. Мы направились по ним. Вдруг с соседнего дерева слетели две вороны.

— А-а! — сказал, остановившись, Дерсу.— Люди помирай есть.

Действительно, шагах в пятидесяти от речки мы увидели китайца. Он сидел на земле, прислонившись к дереву, локоть правой руки его покоился на камне, а голова склонилась в левую сторону. На правом плече сидела ворона. При нашем появлении она испуганно снялась с покойника.

Глаза умершего были открыты и запорошены снегом. Из осмотра места вокруг усопшего мои спутники выяснили, что когда китаец почувствовал себя дурно, то решил стать на бивак, снял котомку и хотел было ставить палатку, но силы оставили его, он сел под дерево и там скончался. Маньчжур Чи Ши-у, Сунцай и Дерсу остались хоронить китайца, а мы пошли дальше.

Целый день мы работали не покладая рук, даже не останавливаясь на обед, и все же прошли не более десяти верст. Бурелом, наледи, кочковатые болота, провалы между камней, занесенные снегом, создавали такие препятствия, что за восемь часов пути нам удалось сделать только $4^1/_4$ версты, что составляет в среднем 281 сажень в час. К вечеру мы подошли к гребню Сихотэ-Алиня. Барометр показывал 700 метров.

Следующий день был 14-е декабря. Утро было тихое и морозное. Солнце взошло красное и долго не давало тепла. На вершинах гор снег окрасился в нежно-розовый цвет, а в теневых местах имел синеватый оттенок.

Осматривая окрестности, я заметил в стороне густые клубы пара, подымавшегося с земли.

Я кликнул Дерсу и Сунцая и отправился туда узнать, в чем дело.

Это оказался железисто-сернисто-водородный теплый ключ. Окружающая его порода — красного цвета; накипь белая, известковая; температура воды +27 °С. Туземцам хорошо известен теплый ключ на Уленгоу как место, где всегда держатся лоси, но от русских они его тщательно скрывают.

От горячих испарений источника все заиндевело: камни, кусты лозняка и лежащий на земле валежник покрылись причудливым узором, блиставшим на солнце, словно алмазы. К сожалению, из-за холода я не мог взять с собой воды для химического анализа.

Пока мы ходили к теплому источнику, стрелки успели снять палатку и связать спальные мешки.

Сразу же с бивака мы начали подъем на Сихотэ-Алинь. Сначала мы перенесли на вершину его все грузы, а затем втащили пустые нарты.

На самом перевале стояла маленькая китайская кумирня со следующей надписью: «Си-жи Циго вей да-суай. Цзинь цзай да цинь чжей шай лин» («В древности в государстве Ци был главнокомандующим; теперь при Да-Циньской династии охраняет леса и горы»).

С восточной стороны подъем на Сихотэ-Алинь очень крутой. Истоки реки Уленгоу представляют из себя несколько мелких ручьев, сливающихся в одно место. Эти овраги делают местность чрезвычайно пересеченной.

По барометрическим измерениям, приведенным к уровню моря, абсолютная высота перевала измеряется в 820 метров. Я назвал его именем Маака, работавшего в 1855 году в Амурском крае.

Восточный склон Сихотэ-Алиня совершенно голый. Трудно представить себе местность более неприветливую, чем истоки реки Уленгоу. Даже не верится, чтобы здесь был когда-нибудь живой лес. Немногие деревья остались стоять на своих корнях. Сунцай говорил, что раньше здесь держалось много лосей, отчего и река получила название Буй, что значит сохатый; но с тех пор, как выгорели леса, все звери ушли, и вся долина Уленгоу превратилась в пустыню.

Солнце прошло по небу уже большую часть своего пути, когда стрелки втащили на перевал последнюю нарту.

Увязав нарты, мы тотчас тронулись в путь.

Лес, покрывающий Сихотэ-Алинь, мелкий, старый, дровяного характера. Выбор места для бивака в таком лесу всегда доставляет много затруднений: попадешь или на камни, опутанные корнями деревьев, или на валежник, скрытый под мхом. Еще больше забот бывает с дровами. Для горожанина покажется странным, как можно идти по лесу и не найти дров... А между тем это так. Ель, пихта и лиственница бросают искры; от них горят палатки, одежда и одеяла. Ольха — дерево мозглое, содер-

жит много воды и дает больше дыму, чем огня. Остается только береза. Но среди хвойного леса на Сихотэ-Алине она попадается только одиночными деревьями. Сунцай, знавший хорошо эти места, скоро нашел все, что нужно было для бивака. Тогда я подал сигнал к остановке.

Стрелки стали ставить палатки, а мы с Дерсу пошли на охоту, в надежде, не удастся ли где-нибудь подстрелить сохатого.

Недалеко от бивака я увидел трех птиц, похожих на рябчиков. Они ходили по снегу и мало обращали на нас внимания. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня.

— Не надо, не надо,— сказал он торопливо.— Их можно так бери.

Меня удивило то, что он подходил к птицам без опаски, но я еще более удивился, когда увидел, что птицы не боялись его и, словно домашние куры, тихонько, не торопясь, отходили в сторону. Наконец мы подошли к ним сажени на две. Тогда Дерсу взял свой нож и, нимало не обращая на них внимания, начал рубить молоденькую елочку, потом очистил ее от сучков и к концу привязал веревочную петлю. Затем он подошел к птицам и надел петлю на голову одной из них. Пойманная птица забилась и стала махать крыльями. Тогда две другие птицы, воображая, что надо лететь, поднялись с земли и сели на растущую вблизи лиственницу: одна на нижнюю ветку, другая — у самой вершины. Полагая, что птицы теперь сильно напуганы, я хотел было стрелять, но Дерсу опять остановил меня, сказав, что на дереве их ловить еще удобнее, чем на земле. Он подошел к лиственнице и тихонько поднял палку, стараясь не шуметь. Надевая петлю на шею нижней птице, он по неосторожности задел ее палкой по клюву. Птица мотнула головой, поправилась и опять стала смотреть в нашу сторону. Через минуту она беспомощно билась на земле. Третья птица сидела так высоко, что достать ее с земли было нельзя. Дерсу полез на дерево. Лиственница была тонкая, жидкая. Она сильно качалась. Глупая птица, вместо того чтобы улететь, продолжала сидеть на месте, крепко ухватившись за ветку своими ногами, и балансировала, чтобы не потерять равновесие. Как только Дерсу мог достать ее палкой, он накинул ей петлю на шею и стащил книзу. Таким образом, мы поймали всех трех птиц, не сделав ни одного выстрела. Тут только я заметил, что они были крупнее рябчиков и имели более темное оперение. Кроме того, у самца были еще красные брови над глазами, как у тетере-

вов. Это оказалась «дикушка», обитающая в Уссурийском крае исключительно только в хвойных лесах Сихотэ-Алиня, к югу до истоков Арму. Она совершенно не оправдывает названия, данного ей староверами. Быть может, они назвали ее так потому, что она живет в самых диких и глухих местах. Исследования зоба дикушки показали, что она питается еловыми иглами и брусникой.

Когда мы подходили к биваку, были уже глубокие сумерки. Внутри палатки горел огонь, и от этого она походила на большой фонарь, в котором зажгли свечу. Дым и пар, освещенные пламенем костра, густыми клубами взвивались кверху. В палатке двигались черные тени: я узнал Захарова с чайником в руках и маньчжура Чи Ши-у с трубкой во рту.

Вечером мы отпраздновали переход через Сихотэ-Алинь. На ужин были поданы дикушки, потом сварили шоколад, пили чай с ромом, а перед сном я рассказал стрелкам одну из страшных повестей Гоголя.

Утром мы сразу почувствовали, что Сихотэ-Алинь отделил нас от моря: термометр на рассвете показывал —29 °С. Здесь мы расстались с Сунцаем. Дальше мы могли идти сами; течение воды в реке должно было привести нас к Бикину. Тем не менее Дерсу обстоятельно расспросил его о дороге.

Когда взошло солнце, мы сняли палатки, уложили нарты, оделись потеплее и пошли вниз по реке Ляоленгоузе, имеющей вид порожистой горной речки с руслом, заваленным колодником и камнями.

С утра погода хмурилась. Воздух был наполнен снежной пылью. С восходом солнца поднялся ветер, который к полудню сделался чрезвычайно порывистым. По реке кружились снежные вихри; они зарождались неожиданно, словно сговорившись, бежали в одну сторону и так же неожиданно пропадали. Могучие кедры глядели сурово и, раскачиваясь из стороны в сторону, гулко шумели, словно роптали на непогоду.

При морозе идти против ветра очень трудно. Мы часто останавливались и грелись у огня. В результате за целый день нам удалось пройти не более десяти верст. Заночевали мы в том месте, где река разбивается сразу на три протоки.

Следующие пять дней мы употребили на переход по рекам Мыче и Бягаму без особых приключений и 20-го числа достигли Бикина.

Невдалеке от устья реки Бягаму стояла одинокая удэхейская юрта. Видно было, что в ней давно уже никто не

жил. Такие брошенные юрты в представлении туземцев всегда служат обиталищем чертей.

По времени нам пора было устраивать бивак. Я хотел было войти в юрту, но Дерсу просил меня подождать немного. Он накрутил на палку бересту, зажег ее и, просунув факел в юрту, с криками стал махать им во все стороны. Захаров и Аринин смеялись, а он серьезно говорил им, что, как только огонь вносится в юрту, черт вместе с дымом вылетает через отверстие в крыше. Только тогда человек может войти в нее без опаски.

Стрелки вымели из юрты мусор, полотнищем палатки завесили вход и развели огонь. Сразу стало уютно. Кругом разлилась приятная теплота.

Поздно вечером стрелки опять рассказывали друг другу страшные истории — говорили про мертвецов, кладбища, пустые дома и привидения. Вдруг что-то сильно бухнуло на реке — точно выстрел из пушки. Рассказчик прервал свою речь на полуслове. Все испуганно переглянулись.

— Лед треснул,— сказал Захаров.

Дерсу повернул голову в сторону шума и громко закричал что-то на своем языке.

— Кому ты кричишь? — спросил я его.

— Наша прогнал черта из юрты, теперь его сердится — лед ломает,— отвечал гольд.

И, высунув голову за полотнище палатки, он опять стал громко говорить кому-то в пространство:

— Все равно наша не боится. Тебе надо другой место ходи. Там, выше, еще есть одна пустая юрта.

Когда Дерсу вернулся на свое место, лицо его было опять равнодушно-сосредоточенное. Стрелки фыркали в кулак, а между тем со своими домовыми они так же были наивны, как и Дерсу со своим чертом.

В это время где-то далеко снова треснул лед.

— Уехал,— сказал Дерсу довольным тоном и махнул рукой в сторону шума.

Я оделся и вышел из юрты. Ночь была ясная. По чистому, безоблачному небу плыла полная луна. Снег искрился на льду, и от этого казалось еще светлее. В ночном воздухе воцарилось спокойствие...

Покончив с работой, я еще раз напился чаю, завернулся в одеяло и, повернувшись спиной к огню, сладко уснул.

XXI
ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

Зимняя охота на кабанов.— Вечеринка в юрте.— Представления туземцев о расстояниях.— Елка в лесу.— Игры на льду.— Лотерея

Как и надо было ожидать, к рассвету мороз усилился до —32 °C. Чем дальше мы отходили от Сихотэ-Алиня, тем ниже падала температура. Известно, что в прибрежных странах очень часто на вершинах гор бывает теплее, чем в долинах. Очевидно, с удалением от моря мы вступили в «озеро холодного воздуха», наполнившего долину реки Уссури.

С восходом солнца мы тронулись в путь.

От устья Бягаму до железной дороги около 350 верст.

Немного ниже Лаохозена находится небольшое удэхейское стойбище, носящее то же название и состоящее из трех юрт.

Мы подошли к нему в сумерки. Появление партии неизвестных людей откуда-то «сверху» напугало туземцев, но, узнав, что в отряде есть Дерсу, они сразу успокоились и приняли нас очень радушно. На этот раз палаток мы не ставили и разместились в юртах.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки и казаки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночевка в лесу. Поэтому я решил сделать у туземцев дневку. Узнав об этом, стрелки в юртах стали располагаться на широких квартирах. Бивачные работы отпадали: не нужно было рубить хвою, таскать дрова и т. д. Они разулись и сразу приступили к варке ужина.

В сумерки возвратились с охоты двое юношей-удэхейцев и сообщили, что недалеко от стойбища они нашли следы кабанов и завтра намерены устроить на них облаву. Охота обещала быть очень интересной, и я решил пойти вместе с ними.

С вечера удэхейцы стали готовиться. Они перетянули ремни у лыж и подточили копья.

Так как завтра выступление было назначено до восхода солнца, то после ужина все рано легли спать.

Было еще темно, когда я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Туземцы уже приготовились; задержка была только за мной. Я быстро оделся, напился чаю и вместе с ними вышел на берег реки.

Удэхейцы шли впереди, а я следом за ними. Пройдя немного по реке Лаохозен, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились с него в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Поговорив немного, они снова пошли вперед, но уже тише, без разговоров.

Через полчаса стало совсем светло. Солнечные лучи, осветившие вершины гор, известили обитателей леса о наступлении дня. В это время мы как раз дошли до того места, где юноши накануне видели следы кабанов.

Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днем, а ночью кормятся. Зимой обратно: днем они бодрствуют, а на ночь ложатся. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко.

Началось преследование.

Я первый раз в жизни видел, как быстро туземцы ходят по лесу на лыжах. Вскоре я начал отставать от удэхейцев и затем потерял их из виду совсем. Бежать за ними вдогонку не имело смысла, и потому я пошел по их лыжнице не торопясь. Так прошел я, вероятно, с полчаса, наконец устал и сел отдохнуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцой перебегающих мне дорогу. Я быстро поднял ружье и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не найдя крови на следах, я решил их преследовать. Минут через пятнадцать или двадцать я снова догнал кабанов. Они, видимо, устали и шли с трудом по глубокому снегу. Вдруг животные почуяли опасность и оба разом, словно по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как двигали они челюстями, и по звуку, который долетал до меня, я понял, что они подтачивали клыки.

Глаза животных горели, ноздри были раздуты, уши насторожены. Будь один кабан, я, может быть, стрелял бы; но передо мной было два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать другого, более удобного случая. Кабаны перестали щелкать клыками; они подняли кверху свои морды и стали усиленно нюхать воздух, затем медленно повернулись и пошли дальше. Тогда я обошел стороной и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, затем издали короткий рев и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырех удэхейцев. По выражению их лиц я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним и пошел сзади. Дикие свиньи далеко уйти не могли. Они остановились и приготовились к обороне. Туземцы обошли их кругом и стали сходиться к центру. Это заставило кабанов вертеться то в одну, то в другую сторону. Наконец они не выдержали и бросились вправо. С удивительной ловкостью удэхейцы ударили их копьями. Одному кабану удар пришелся прямо под лопатку, а другой был ранен в шею. Этот последний ринулся вперед. Молодой удэхеец старался сдержать его копьем, но в это время послышался короткий сухой треск. Древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал вперед. Кабан метнулся в мою сторону. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил почти в упор. Случайно пуля попала прямо в голову зверя. Тут только я заметил, что удэхеец, у которого кабан сломал копье, сидел на снегу и зажимал рукой на ноге рану, из которой обильно текла кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэхейцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с больным, другой отправился за нартами, а остальные снова пошли на охоту.

Поранение охотника не вызвало на стойбище тревоги: жена смеялась и подшучивала по адресу мужа. Случаи эти так часты, что на них никто не обращает внимания. На теле каждого мужчины всегда можно найти следы кабаньих клыков и когтей медведя.

За день стрелки исправили поломки у нарт, удэхейские женщины починили им унты и одежду. Чтобы облегчить людей, я нанял двух человек с нартами и собаками проводить нас до следующего стойбища.

На другой день, 23 декабря, мы продолжали наш путь.

Дальше река Бикин течет по-прежнему на северо-запад. Долина ее то суживается до ста саженей, то расширяется до трех и более верст.

Около устья реки Давасигчи есть еще одно удэхейское стойбище из четырех юрт. Мужчины все были на охоте, дома остались только женщины и дети. Я рассчитывал сменить тут проводников и нанять других, но из-за отсутствия мужчин это оказалось невозможным. К моей радости, лаохозенские удэхейцы согласились идти с нами дальше.

После полудня мы миновали еще одно стойбище — Канготу. Здесь мы расстались с маньчжуром Чи Ши-у. Я снабдил его деньгами и продовольствием.

24-го декабря был канун рождественских праздников. Тем не менее я пошел дальше и только на бивак решил стать пораньше.

От Канготу Бикин начинает склоняться к юго-западу. По сторонам в горах видны превосходные кедровые леса, зато в долине хвойные деревья постепенно исчезают, а на смену им выступают лиственные породы, любящие илистую почву и обилие влаги.

Животное население этих лесов весьма разнообразно. Тут водятся: тигр, рысь, дикая кошка, белка, бурундук, изюбр, козуля, кабарга, росомаха, соболь, хорек и летяга. Белогрудый медведь встречается по нижнему течению Бикина только до реки Хабагоу; выше будут владения бурого медведя. Когда бывает урожай кедровых орехов, то кабаны подымаются до реки Бягаму, если же кедровых орехов уродится мало, то они спускаются книзу, за скалы Сигонку-Гуляни.

Бикин по справедливости считается одной из самых рыбных рек в крае. В нем во множестве водятся: вверху — хариус и ленок, по протокам в тинистых водах — сазан, налим и щука, а внизу, ближе к устью,— таймень и сом. Кета подымается почти до самых истоков.

Около скал Сигонку стояли удэхейцы. От них я узнал, что на Бикине кого-то разыскивают и что на розыски пропавших выезжал пристав, но вследствие глубокого снега возвратился обратно. Я тогда еще не знал, что это касалось меня.

По рассказам туземцев, дальше было еще две пустых юрты. В этом покинутом стойбище я решил провести рождественские праздники.

— В каком это месте? — спросил я удэхейцев.

— Бейсилаза-датани,— отвечал один из них.

— Сколько верст? — спросил его Захаров.

— Две,— отвечал удэхеец уверенно.

Я попросил его проводить нас, на что он охотно согласился. Мы купили у них сохатиного мяса, рыбы, медвежьего сала и пошли дальше.

Пройдя три версты, я спросил проводника, далеко ли до юрты.

— Недалеко,— отвечал он.

Однако мы прошли еще четыре версты, а стойбище, как заколдованное, уходило от нас все дальше и дальше. Пора было становиться на бивак, но обидно было копаться в снегу и ночевать по соседству с юртами. На все вопросы, далеко ли еще, удэхеец отвечал коротко:

— Близко.

За каждым изгибом реки я думал, что увижу юрты, но поворот следовал за поворотом, мыс за мысом, а стойбища нигде не было видно. Так прошли мы еще верст восемь. Вдруг меня надоумило спросить проводника, сколько верст еще осталось до Бейсилаза-датани.

— Семь,— отвечал он тем же уверенным тоном.

Стрелки так и сели и начали ругаться. Оказалось, что наш проводник не имел никакого понятия о верстах. Об этом туземцев никогда не следует спрашивать. Они меряют расстояние временем: полдня пути, один день, двое суток и т. д.

Тогда я подал сигнал к остановке. Удэхеец говорил, что юрты совсем близко, но никто ему уже не верил. Стрелки принялись спешно разгребать снег, таскать дрова и ставить палатки. Мы сильно запоздали; сумерки застали нас за работой. Несмотря на это, бивак вышел очень удобный.

Вечером я угостил своих спутников ромом и шоколадом. Потом я рассказал им о жизни в Древнем Риме, о Колизее и гладиаторах, которые своими страданиями должны были увеселять развращенную аристократию.

Стрелки слушали меня с глубоким вниманием.

Потом я показывал им созвездия на небе. Днем, при солнечном свете, мы видим только землю, ночью мы видим весь мир. Словно блестящая световая пыль была рассыпана по всему небосклону. От тихих сияющих звезд, казалось, нисходил на землю покой, и потому в природе было все так торжественно и тихо.

Еще при отъезде из г. Владивостока я захватил с собой елочные украшения: хлопушки, золоченые орехи, подсвечники с зажимами, золотой дождь, парафиновые свечи, фигурные пряники и т. п. и подарки: серебряную рюмку, перочинный нож в перламутровой оправе, янтарный мунд-

штук и т. д. Все это я хранил в коллекционных ящиках и берег для праздника.

Около нашей палатки росла небольшая елочка. Мы украсили ее бонбоньерками и ледяными сосульками.

Днем на реке были устроены игры. К вбитому в лед колу привязали две веревки, концы их прикрепили к поясам двух человек и завязали им глаза. Одному в руки был дан колокольчик, а другому — жгут из полотенца. Сущность игры заключалась в том, что один должен был звонить в колокольчик и уходить, а другой подкрадываться на звук и бить звонаря жгутом.

Игра эта увлекла всех. Туземцы смеялись до упаду и катались по земле так, что я не на шутку стал опасаться за их здоровье.

Когда стемнело, я велел зажечь бенгальские огни. Вечер был ясный и тихий.

При розыгрыше подарков Дерсу выиграл трубку; это вышло как раз кстати. Затем были розданы сласти. Все были довольны и веселы. Пение стрелков далеко разносилось по реке, будило эхо и лесных зверей.

Около полуночи стрелки ушли в палатки и, лежа на сухой траве, рассказывали друг другу анекдоты, острили и смеялись. Мало-помалу голоса их стали затихать, реплики становились все реже и реже. Стрелок Туртыгин пробовал было возобновить разговор, но ему уже никто не отвечал.

Скоро дружный храп возвестил о том, что все уснули.

XXII
НАПАДЕНИЕ ТИГРА

Размен денег.— Таза Китенбу.— Непогода.— Бивак в снегу.— Буря.— Кабаны.— Тревожная ночь.— Тигр.— Рассвет.— Преследование зверя.— Следы.— Возвращение на бивак.— Росомахи

Утром я отпустил туземцев. Тут случилось довольно забавное происшествие. Я дал им каждому по десять рублей: одному десять рублей бумажкой, а другому — две пятирублевых. Тогда первый обиделся. Я думал, что он недоволен платой, и указал ему на товарища, который явно высказывал удовлетворение. Оказалось совсем иное: удэхеец обиделся на то, что я дал ему одну бумажку, а товарищу — две. Я забыл, что они не разбираются в деньгах. Желая доставить удовольствие второму, я дал ему взамен десятирублевой бумажки три трехрублевые и одну рублевую. Тогда обиделся тот, у которого были две пятирублевые бумажки. Чтобы помирить их, пришлось дать тому и другому бумажки одинакового достоинства. Надо было видеть, с каким довольным видом они отправились восвояси.

После дневки у всех было хорошее настроение; люди шли бодро и весело.

За день мы прошли верст восемнадцать и стали биваком около речки Катэтабауни, которая длиною верст десять. Здесь будет самый близкий перевал на реку Хор. Немного выше речки Гуньето можно видеть скалы Сигонку-Гуляни — излюбленное место удэхейских шаманов; тут же приютились три юрты и одна фанза, называемая Сидунгоу, в которой жили два старика: один из них был таза, другой китаец-соболевщик. Хозяева фанзочки оказались весьма гостеприимными.

Мне очень хотелось подняться на Хорский перевал. Я стал расспрашивать о дороге. Таза Китенбу (так звали нашего нового знакомого) изъявил согласие быть проводником. Ему, вероятно, было около шестидесяти лет. В волосах на голове у него уже показались серебряные нити, и лицо покрылось морщинами. По внешнему виду он нисколько не отличался от китайцев. Единственным доказательством его туземного происхождения было его собственное заявление. Он рассказывал, что ранее жил на Уссури, но, потесненный русскими переселенцами, перекочевал на реку Бикин, где и живет уже более десяти лет.

Китенбу тотчас же стал собираться. Он взял с собой заплатанное одеяло, козью шкурку и старую, много раз чиненную берданку; я взял чайник, записную книжку и спальный мешок, а Дерсу — полотнище палатки, трубку и продовольствие.

Кроме нас троих, в отряде было еще два живых существа: моя собака Альпа и другая, принадлежащая тазу, серенькая остромордая собачка со стоячими ушами, с кличкой «Кады».

С утра стояла хорошая погода. Мы рассчитывали, что к вечеру успеем дойти до зверовой фанзы по ту сторону водораздела. Однако нашим мечтаниям не суждено было сбыться. После полудня небо стало заволакиваться слоистыми облаками; вокруг солнца опять появились круги, и вместе с тем начал подыматься ветер. Я хотел уже было повернуть назад, но Дерсу успокоил меня, сказав, что пурги не будет, будет только сильный ветер, который назавтра прекратится. Так оно и случилось. Часа в четыре пополудни солнце скрылось, и не разберешь — в тучах или в тумане. Воздух был наполнен сухой снежной пылью — мело... Поднявшийся ветер дул нам навстречу и, как ножом, резал лицо. Когда начало смеркаться, мы были как раз на водоразделе. Здесь Дерсу остановился и стал о чем-то совещаться со стариком-тазой. Подойдя к ним, я узнал, что старик-таза немного сбился с дороги. Из опасения заблудиться они решили заночевать под открытым небом.

— Капитан,— обратился ко мне Дерсу,— сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

— Хорошо,— сказал я,— давайте выбирать место.

Оба мои спутника еще поговорили между собою и, отойдя в сторону шагов двадцать, начали снимать котомки.

Место для бивака было выбрано нельзя сказать чтобы удачное. Это была плоская седловина, поросшая густым лесом. В сторону от нее тянулся длинный отрог, оканчива-

ющийся небольшой конической сопкой. По обеим сторонам седловины были густые заросли кедровника и еще какого-то кустарника с неопавшей сухой листвою. Мы нарочно зашли в самую чащу его, чтобы укрыться от ветра, и расположились у подножья огромного кедра высотою, вероятно, метров в двадцать. Дерсу взял топор и пошел за дровами, старик-таза начал резать хвою для подстилки, а я принялся раскладывать костер.

Только к шести с половиною часам мы покончили бивачные работы и сильно устали. Когда вспыхнул огонь, на биваке стало сразу уютнее. Теперь можно было переобуться, обсушиться и подумать об ужине. Через полчаса мы пили чай и толковали о погоде.

Моя Альпа не имела такой теплой шубы, какая была у Кады. Она прозябла и, утомленная дорогой, сидела у огня, зажмурив глаза, и, казалось, дремала. Тазовская собака, с малолетства привыкшая к разного рода лишениям, мало обращала внимания на невзгоды походной жизни. Свернувшись калачиком, она легла в стороне и тотчас уснула. Снегом всю ее запорошило. Иногда она вставала, чтобы встряхнуться, затем, потоптавшись немного на месте, старалась согреть себя дыханием.

Дерсу всегда жалел Альпу и каждый раз, прежде чем разуться, делал ей из еловых ветвей и сухой травы подстилку. Если поблизости не было ни того, ни другого, он уступал ей свою куртку, и Альпа понимала это. На привалах она разыскивала Дерсу, прыгала около него, трогала его лапами и всячески старалась обратить на себя внимание. И как только Дерсу брался за топор, она успокаивалась и уже терпеливо дожидалась его возвращения с охапкой еловых веток.

Сами мы были утомлены не меньше, чем собаки, и потому тотчас после чая, подложив побольше дров в костер, стали укладываться на боковую.

Расположились мы у огня каждый в отдельности. С подветренной стороны расположился я, Дерсу поместился сбоку. Он устроил себе нечто вроде палатки, а на плечи набросил шинель. Старик-таза тоже поместился у подножья кедра, прикрывшись одеялом. Он взялся окарауливать бивак и поддерживать огонь всю ночь. Нарубив еловых веток, я разостлал на них свой мешок и устроился очень удобно. С одной стороны от ветра меня защищала валежина, а с другой — горел огонь.

В большом лесу во время непогоды всегда жутко. Так и кажется, что именно то дерево, под которым спишь, упа-

дет на тебя и раздавит. Несмотря на усталость, я долго не мог уснуть.

Кто-то привел ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на все, что попадалось ему на пути. Особенно сильно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, потом убегал прочь и жалобно выл в стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую средину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это не удавалось. Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Мне пришло на память стихотворение Пушкина «Метель», потом я вспомнил пургу около озера Ханка и снежную бурю при переходе через Сихотэ-Алинь в прошлом году. Я слышал, как таза подкладывал дрова в огонь и как шумело пламя костра, раздуваемое ветром. Потом все перепуталось, и я задремал. Около полуночи я проснулся. Дерсу и Китенбу не спали и о чем-то говорили между собой. По интонации голосов я догадался, что они чем-то встревожены.

Должно быть, кедр качается и грозит падением,— мелькнуло у меня в голове.

Быстро я сбросил с головы покрышку спального мешка и спросил, что случилось.

— Ничего, ничего, капитан,— отвечал мне Дерсу; но я заметил, что говорил он неискренно. Ему просто не хотелось меня беспокоить.

На биваке костер горел ярким пламенем. Дерсу сидел у огня и, заслонив рукой лицо от жара, поправлял дрова, собирая уголья в одно место; старик Китенбу гладил свою собаку; Альпа сидела со мной и, видимо, дрожала от холода.

Дрова в костре горели ярко. Черные тени и красные блики двигались по земле, сменяя друг друга: они то удалялись от костра, то приближались к нему вплотную и прыгали по кустам и снежным сугробам.

— Ничего, капитан,— сказал мне опять Дерсу.— Твоя можно спи. Наша так — сам говори.

Я не заставил себя упрашивать, закрылся опять с головой и заснул.

Приблизительно через полчаса я снова проснулся. Меня разбудили голоса.

«Что-то неладно»,— подумал я и вылез из мешка.

Буря понемногу стихала. На небе кое-где показались звезды. Каждый порыв ветра сыпал на землю сухой снег с таким шумом, точно это был песок. Около огня я увидел своих приятелей. Таза был на ногах и к чему-то прислушивался. Дерсу стоял боком и, заслонив ладонью свет от костра, всматривался в темноту ночи. Собаки тоже не спали; они жались к огню, пробовали было садиться, но тотчас же вскакивали и переходили на другое место. Они что-то чуяли и смотрели в ту же сторону, куда направлены были взоры Дерсу и старика-таза.

Ветер сильно раздувал огонь, вздымал тысячи искр кверху, кружил их в воздухе и уносил куда-то в глубь леса.

— Что такое, Дерсу? — спросил я гольда.

— Кабаны ходи,— отвечал он.

— Ну, так что же?

Кабаны в лесу — это так естественно: животные шли, наткнулись на наш бивак и теперь шумно выражали свое неудовольствие.

Дерсу сделал рукой досадливый жест и сказал:

— Как тебе столько года по тайге ходи — понимай нету!.. Зимой ночью кабаны никуда не ходят.

Действительно, в той стороне, куда смотрели Дерсу и Китенбу, слышался треск ломаемых сучьев и характерное «чуханье» диких свиней. Немного не доходя до нашего бивака, кабаны спустились с седловины и обошли коническую сопку стороной.

Я размялся, и спать мне уже не хотелось.

— А почему это кабаны идут ночью? — спросил я Дерсу.

— Его напрасно ходи нету,— отвечал он.— Его другой люди гоняй.

Я подумал было, что он говорит про удэхейцев, и мысленно удивился, как ночью они ходят по тайге на лыжах. Но вдруг вспомнил, что Дерсу «людьми» называл не одних только людей, и сразу все понял: кабанов преследовал тигр. Значит, хищник был где-то поблизости от нас.

Я не стал дожидаться чаю, подтащил свой мешок поближе к огню, залез в него и опять заснул.

Мне показалось, что спал я очень долго.

Вдруг что-то тяжелое навалилось мне на грудь, и одновременно с этим я услышал визг собаки и отчаянный крик Дерсу:

— Скорей!

Быстро я сбросил с себя верхний клапан мехового мешка. Снег и сухие листья обдали мне лицо. В то же мгно-

вение я увидел, как какая-то длинная тень скользнула наискось к лесу. На груди у меня лежала Альпа.

Костер почти совсем угас: в нем тлели только две головешки. Ветер раздувал уголья и разносил искры по снегу. Дерсу сидел на земле, упершись руками в снег. Левой рукой он держался за грудь и, казалось, хотел остановить биение сердца. Таза-старик лежал ничком в снегу и не шевелился.

Несколько мгновений я не мог сообразить, что случилось и что мне надо делать. С трудом я согнал с себя собаку, вылез из мешка и подошел к Дерсу.

— Что случилось? — спросил я его, тряся за плечо.

— Амба! Амба! — испуганно закричал он.— Амба совсем наша бивак ходи. Один собака таскай.

Тут только я заметил, что нет тазовской собаки.

Дерсу поднялся с земли и стал приводить в порядок костер. Как только появился огонь, таза тоже пришел в себя; он испуганно озирался по сторонам и имел вид сумасшедшего. В другое время он показался бы смешным.

На этот раз больше всего самообладания сохранил я. Это потому, что я спал и не видел того, что тут произошло. Однако скоро мы поменялись ролями: когда Дерсу успокоился — испугался я. Кто поручится, что тигр снова не придет на бивак, не бросится на человека?..

Как все это случилось и как это никто не стрелял?

Оказалось, что первым проснулся Дерсу: его разбудили собаки. Они все время прыгали то на одну, то на другую сторону костра. Спасаясь от тигра, Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул ее и в это время увидел совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил тазовскую собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понес ее в лес. Испуганная толчком, Альпа бросилась через огонь и попала прямо ко мне на грудь. В это самое время я и услышал крик Дерсу.

Инстинктивно я схватил ружье, но не знал, куда стрелять.

Вдруг в зарослях позади меня раздался шорох.

— Здесь,— сказал шепотом таза, указывая рукой вправо от кедра.

— Нет, тут,— ответил Дерсу, указывая в сторону совершенно противоположную.

Шорох повторился, но на этот раз с обеих сторон одновременно. Ветер шумел вверху по деревьям и мешал слушать. Порой мне казалось, что я как будто действитель-

но слышу треск сучьев и вижу даже самого зверя, но вскоре убеждался, что это совсем не то: это был или колодник, или молодой ельник. Кругом была такая чаща, сквозь которую и днем-то ничего нельзя было рассмотреть.

— Дерсу! — сказал я гольду,— полезай на дерево. Тебе сверху хорошо будет видно.

— Нет,— отвечал он,— моя не могу. Моя старый люди; теперь дерево ходи совсем понимай нету.

Старик-таза тоже отказался лезть на дерево. Тогда я решил взобраться на кедр сам. Ствол его был ровный и гладкий и с подветренной стороны запорошен снегом. С большими усилиями я поднялся не более как на полтора метра. У меня скоро озябли руки, и я должен был спуститься обратно на землю.

— Не надо,— сказал Дерсу, поглядывая на небо.— Скоро ночь кончай.

Он взял винтовку и выстрелил в воздух. Как раз в это время налетел сильный порыв ветра. Звук выстрела затерялся где-то поблизости.

Мы разложили большой огонь и принялись варить чай. Альпа все время жалась то ко мне, то к Дерсу и при малейшем шуме вздрагивала и испуганно озиралась по сторонам.

Минут сорок мы еще сидели у огня и делились впечатлениями.

Наконец начало светать. По небу разлился неясный свет утра; звезды стали гаснуть, точно они уходили куда-то в глубь неба. Еще немного времени, и кроваво-красная заря показалась на востоке. Ветер стал быстро стихать, а мороз — усиливаться. Чуть лишь рассветало, Дерсу и Китенбу пошли к кустам. По следам они установили, что мимо нас прошло девять кабанов и что тигр был большой и старый. Он долго ходил около бивака и тогда только напал на собак, когда костер совсем угас.

Я предложил Дерсу оставить вещи на таборе и пойти по тигровому следу. Я думал, что он откажется, и был удивлен его согласием.

Гольд стал говорить о том, что тигру дано в тайге много корма. Этот тигр следил кабанов, но по пути увидел людей, напал на бивак их и украл собаку.

— Такой Амба можно стреляй — грех нету,— закончил он свою длинную речь.

Закусив наскоро холодным мясом и напившись горячего чаю, мы надели лыжи и пошли по тигровому следу.

Непогода совсем почти стихла. Вековые ели и кедры утратили свой белый наряд, зато на земле во многих местах

намело большие сугробы. По ним скользили солнечные лучи, и от этого в лесу было светло, по-праздничному.

От нашего бивака тигр шел обратно старым следом и привел нас к валежнику. Следы шли прямо под буреломом.

— Не торопись, капитан,— сказал мне Дерсу.— Прямо ходи не надо; надо кругом ходи, хорошо посмотри.

Мы стали обходить бурелом стороной.

— Уехали! — вдруг закричал Дерсу и быстро повернул в направлении нового следа.

Тут ясно было видно, что тигр долго сидел на одном месте. Под ним подтаял снег. Собаку он положил перед собою и слушал, нет ли сзади погони. Потом он понес ее дальше.

Так мы прошли еще часа два или три.

Тигр не шел прямо, а выбирал такие места, где было меньше снегу, где гуще были заросли и больше бурелома.

В одном месте он взобрался на поваленное дерево и долго стоял на нем, но вдруг чего-то испугался, прыгнул на землю и несколько саженей полз на брюхе. Время от времени он останавливался и прислушивался; когда мы приближались, тигр уходил сперва прыжками, а потом шагами и рысью.

Наконец Дерсу остановился и стал советоваться со стариком-тазом. По его мнению, надо было возвратиться назад, потому что тигр не был ранен, снег недостаточно глубок, и преследование являлось бесполезной тратой времени.

Мне казалось странным и совершенно непонятным, почему тигр не ест собаку, а тащит ее с собой. Как бы в ответ на мои мысли Дерсу сказал, что это не тигр, а тигрица и что у нее есть тигрята; к ним-то она и несет собаку. К своему логовищу она нас не поведет, а будет водить по сопкам до тех пор, пока мы от нее не отстанем. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Когда решено было возвращаться на бивак, Дерсу повернулся в ту сторону, куда ушел тигр, и закричал:

— Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри — стреляй!

После этого он закурил свою трубку и пошел назад по протоптанной лыжнице.

Немного не доходя до бивака, как-то случилось так, что я ушел вперед, а таза и Дерсу отстали. Когда я поднялся на

перевал, мне показалось, что кто-то с нашего бивака бросился под гору.

Через минуту мы подходили к табору.

Все наши вещи были разбросаны и изорваны. От моего спального мешка остались только одни клочки. Следы на снегу указывали, что такой разгром произвели две росомахи. Их-то, вероятно, я и видел при приближении к биваку.

Собрав, что можно было, мы быстро спустились с перевала и пошли назад к биваку.

Идти под гору было легко, потому что старая лыжница хотя и была запорошена снегом, но крепко занастилась. Мы не шли, а просто бежали и к вечеру присоединились к своему отряду.

XXIII
КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЮ

Ночевка в покинутом жилище.— Местность Сигоу.— Новый год.— Прием у китайцев.— Встреча с Мерзляковым.— Табандо.— Железнодорожная станция

29-го декабря мы выступили в дальнейший поход вниз по реке Бикину, который здесь течет строго на запад.

Чем ниже, тем река больше разбивается на протоки. При умении можно ими пользоваться и значительно сокращать дорогу.

Река Бикин считается самой лесистой рекой. Лесом покрыто все: горы, долины и острова. Бесконечная тайга тянется во все стороны и на сотни верст. Немудрено, что места эти в бассейне Уссури считаются также самыми зверовыми.

Около горы Бомыдинза, с правой стороны Бикина, мы нашли одну пустую удэхейскую юрту. Из осмотра ее Дерсу выяснил, почему люди покинули жилище: черт мешал им жить и строил разные козни: кто-то умер, кто-то сломал ногу, приходил тигр и таскал собак. Мы воспользовались этой юртой и весьма удобно расположились в ней на ночлег.

Стрелки пошли за дровами, а Дерсу опять принялся дымом изгонять черта из юрты. Я взял ружье и пошел вниз по реке на разведки.

С утра хмурившаяся погода разразилась крупным мокрым снегом при полном безветрии.

Громадные кедры, словно исполинские часовые, стояли теперь неподвижно и не шептались между собой.

Вечерние сумерки, хлопья снега, лениво падающего с неба, и угрюмый, молчаливый лес — все это вместе создавало картину бесконечно тоскливую...

Мимо меня бесшумно пролетела сова, испуганный заяц шарахнулся в кусты, и сова тотчас свернула в его сторону.

Я посидел немного на берегу протоки и пошел назад.

Через несколько минут я подходил к юрте. Из отверстия ее в крыше клубами валил дым с искрами, из чего я заключил, что все устроились и варили ужин.

За чаем стали опять говорить о привидениях и злых духах.

Захаров все домогался, какой черт у гольдов. Дерсу сказал, что черт не имеет постоянного облика и часто меняет «рубашку», а на вопрос, дерется ли черт с добрым богом Андури, гольд пресерьезно ответил:

— Не знаю! Моя никогда этого не видел.

После чая, когда все полегли на свои места, я еще с час работал — приводил в порядок свой дневник — и затем все покончил сном.

30-го декабря наш отряд дошел до местности Тугулу с населением из «кровосмешанных» туземцев. Чем ближе мы подвигались к реке Уссури, тем больше и больше встречалось китайцев и тем больше утрачивался тип удэхейца. Одновременно с этим стало заметно, что день удлинился и климат сделался ровнее. Сильные ветры остались позади. Барометр медленно подымался, приближаясь к 760. Утром температура стояла низкая (—30 °С), днем немного повышалась, но к вечеру опять падала до —25 °С.

Последний день 1907 года мы посвятили переходу к местности Сигоу (Западная долина), самому населенному пункту на Бикине. Здесь живут исключительно китайцы. В 1894 году в нем насчитывалось 70 человек поровну мужчин-китайцев и удэхейских женщин, отобранных за долги у туземцев. Обитатели Сигоу занимаются исканием женьшеня, охотой, соболеванием, выгонкой спирта и эксплуатацией туземцев. С большим трудом они очищают от леса участки земли и засевают их пшеницей и кукурузой.

Китайцы зарезали свинью и приготовили много вина. Они убедительно просили меня провести у них завтрашний день. Наши продовольственные запасы истощились совсем, а перспектива встретить Новый год в более культурной

обстановке, чем обыкновенный бивак, улыбалась моим спутникам. Я согласился принять приглашение китайцев, но взял со стрелков обещание, что пить много вина они не будут. Они сдержали данное слово, и я ни одного из них не видел в нетрезвом состоянии.

Следующий день был солнечный и морозный. Утром я построил свою команду и провозгласил тост за всех, кто содействовал нашей экспедиции и облегчал наши задачи. Крики «ура» разнеслись по лесу. Из соседних фанз выбежали китайцы и, узнав, в чем дело, опять пустили в ход свои трещотки.

Только что мы разошлись по фанзам и принялись за обед, как вдруг снаружи донесся звон колокольчика. Китайцы прибежали с известием, что приехал пристав. Через несколько минут кто-то в шубе ввалился в фанзу. И вдруг пристав этот превратился в А. И. Мерзлякова. Мы расцеловались. Начались расспросы. Оказалось, что он (а вовсе не пристав) хотел было идти мне навстречу, но отложил свою поездку вследствие глубокого снега.

Мой путь приближался к концу. Из Сигоу мы поехали на лошадях, пришедших вместе с А. И. Мерзляковым.

Верстах в пятнадцати от Сигоу вниз по реке Бикину встречается местность, свободная от леса и с землей, годной для обработки. Тут живут окитаившиеся гольды.

От Сигоу вниз по реке Бикину часто встречаются зимовья, построенные русскими лесопромышленниками. Зимовье от зимовья находится в расстоянии 25 верст. За день мы проехали верст пятьдесят и заночевали около устья реки Гонголауза.

3-го января мы выехали еще задолго до восхода солнца. Возчики-казаки поторапливали нас, да и всем нам одинаково хотелось добраться до железной дороги.

Когда еще далеко, то обыкновенно идешь не торопясь, но чем ближе подходишь к концу, тем больше волнуешься, начинаешь торопиться, делать промахи и часто попадаешь впросак. В таких случаях надо взять себя в руки и терпеливо работать, не уекоряя шага.

Река Алчан будет правым, самым большим и последним притоком Бикина. Там, где он ближе всего подходит к Бикину, есть переволок Табандо. Обыкновенно здесь перетаскивают лодки из одной реки в другую, что значительно сокращает дорогу и дает большой выигрыш во времени.

4-е января было последним днем нашего путешествия. Казаки разбудили меня очень рано.

Было темно, но звезды на небе уже говорили, что солнце

приближается к горизонту. Морозило... Термометр показывал —34 °С. Гривы, спины и морды у лошадей заиндевели. Когда мы тронулись в дорогу, только что начинало светать.

На переволоке было так мало снегу, что пришлось вылезть из саней и переносить на себе грузы.

Вскоре после полудня мы прибыли в казачий поселок Георгиевский, немного отдохнули у станичного атамана и отправились на станцию Уссурийской железной дороги.

После долгого питья из кружки дешевого кирпичного чая с привкусом дыма — с каким удовольствием я пил хороший чай из стакана! С каким удовольствием я сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лег в чистую постель с мягкой подушкой...

XXIV
СМЕРТЬ ДЕРСУ

В Хабаровск мы приехали 7-го января вечером. Стрелки пошли в свои роты, а я вместе с Дерсу отправился к себе на квартиру, где собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали изумленно и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни.

Я отвел ему у себя маленькую комнату, в которой поставил кровать, деревянный стол и два табурета. Последние ему, видимо, совсем были не нужны, так как он предпочитал сидеть на полу или чаще на кровати, поджав под себя ноги, по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни.

Ложась спать, он по старой привычке поверх сенного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкурку.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него все было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

— Плохой люди, его совсем не хочу гори.

Однажды мне пришла мысль записать речь Дерсу фонографом. Он скоро понял, что от него требовалось, и произнес в трубку длинную сказку, которая заняла почти весь валик. Затем я переменил мембрану на воспроизводящую и завел машину снова. Дерсу, услышав свою речь, переданную ему обратно машиной, нисколько не удивился, ни один мускул на лице его не шевельнулся. Он внимательно прослушал до конца и затем сказал:

— Его,— он указал на фонограф,— говорит верно, ни одного слова пропускай нету.

Дерсу оказался неисправимым анимистом: он очеловечил и фонограф.

Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали все пережитое во время путешествия. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие.

По возвращении из экспедиции всегда бывает много работы: составление денежных и служебных отчетов, вычерчивание маршрутов, разборка коллекций и т. п. Дерсу заметил, что я целые дни сидел за столом и писал.

— Моя раньше думай,— сказал он,— капитан так сиди (он показал, как сидит капитан), кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи — работай, назад город ходи — работай. Совсем гуляй не могу.

Однажды, зайдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружье.

— Ты куда? — спросил я.

— Стрелять,— отвечал он просто и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пуля пройдет по нарезам и очистит их; после этого канал ствола останется только протереть тряпкой.

Запрещение стрельбы в городе для него было неприятным открытием. Он повертел ружье в руках и, вздохнув, поставил его назад в угол. Почему-то это обстоятельство особенно сильно его взволновало.

На другой день, проходя мимо комнаты Дерсу, я увидел, что дверь в нее приотворена. Случилось как-то так, что я вошел тихо. Дерсу стоял у окна и что-то вполголоса говорил сам с собою. Замечено, что люди, которые подолгу живут одинокими в тайге, привыкают вслух выражать свои мысли.

— Дерсу! — окликнул я его.

Он обернулся. На лице его мелькнула горькая усмешка.

— Ты что? — обратился я к нему с вопросом.

— Так,— отвечал он.— Моя здесь сиди все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть (он указал на потолок и стены комнаты). Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй...

Дерсу замолчал, повернулся к окну и опять стал смотреть на улицу.

Он тосковал об утраченной свободе.

«Ничего,— подумал я,— обживется и привыкнет к дому».

Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в нее вернется.

— Ничего, капитан,— сказал он мне.— Моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади — мешай нету.

Ему казалось это так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи.

Он не был обижен, но был недоволен тем, что в городе много стеснений: нельзя ставить палатку, нельзя класть огня на улице, нельзя стрелять, потому что все это будет мешать прохожим.

Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров; его поразило, что за них я заплатил деньги.

— Как! — закричал он.— В лесу много дров есть, зачем напрасно деньги давай?

Он ругал подрядчика, назвал его «плохой люди» и всячески старался убедить меня, что я обманут. Я пытался было объяснить ему, что плачу деньги не столько за дрова, сколько за труд, но напрасно. Дерсу долго не мог успокоиться и в этот вечер не топил печь. На другой день, чтобы не вводить меня в расходы, он сам пошел в лес за дровами. Его задержали и составили протокол. Дерсу по-своему протестовал, шумел. Тогда его препроводили в полицейское управление. Когда мне сообщили об этом по телефону, я постарался уладить это дело. Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить деревьев около города, он меня так и не понял.

Случай этот произвел на него сильное впечатление. Он понял, что в городе надо жить не так, как ему хочется, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединяться, он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел.

Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие: он увидел, что я заплатил деньги за воду.

— Как! — опять закричал он.— За воду тоже надо деньги платить? Посмотри на реку (он указал на Амур) — воды много есть. Как можно...

Он не договорил и ушел в свою комнату.

Вечером я сидел в кабинете и что-то писал. Вдруг

я услышал, что дверь тихонько скрипнула. Я обернулся: на пороге стоял Дерсу. С первого взгляда я узнал, что он хочет меня о чем-то просить. Лицо его выражало смущение и тревогу. Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

— Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи.

Я поднял его и посадил на стул.

— Куда же ты пойдешь? — спросил я.

— Туда! — он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир.

Жаль мне было с ним расставаться, но жаль было и задерживать. Пришлось уступить. Я взял с него слово, что через месяц он вернется обратно, и тогда мы вместе поедем на реку Уссури. Там я хотел устроить его на житье у знакомых мне тазов.

Я полагал, что Дерсу дня два еще пробудет у меня, и хотел снабдить его деньгами, продовольствием и одеждой. Но вышло иначе.

На другой день утром, проходя мимо его комнаты, я увидел, что дверь в нее открыта. Я заглянул туда — комната была пуста.

Уход Дерсу произвел на меня тягостное впечатление; словно что оборвалось в груди, закралось какое-то нехорошее предчувствие; я чего-то боялся, что-то говорило мне, что я больше его не увижу. Я был расстроен весь день, работа валилась у меня из рук. Наконец я бросил перо, оделся и пошел в лагерь.

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах, в направлении солнечных лучей, появились тонкие ледяные перегородки; днем они рушились, а за ночь опять намерзали. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждой сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботится оживить природу.

Возвратившиеся со стрельбы стрелки говорили мне, что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьем в руках. Он шел радостный, веселый и напевал песню. Судя по описаниям, это был Дерсу.

Недели через две после его ухода от своего приятеля И. А. Дзюль я получил телеграмму следующего содержания:

«Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым».

«Дерсу!» — мелькнуло у меня в голове. Я вспомнил, что для того, чтобы в городе его не задерживала полиция, я выдал ему свою визитную карточку с надписью на оборотной стороне, указывавшей, что жительство он имеет у меня. Вероятно, эту карточку нашли и дали мне знать по телеграфу.

На другой день я выехал на станцию Корфовскую, расположенную с южной стороны хребта Хехцира. Там я узнал, что рабочие видели Дерсу в лесу на дороге. Он шел с ружьем в руках и разговаривал с вороной, сидевшей на дереве.

На станцию Корфовскую поезд пришел почти в сумерки.

Было уже поздно, и поэтому мы с И. А. Дзюль решили идти к месту происшествия на другой день утром.

Всю ночь я не спал. Смертельная тоска щемила мне сердце. Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили! Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!

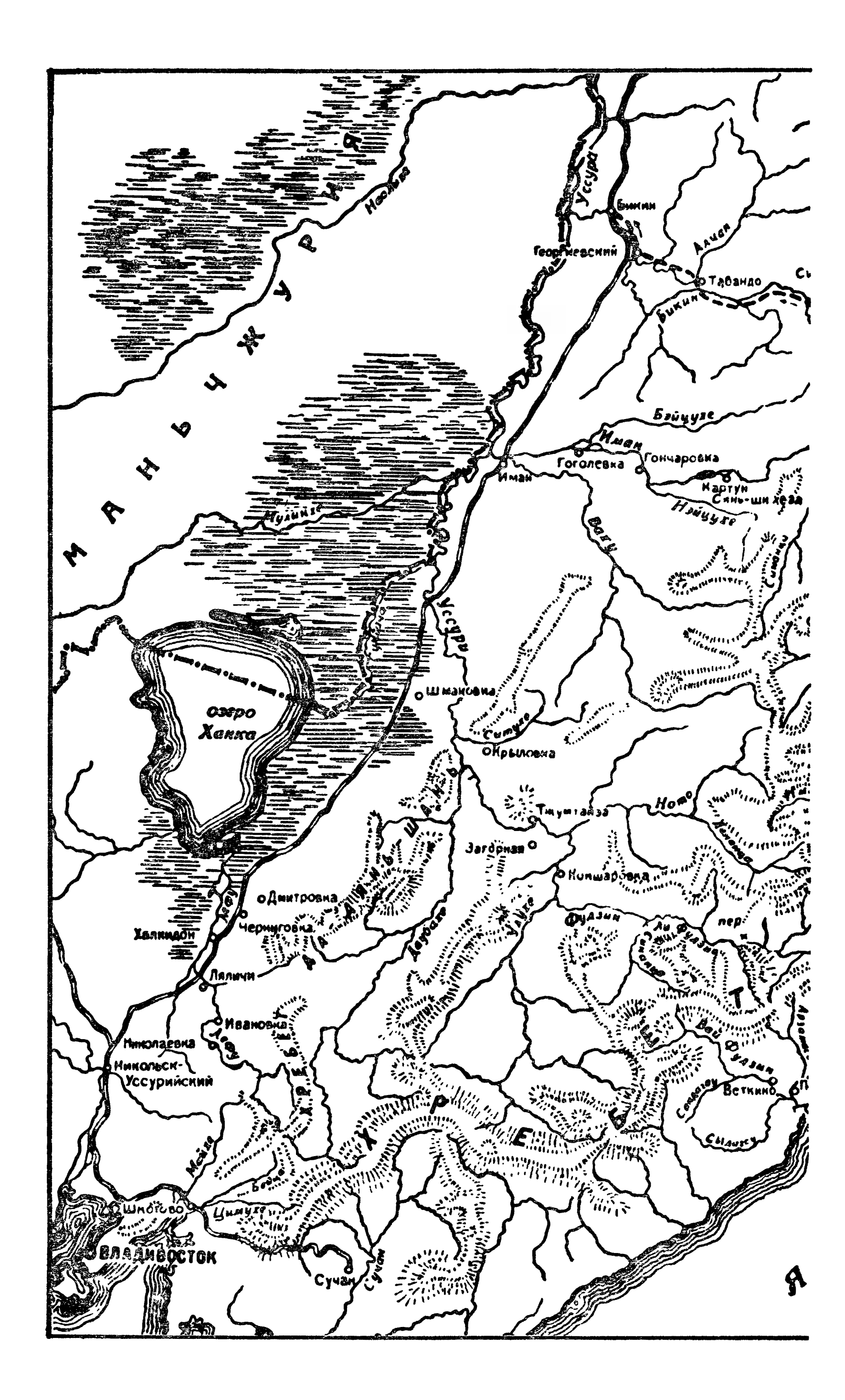
Чтобы рассеяться, я принимался читать книгу, но это не помогало. Глаза механически перебирали буквы, а в мозгу в это время рисовался образ Дерсу, который последний раз просил меня, чтобы я отпустил его на волю. Я обвинял себя в том, что привез его в город. Но кто бы мог подумать, что все это так кончится!

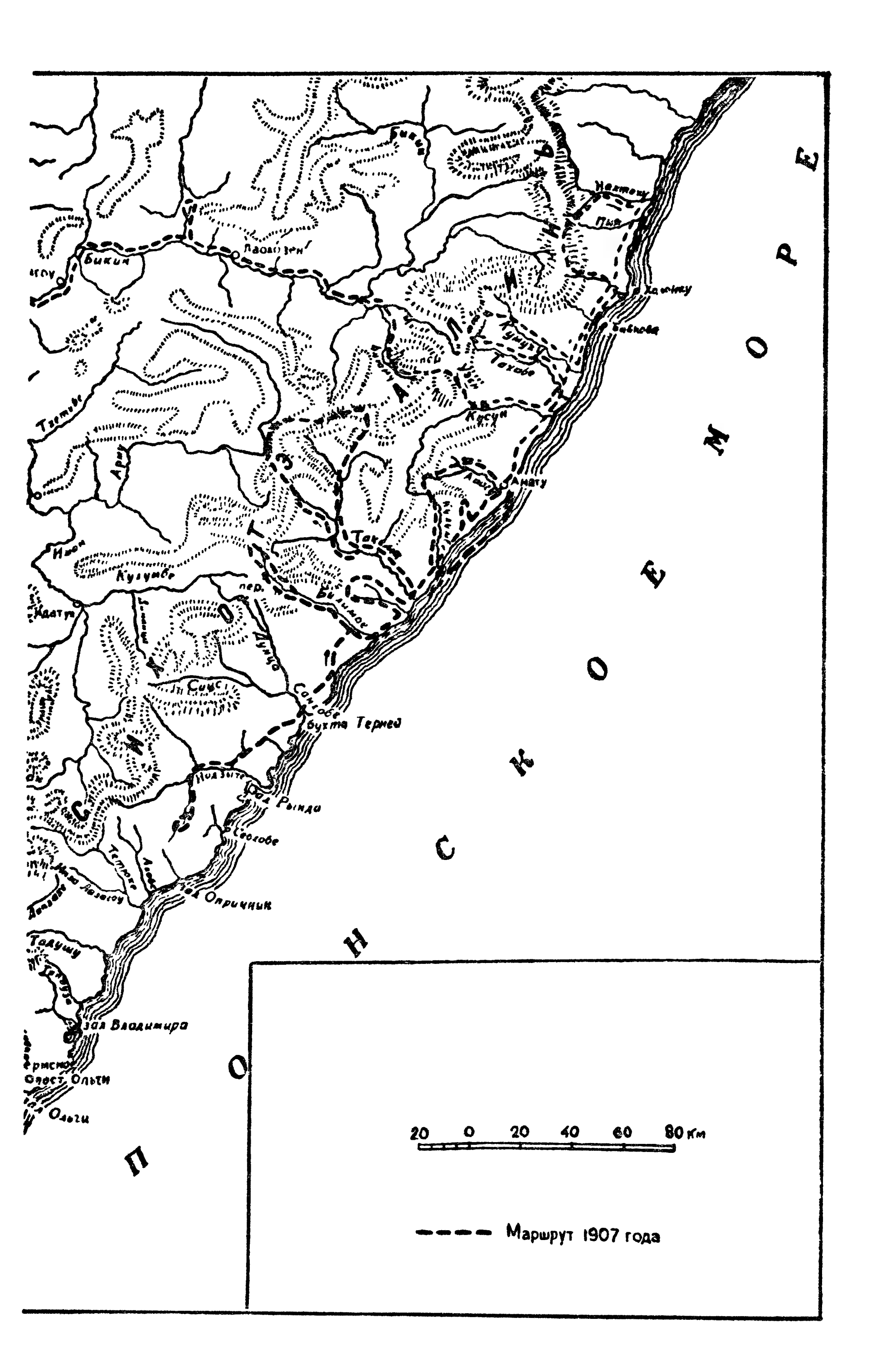
Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился странный сон: мы — я и Дерсу — были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то идти, а я уговаривал его остаться со мной. Когда все было готово, он сказал, что идет к жене, и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятилапчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю. Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло. Яркий свет ударил мне в глаза. Передо мной стоял И. А. Дзюль и тряс за плечо.

— Здорово же вы заспались,— сказал он.— Пора вставать.

Часов в 9 утра мы вышли из дому.

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась еще свежесть ночных заморозков, а в особенности в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по веселому праздничному виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.


МАНЬЧЖУРИЯ
Уссури
Бикин
Георгиевский
Тадандо
Бэйцуге
Иман
Гоголевка
Гончаровка
Картун
Имань
Шмаковка
Крыловка
озеро Ханка
Загорная
Кочшаровка
Дмитровка
Черниговка
Халкидон
Ляличи
Ивановка
Николаевка
Никольск-Уссурийский
Шкотово
Владивосток
Сучан
Веткино
Фудзин
ХРЕБЕТ
Я



Бикин
Лаогозен
Бикин
Тетюхе
Арму
Иман
Кусумбе
Кусун
Тахобе
Амагу
Такема
Бикимое
Соиде
Сангове
бухта Терней
Над Зете
бал Рынди
Сеолове
Тетюхе
Малая Аввагоу
зал Опричник
Тадушу
зал Владимира
пост Ольги
Ольги
Нахтоху
Пия
Хаджиху
Виовова
пер.
С И Х О Т Э - А Л И Н Ь
Я П О Н С К О Е   М О Р Е
20 0 20 40 60 80 Км
Маршрут 1907 года

Маленькая тропка повела нас в тайгу. Версты через полторы справа от дорожки я увидел костер и около него три фигуры. В одной из них я узнал полицейского пристава. Двое рабочих копали могилу, а рядом с ней на земле лежало чье-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника.

— Дерсу! Дерсу! — невольно вырвалось у меня из груди.

Рабочие изумленно посмотрели на меня. Мне не хотелось при посторонних давать волю своим чувствам, я отошел в сторону, сел на пень и отдался своей печали.

Земля была мерзлая, рабочие оттаивали ее огнем и выбирали то, что можно было захватить лопатой. Минут через пять ко мне подошел пристав. Он имел такой радостный и веселый вид, точно приехал на праздник. Он рассказал мне, что Дерсу нашли мертвым около костра. Судя по обстановке, его убили сонным. Убийцы искали у него денег и унесли винтовку.

Часа через полтора могила была готова. Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожу. Пробравшийся сквозь густую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойника. Оно почти не изменилось. Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто бы Дерсу что-то забыл и теперь силился вспомнить. Рабочие перенесли его в могилу и стали засыпать землей.

— Прощай, Дерсу! — сказал я тихо.— В лесу ты родился, в лесу и покончил расчеты с жизнью.

Минут через десять над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли.

Покончив со своим делом, рабочие закурили трубки и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом.

Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мною одна за другой вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Санхобе, наводнение на Билимбе, переправа через реку Такему, маршрут по реке Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину...

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

«Смирный люди»,— вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

Солнце успело уже пройти по небу большую часть своего пути. Лучи его уже не светили на землю, а уходили куда-то в беспредельное голубое небо. Слышно было, как перекликались в лесу птицы.

Могила Дерсу, тающий снег и порхающая бабочка, которая с закатом солнца должна будет погибнуть, шумящий ручей и величавый тихий лес — все это говорило о том, что абсолютной смерти нет, а есть только смерть относительная и что закон жизни на земле есть в то же время и закон смерти.

Отойдя немного, я оглянулся, чтобы запомнить место, где был похоронен Дерсу. Два больших кедра, приютивших его под своей сенью, были приметны издали.

— Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошел по дороге на станцию.

Летом 1908 года я отправился в третье свое путешествие, которое длилось почти два года.

В 1910 году зимой я вернулся в Хабаровск и тотчас поехал на станцию Корфовскую, чтобы навестить дорогую могилу. Я не узнал места — все изменилось: около станции возник целый поселок, в пригорьях Хехцира открыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал. Несколько раз я принимался искать могилу Дерсу, но напрасно... Приметные кедры исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, все кругом носило следы новой жизни.

СЛОВАРЬ
МЕСТНЫХ НАЗВАНИЙ, ТУЗЕМНЫХ И НАУЧНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ

Абсолютная высота — высота над уровнем моря.

Агды — орочское название грома.

Амба — черт; этим же именем «амба» туземцы называют и тигра.

Анемометр — инструмент для измерения силы ветра.

Бар — мель при впадении реки в море.

Барометр — инструмент, с помощью которого измеряется высота гор.

Бассейн — территория, занимаемая рекой и всеми ее притоками.

Буда — русское название чумизы (китайское просо).

Гать — настилка из деревьев и кустарников на заболоченных местах.

Гольцы — вершины гор, лишенные растительности.

Диморфант пальмовидный — деревцо с пальмовидными листьями и с иглами по стволу и ветвям.

Женьшень — растение, которому китайцы приписывают чудесную силу исцелять все недуги.

Забереги — лед на воде около берега.

Завал — буреломный лес.

Зароды — стога сена.

Зыбуны — трясина в болотах.

Калым — выкуп невесты у ее родителей.

Кан — нары, подогреваемые дымоходами.

Кильватерная колонна — суда, следующие друг за другом «гуськом».

Колодник — древесные стволы, упавшие в лесу.

Леспедеца — кустарник с мелкой листвой и мелкими малиновыми и фиолетовыми цветами.

Лудева — забор длинный и ямы вдоль него для ловли зверей.

Лыжница — след, оставляемый лыжами.

Мальма — морская рыба-форель.

Манза — китаец, проживающий в тайге Уссурийского края.

Маркловка — особый вид пойнтера, ныне исчезнувший или близкий к полному исчезновению.

Маршрут — путь, который намечен к выполнению или уже пройден.

Наледь — вода поверх льда на реке.

Нарты — сани.

Олочи — русское название легкой туземной обуви.

Ориентировка — определение своего положения на месте по странам света.

Отава — свежая трава на месте покоса.

Падь — долина.

Пал — степной или лесной пожар.

Панты — молодые рога оленей; ценятся китайской медициной.

Пантач — олень с молодыми рогами, которым китайцы приписывают целебные свойства.

Плавник — лес, принесенный водою и выброшенный на берег.

Планшет — папка с компасом, на которой вычерчивается съемка во время пути.

Подранок — раненое животное.

Протока — побочный рукав реки.

Протомоллюски — простейшие моллюски; выше их стоят моллюски с раковинами.

Пурга — снежная буря.

Распадок — короткая и широкая долина.

Рекогносцировка — осмотр ближайших окрестностей.

Секач — взрослый самец-кабан, держащийся отдельно.

Сопка — гора.

Сошки — две длинных тонких палки, скрепленных колышком или гвоздем. Употребляются как подставка для большей меткости при стрельбе из ружья.

Строганина — замороженная рыба, которую едят сырою, нарезав ее тоненькими ломтиками, вроде стружек.

Съемка — нанесение на карту пройденного экспедицией пути.

Тайфун — ураган.

Увал — пологий склон горы.
Улы — китайская обувь.
Унты — орочское название обуви.
Урочище — местность, где возник поселок, ограниченная горами, берегом моря, реками и т. д.

Фанза — китайский дом, глинобитный, с крышей, покрытой соломой или сеном.
Фарватер — русло реки.

Ханшинный завод — завод, изготовляющий китайский спирт — «ханшин».
Хунхузы — китайские разбойники.

Целина — местность без дорог, не тронутая человеком.

Чумиза — мелкая крупа вроде проса.

Шаланда — китайское мореходное судно вроде шхуны.
Шикша — черная ягода, похожая на чернику, но почти безвкусная.
Шуга — мелкий лед, плавающий по воде перед рекоставом.

«Щеки» — скалы, сжимающие реку с обеих сторон.

Элеутерококкус — колючее растение, называемое русскими переселенцами «чертовым деревом».

Юкола — сухая рыба.
Юрта — туземное жилище из бересты или из кедрового корья [1].

---

[1] Словарь составлен В. К. Арсеньевым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В оформлении книги использованы архивные фотографии (в частности, на форзаце — фотографии, сделанные В. К. Арсеньевым. На привале. Первая Сихотэ-Алиньская экспедиция, 1906 г., и Вторая Сихотэ-Алиньская экспедиция, 1907 г.).

На 210—211 страницах помещена карта Уссурийского края с разметкой маршрута экспедиции В. К. Арсеньева в 1907 году.

Арсеньев В. К.

А85 **Дерсу Узала:** Роман/Вступ. статья Вс. Сысоева.— М.: Худож. лит., 1988.— 221 с. (Школьная б-ка).

ISBN 5—280—00100—7

«Дерсу Узала» — всемирно известное произведение замечательного исследователя дальневосточного Приморья и писателя В. К. Арсеньева. В книге живо и увлекательно рассказывается о подлинных путешествиях по уссурийской тайге, ее людях, в частности — о проводнике и друге Арсеньева Дерсу Узала.

А $\frac{4702010100-371}{028(01)-88}$ 64—88 **ББК 84Р1**

Владимир Клавдиевич
Арсеньев

ДЕРСУ УЗАЛА

Редактор
В. Пересыпкина

Художественный редактор
Г. Масляненко

Технический редактор
В. Нефедова

Корректоры
Т. Сидорова, Н. Замятина

ИБ № 5044

Сдано в набор 23.02.88. Подписано к печати 11.10.88. Формат 84 × 108[1]/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,18. Уч.-изд. л. 11,98 + +форз.= 12,34. Тираж 320 000 экз. Изд. № II-2924. Заказ 1455. Цена 85 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

В 1988 году

в издательстве «Художественная литература» по сериям «Сочинения», «Избранные произведения» (русская классика) вышли в свет:

Лесков Н. Сочинения в 3-х т.
Тургенев И. Сочинения в 3-х т.
Левитов А. Избранные произведения.
Григорович Д. Сочинения в 3-х т.
Станюкович К. Избранные произведения в 2-х т.

До конца года выйдут:

Грибоедов А. Сочинения.
Мамин-Сибиряк Д. Избранные произведения в 2-х т.
Радищев А. Сочинения.
Успенский Г. Сочинения в 2-х т.
Цветаева М. Сочинения в 2-х т.
Сборник «Русская историческая повесть» в 2-х т.

В 1989 г. выйдут:

Батюшков К. Сочинения в 2-х т.
Мандельштам О. Сочинения в 2-х т.
Шмелев И. Сочинения в 2-х т.
Григорьев Ап. Сочинения в 2-х т.
Сборник «Окрыленные временем» (рассказы 20-х годов XX века).

В 1988 году

по серии «Школьная» и «Юношеская» библиотеки вышли в свет:

Рылеев К. Стихотворения
Тютчев Ф. Фет А. Стихотворения

В 1989 г. выйдут:

Салтыков-Щедрин М. Господа Головлевы
Горький М. Детство. В людях. Мои университеты
Горький М. Избранное
Герцен А. Избранное

85 к. ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. К. АРСЕНЬЕВ • ДЕРСУ УЗАЛА